

Подписка во всех отделениях связи России, Казахстана, Украины и Белоруссии Каталог «Пресса России» - индекс 29231

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 19.08.2011 ПИ № ФС77-46230 ISSN 2308-927X, ISSN 2227-3891

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ 1 РАЗ В МЕСЯЦ

4, том 3 (76) – 2018 АПРЕЛЬ

EKONOMIKA I UPRAVLENIE: PROBLEMY, RESHENIYA



СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Шенягин В. П.** Модельно-золотоносная конструкция в основании закона единства и различия противоположностей 3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

- Кирсанов С. А., Сафонов Е. Н., Паламаренко Г. А.** Развитие информационных технологии в ЖКХ России 10
- Власенкова Е. А.** О подходах к моделированию ресурсной базы региональных бюджетов 19
- Жарская З. В.** Современные тенденции развития малого бизнеса на примере Московского региона 24

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

- Assens C., Bartoli A., Hermel P.** The Combination of Competition and Cooperation in French Local Government: Toward A Specific Public «Coopetition» 27
- Bogavac Z. M.** Challenges and specific measures which appear in the work of governmental authorities in discovering and prosecuting cybercrime 33
- Živanovic N., Živanović V., Abdalhkem Flifel F. A., Ihmedat Dakheel** Modern access to management of human resources 36
- Lališ A., Stojić S.** Advancing Knowledge Inference of Prague Airport Safety Management 41
- Huawei X.** Existing Problems and Solutions of the Judicial Expertise Administration System in China 47
- Tomaszewski J.** Public procurement management in local government – case study 50
- Vukomanovic D., Vukomanovic D., Pocuc P.** How the labor market of the European Union affects human resources management 54

Решением Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (ВАК при Минобрнауки России) журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются Основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.
08.00.00 – Экономические науки. 12.00.00 – Юридические науки

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), индексируется в: Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (Россия), ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIAL DIRECTORY (США), JOURNAL INDEX.net (США), INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL (Польша)

Юридический адрес журнала:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, д. 48, корп. 2
Телефон: +7 (495) 592-2998, +7 (915) 087-7376
E-mail: info@sciencelib.ru
Internet: http://www.sciencelib.ru
© ООО «Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Экономика и управление: проблемы, решения» допускается только с письменного разрешения редакции.

Статьи рецензируются.
Подписано в печать 02.04.2018. Формат 60x90 1/8.
Цена договорная. Объем 12.5 п.л.
Тираж 7300 экз.

Точка зрения авторов статей может не совпадать с мнением редакции.

Ответственность за достоверность рекламных объявлений несут рекламодатели.
Отпечатано в типографии ООО «Канцлер» г. Ярославль, ул. Полушкина роща, 16, стр. 66а
E-mail: kancler2007@yandex.ru

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ, ФИНАНСОВЫЙ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ферафонтова М. В. Кобрендинговый банковский продукт как инструмент повышения лояльности клиентов к бренду организации	58
Ахмедов М. М. Система ипотечного жилищного кредитования на рынке недвижимости Азербайджана	61
Мамедов З. Ф. Исламская банковская система: новые вызовы, проблемы и перспективы развития	66
Сурвило Т. С., Камолс У., Гайлите Г. Предварительные результаты жилищно-коммунальной реформы	70
Тодорова Д., Колев П. Оценка экономической эффективности применения интеллигентных транспортных систем	74
Чекеревац З. П., Пригода Л. В., Киселева В. А. Диагностика современного состояния российского венчурного рынка	81
Šalić R. Undeveloped financial market as a result of the backward economy	88

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Гергова Н. Комплексная модель оценки конкурентоспособности высших учебных заведений	97
--	----

УДК 001

МОДЕЛЬНО-ЗОЛОТОНОСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ОСНОВАНИИ ЗАКОНА ЕДИНСТВА И РАЗЛИЧИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

В. П. ШЕНЯГИН,
магистр экономики, радиоинженер,
преподаватель филиала Российского государственного гуманитарного
университета, г. Домодедово, Российская Федерация
E-mail: vilor49@mail.ru

Приведена упрощенная интерпретация представления закона единства и борьбы противоположностей математическими терминами, основанная на золотых константах и единице, с учетом размышлений и выводов, которые сделали в своих статьях и заметках С. Л. Василенко, В. С. Белянин, А. В. Никитин, П. Я. Сергиенко, А. В. Кохно, В. Ю. Татур. То есть продукт авторского мышления – это не гипотеза-догадка, как предварительный вывод, нуждающийся в последующем доказательстве и подтверждении. А уже вполне сформировавшаяся монада-единица мышления, как новое знание в виде целостной модельной структуры. Философский закон единства и борьбы противоположностей приобрел новую и очень важную форму-интерпретацию в оригинальной математической символической.

Ключевые слова: закон единства и борьбы противоположностей, математические термины, золотая константа, авторское мышление, монада-единица мышления.

При разработке и осуществлении стратегии развития в любой сфере, в том числе экономике, будет нелишним обратиться взор на основные принципы и законы природы и человеческой деятельности. Более того, например, федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 38.03.01. Экономика (уровень бакалавриата) требует, чтобы выпускник среди ряда общекультурных компетенций обладал компетенцией ОК-1 – способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции.

Однако философские законы и принципы, по существу, словесны и бездоказательны математически. В их числе и основной закон диалектики – закон единства и борьбы противоположностей (ЕБП), который логичнее именовать *законом единства и различия противоположностей*, законом единства и взаимодополнения противоположностей или, совсем кратко, *законом взаимодействия противоположностей*. Не случайно, Ф. Энгельс в «Диалектике природы» (Диалектика и естествознание) отмечал, что «Философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее».

Новизна настоящего материала заключается в том, что предпринята попытка поправить устоявшееся путем интерпретации (представления, иллюстрации) важнейшего закона эволюции математическими терминами на основе теории гармонии [3, 4, 5, 10]. Иными словами, словесную формулировку закона дополним его формульной словесностью, памятуя, что наука в подобном представлении философии математической символической опыт еще не приобрела.

1. Статичный идеал закона. Интерпретируем закон с применением классических золотых констант в виде:

$$\{\Phi\phi = 1; \Phi - \phi = 1\}, \quad (1)$$

где $\Phi = 1,618K$ – большая золотая константа как положительный корень уравнения:

$$\Phi^2 - \Phi - 1 = 0; \quad (2)$$

$\phi = 0,618K$ – малая золотая константа как положительный корень уравнения:

$$\phi^2 + \phi - 1 = 0. \quad (3)$$

Прочитаем так: Закон единства $\Phi\phi = 1$ и различия (борьбы) $\Phi - \phi = 1$ противоположностей $\Phi = 1/\phi, \phi = 1/\Phi$.

Противоположности взаимообратные, т.е. инверсны, и однополярные. Но последнее свидетельствует о том, что константы принадле-

жат разным уравнениям (2) и (3). Примирение (объединение) уравнений возможно путем рассмотрения их в единстве через единичное тождество, следующее из (1), $\Phi\phi = 1 = \Phi - \phi$ в виде равенства произведения двух чисел, отличающихся друг от друга на единицу, и их разности:

$$ab = a - b \text{ при } b = a - 1 \text{ и } a = b + 1. \quad (4)$$

Конкретизируем формулу (4):

$$ab = a - b \begin{cases} \text{при } b = a - 1 \Rightarrow a(a - 1) = a - (a - 1) \Rightarrow \\ \text{при } a = b + 1 \Rightarrow (b + 1)b = (b + 1) - b \Rightarrow \end{cases}$$

$$\begin{cases} \Rightarrow a^2 - a - 1 = 0 \Rightarrow \begin{cases} a_1 = \Phi \\ a_2 = -\phi \end{cases} \Rightarrow \\ \Rightarrow b^2 + b - 1 = 0 \Rightarrow \begin{cases} b_1 = \phi \\ b_2 = -\Phi \end{cases} \end{cases}$$

$$\Rightarrow \begin{cases} a_1 b_1 = a_1 - b_1, \text{ т.е. } \Phi\phi = \Phi - \phi = 1 \\ a_2 b_2 = a_2 - b_2, \text{ т.е. } -\phi(-\Phi) = -\phi - (-\Phi) = 1 \end{cases}$$

Результатом предположенного взаимодействия в виде произведения и разности таких чисел, разнящихся на единицу, является единица (монада):

$$\Phi\phi = 1 = \Phi - \phi; \quad -\phi \cdot (-\Phi) = 1 = -\phi - (-\Phi),$$

поскольку возможны следующие представления (4):

$$\begin{aligned} \Phi(\Phi - 1) &= \Phi - (\Phi - 1); \\ -\phi(-\phi - 1) &= -\phi - (-\phi - 1). \end{aligned}$$

Системы, в которых функционируют противоположности, могут быть разнополярными, *противоположности*, напротив, *должны быть однополярными* в виде $\{\Phi, \phi\}$ и $\{-\phi, -\Phi\}$.

Попутно сделаем вывод, что классические золотые константы кроме традиционных представлений определяются единичным тождеством (4), где *произведение двух чисел, отличающихся на единицу, равно их разности*.

Дополним (1) взаимодействием противоположностей и в отрицательной области:

$$\begin{cases} \Phi\phi = 1; \quad \Phi - \phi = 1 \\ -\phi(-\Phi) = 1; \quad -\phi - (-\Phi) = 1 \end{cases}. \quad (5)$$

При вычитании факторы для отрицательной области меняются местами. Чтобы этого не происходило, нужно согласиться на результат в виде -1 , получив:

$$\Phi - \phi = 1 \text{ и } -\Phi - (-\phi) = -1.$$

Результатом различия будет не просто единица, но и со знаком, соответствующим взаимодействию факторов в области, соответствующей по полярности. Тогда (5) можно записать в виде:

$$\{\pm\Phi \cdot (\pm\phi) = 1; \quad \pm\Phi - (\pm\phi) = \pm 1\}. \quad (6)$$

Изобразим факторы на числовой оси (рис. 1).

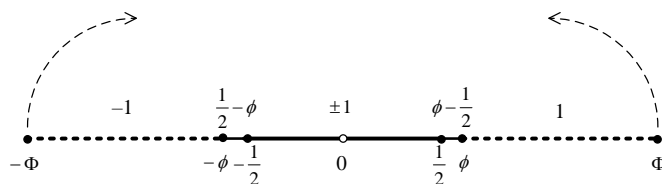


Рис. 1. Факторы на линейной оси [5, с. 46, разработано автором]

Закон ЕБП полагает, что в своих крайних проявлениях противоположности сходятся.

Крайними проявлениями являются Φ и $-\Phi$. Их схождение порождает окружность (рис. 2).

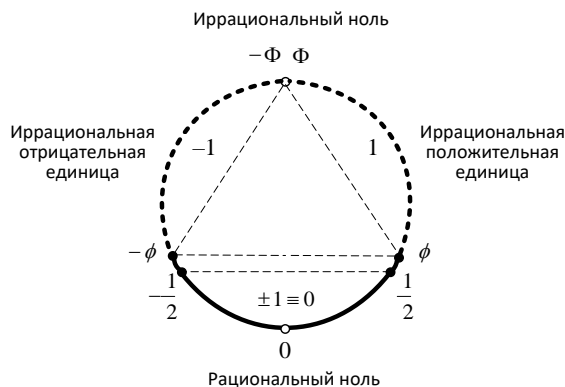


Рис. 2. Схождение-свод противоположностей в крайних проявлениях [5, с. 47, разработано автором]

Однополярные золотые константы, будучи иррациональными, своей разностью формируют иррациональные единицы. Диаметр окружности близок к единице. Графическая иллюстрация закона выделяет две особенности, каждая из которых состоит из двух противоречий [5]:

- рациональная и иррациональная (условно «низ-верх»);
- положительная и отрицательная (условно «правое-левое»).

Из этого заключаем, что закон ЕБП квадратичен (квардро-закон, кварто-закон), хотя та-

кое заключение, скорее, следует из того, что предложенная математическая интерпретация опирается на оба квадратных (квадратичных) уравнения (2) и (3).

Рациональное и иррациональное соединяются половинками «золотых склеек» величиной $\phi^3/2 = \phi - 0,5 = 0,118033K$, рассмотренных в другой работе автора [8].

Выделив на прямой рис. 1 точки $\pm\sqrt{5}/2$ (рис. 3) и сведя противоположности Φ и $-\Phi$, получим прямоугольник (рис. 4) площадью $\phi \cdot 1 = \phi$.

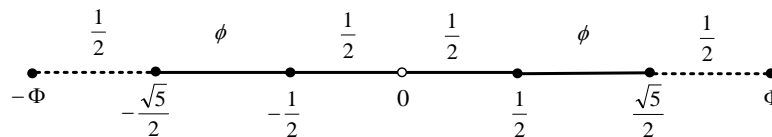


Рис. 3. Формирование малых положительных и отрицательных золотых констант единицами [10, с. 53, разработано автором]

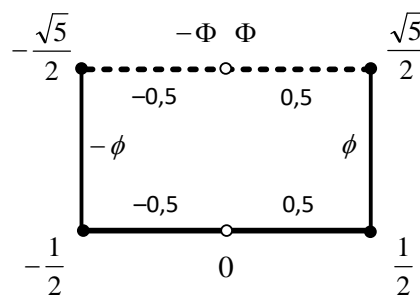


Рис. 4. Схождение противоположностей с образованием прямоугольника [10, с. 52, разработано автором]

Свод крайних проявлений Φ и $-\Phi$ в рис. 3 приводит к окружности (рис. 5), пока-

зывая формирование малых положительных и отрицательных золотых констант единицами.

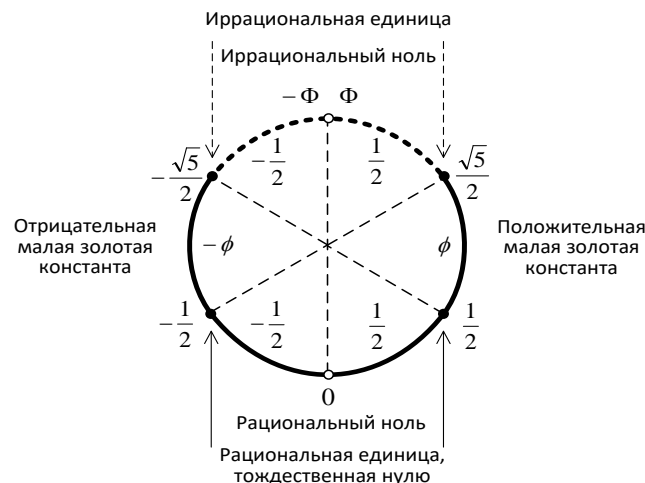


Рис. 5. Формирование малых положительных и отрицательных золотых констант единицами [10, с. 53, разработано автором]

Итак, философский закон диалектики выразим математически с участием золотых констант и единицы в такой трактовке: *Закон единства*

$$\left\{ \begin{array}{l} \Phi\phi = 1 \\ -\Phi(-\phi) = 1 \end{array} \right\} \text{ и борьбы (различия)}$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Phi - \phi = 1 \\ -\phi - (-\Phi) = 1 \end{array} \right\} \text{ противоположностей}$$

$\Phi, \phi, -\Phi, -\phi$.

Если учесть взаимодействие лишь положительных величин противоположностей, получим следующую трактовку: *Закон единства* $\{\Phi\phi = 1\}$ и *взаимодополнения* $\{-\phi + \Phi = 1\}$ противоположностей $\Phi, -\phi$.

Картину «модельно-золотоносной конструкции в основании закона ЕБП» оригинально правит С. Л. Василенко, изложив в работе [1]:

$-\phi + \Phi \equiv 1$ – единство противоположностей или совпадение интересов;

$(-\phi) \cdot \Phi \equiv -1$ – борьба противоположностей или конфликт интересов.

Конструкция основана на «генетической» связи корней» простейшего квадратичного тринома $x^2 - x - 1 = 0$, следующей из теоремы Виета, «с их способностью воспроизводить единицу». Противоположностями при этом С. Л. Василенко считает разнополярные величины большой и малой классической золотой константы. Но тогда, расширив модель до применения иных золотых констант (со свойствами классической константы) S_m и s_m [7],

где $m = \overline{1, \infty}$, как корней уравнения $s_m^2 - ms_m - 1 = 0$, получим:

$-s_m + S_m \equiv m$ – единство (по С. Василенко);

$(-s_m) \cdot S_m \equiv -1$ – борьба противоположностей.

Все же единицу как целостное должно породить единство, а не борьба, тем более положительной величины.

Термин С. Л. Василенко «модельно-золотоносная конструкция» использован в названии настоящей работы.

Вернемся к изначальному изложению. Рассмотренные авторские интерпретации присущи статичному состоянию системы, близкому к идеалу, совершенству, предполагая, что противоположности исчисляются неограниченным количеством знаков мантиссы, когда их произведение и разность равны 1. Диалектическое развитие в упрощенном виде модельно может быть выражено с помощью формул взаимосвязи факторов. Так, рис. 2 иллюстрирует формирование противоположностями иррациональных единиц, рис. 5 – формирование малых противоположностей единицами, подсказывая поиск диалектики проявления закона.

2. Диалектика действия закона. Динамика взаимодействия противоположностей и единицы для положительных факторов $\{\Phi, \phi, 1\}$ с учетом моделей, изложенных в других работах автора [6, 9], схематично в виде смеси формул и схемы изображена на рис. 6.

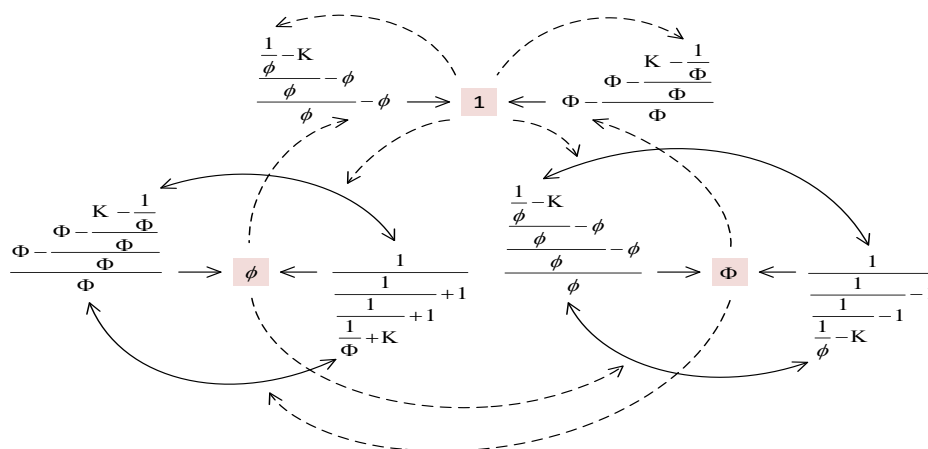


Рис. 6. Динамика взаимного формирования 1, ϕ и Φ [10, с. 58, разработано автором]

Выделим математические сферы (сегменты, зоны) факторов $\{\Phi, \phi, 1\}$, которые в своей двой-

ственности составляют семисегментную систему с взаимным формированием факторов (рис. 7).

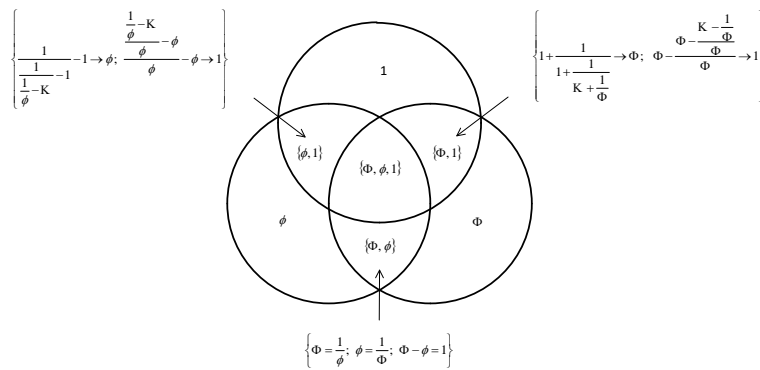


Рис. 7. Семисегментная система с взаимным формированием факторов {Φ, φ, 1} [10, с. 59, разработано автором]

3. Принцип меры. Система (5) может способствовать математизации иных философских законов и принципов, в том числе закона отрицания отрицания, и служить ключом к предложению новых, например, принципа меры (принципа нормирования) [10, с. 59].

Принцип меры (в одномерных координатах). Правые части противоположностей $\Phi = 1/\phi$; $\phi = 1/\Phi$ не имеют размерности, следовательно, левые части надо также сделать безразмерными, разделив их на единицу:

$$\frac{\Phi}{1} = \frac{1}{\phi}; \frac{\phi}{1} = \frac{1}{\Phi}. \tag{7}$$

Отсюда следует принцип меры, а именно: *из двух взаимодействующих инверсных величин одна величина нормируется единицей, единица – другой величиной.*

Пропорция (7) к тому же выражает золотое сечение отрезка величиной Φ на две части 1 и ϕ . Следовательно, закон ЕБП, базируясь на инверсных противоположностях, основывается на принципе меры и золотого сечения.

Единство атрибутов согласно (7) выразится в виде $\Phi\phi = 1^2$, приобретая размерность с уходом в плоскостные координаты. Система (5), например, для положительных чисел с учетом размерности атрибутов (7) примет вид:

$$\{\Phi\phi = 1^2; \Phi - \phi = 1; \Phi/1 = 1/\phi; \phi/1 = 1/\Phi\},$$

где:

– единство (творение, произведение, единение) атрибутов $\Phi\phi = 1^2$ выводит в двумерные плоскостные координаты;

– борьба (разность, различие, сравнение) $\Phi - \phi = 1$ происходит в одномерном измерении;

– мерностью противоположностей $\Phi/1 = 1/\phi$ и $\phi/1 = 1/\Phi$ будет безразмерный коэффициент как относительная величина.

Принцип меры (в двумерных координатах). С учетом Предложения XI Евклида во второй книге «Начала» принцип меры предстает в виде:

$$\frac{\Phi \cdot \phi}{1 \cdot \phi} = \frac{1 \cdot \phi}{\phi \cdot \phi}.$$

Площадь прямоугольника со сторонами большего и меньшего фактора $\Phi \cdot \phi$, соответствующего площади единичного квадрата $1 \cdot 1$, нормируется произведением единицы и меньшего фактора $1 \cdot \phi$, которое нормируется квадратом со сторонами меньшего фактора $\phi \cdot \phi$. Иными словами, *большая единичная площадь, но прямоугольника, а не квадрата, нормируется средней площадью, а та – меньшей площадью именно квадрата, но не единичной величины, и наоборот.*

Принцип меры созвучен с законом меры, который предложил В. Ю. Татур в своей работе [2]: «Закон меры.

Любая тотальность для сохранения себя создает в себе меру для действия закона ЕБП.

Таким образом, мера есть условие сохранения движущейся тотальности, которая есть результат единства противоположностей, а движение есть результат их борьбы.

Иначе говоря, движение тотальности есть результат ЕБП, а устойчивость движения тотальности есть результат меры разрешения противоречия. Золотое отношение есть свидетельство создания такой меры.

4. Этапы эволюции в терминах математики. Интерпретируем результат в предположении об эволюции систем в виде трех этапов:

0) исходная система, освоенная большинством, например, 1^2 – это *прошлое* \Rightarrow ;

1) взаимодействие большинства и меньшинства $1 \cdot \phi$ – это *настоящее* \Rightarrow ;

2) меньшинство ϕ^2 – это *ближайшее будущее* \Rightarrow .

Если меньшинство, приобретя влияние, получив власть, действует в интересах большинства, являясь прогрессивным, оно становится большинством более качественного уровня, приводит общество к прогрессу. Кстати, эволюция систем в три этапа в приведенной трактовке фактически выражает *закон отрицания отрицания*.

Новое более качественное большинство, дающее полноценный квадрат $\phi \cdot \phi$, – это *обозримое будущее*.

На исходном этапе большинство характеризовалось единичным квадратом, причем $1^2 > \phi^2$. Другими словами, *будущему достаточно меньшего количества при лучшем качестве* для сохранения жизни и развития общества. Сказанное с акцентом на неравенство $1^2 > \phi^2$ можно трактовать как действие закона перехода количественных изменений в качественные.

И напротив, если меньшинство, приобретя влияние, получив власть, действует только в своих эгоистических интересах, оно не становится большинством в обозримом будущем, не переводит общество на более качественный уровень, не приводит общество к прогрессу, вынуждая его оборачиваться назад, обращаясь вспять.

Данная логика $1^2 \Rightarrow 1 \cdot \phi \Rightarrow \phi^2 < 1^2$ особенно наглядно проявляется в обществе, приводя его к социальной гармонии либо нет.

5. Интерпретация закона в живой разумной природе. Особенности представления закона ЕБП в живой разумной природе гармоничными константами $\{\Phi^2, \Phi, \phi^2, -\phi\}$ изложены в другой работе автора [4]. Интерпретация предполагает не только инверсные, но и разнополярные по знаку иррациональные константы и выражение борьбы в виде суммы противоположностей в гипотетическом виде:

$$\begin{cases} \Phi\Phi^2 = \Phi^3; \Phi + \Phi^2 = \Phi^3 \\ \Phi + (\Phi + 1) = \Phi(\Phi + 1) \end{cases} \text{ и}$$

$$\begin{cases} -\phi\phi^2 = -\phi^3; -\phi + \phi^2 = -\phi^3 \\ -\phi + (-\phi + 1) = -\phi(-\phi + 1) \end{cases}$$

Проявленная трехмерность Φ^3 и $-\phi^3$ предполагает, что *принцип меры* существует и в *объемных трехмерных координатах*.

Остается надеяться и верить, что *борьба* атрибутов в разумных системах (в человеческом обществе) не носит антагонистический характер, поскольку один без другого невозможен и немыслим, а являет собой дружественный соревновательный характер. Кстати, закон единства и борьбы противоположностей применительно к нациям в СССР трактовался как *расцвет и сближение наций*, что весьма и весьма гуманно, человечно, цивилизованно и прогрессивно.

Закключение. Приведенная упрощенная интерпретация представления закона единства и борьбы противоположностей математическими терминами, основанная на золотых константах и единице, с учетом размышлений и выводов, которые сделали в своих статьях и заметках С. Л. Василенко, В. С. Белянин, А. В. Никитин, П. Я. Сергиенко, А. В. Кохно, В. Ю. Татур, опубликованных на сайте Академии тринитаризма, показывает, цитируя их, следующее.

«Закон ЕБП является законом диалектической логики, а не формальной, отражающей статику»; «Золотое сечение есть лишь результат действия закона ЕБН в тотальности»; «Категория меры в диалектической логике отображает единство качества и количества, заключающееся в существовании некоторого ограниченного интервала количественных изменений, в рамках которого сохраняется определенное качество»; «Тринитарная логика есть расширение диалектической логики, что приводит к формулированию новых законов, частью которых становятся законы диалектической логики» (В. Ю. Татур).

«Присутствует готовая математическая модель ... как новое описание-представление известного закона ЕБП.

То есть продукт авторского мышления – это не гипотеза-догадка, как предварительный вывод, нуждающийся в последующем доказательстве и подтверждении. А уже вполне сформировавшаяся монада-единица мышления, как новое знание в виде целостной модельной структуры!..

Философский закон ЕБП приобрел новую и очень важную форму-интерпретацию в оригинальной математической символикe» (С. Л. Василенко).

Список литературы

1. Василенко С. Л. Золотая пропорция в диалектике единства и взаимодействия проти-

- воположностей. «», М.: Академия Тринитаризма, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001e/00163030.htm>.
2. *Татур В. Ю.* Тринитарные заметки на полях. Часть 5. М.: Академия Тринитаризма, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0226/002a/02261250.htm>.
 3. *Шенягин В. П.* Закон единства и борьбы противоположностей в математических терминах золотых констант и монады. М.: Академия Тринитаризма, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001e/00162941.htm>.
 4. *Шенягин В. П.* Закон единства противоположностей в живой разумной природе: гипотеза. М.: Академия Тринитаризма, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001e/00163003.htm>.
 5. *Шенягин В. П.* Интерпретация закона единства и борьбы противоположностей золотыми константами: статичный идеал и динамичная диалектика // Экономика России: стратегические задачи и пути их достижения. сборник статей по итогам международной научной конференции (Москва, 15 марта 2018 г.) / отв. ред. Н.И. Архипова. М.: РГГУ, 2018. 327 с. (XVIII Чаяновские чтения) (В рамках Гуманитарных чтений РГГУ–2018). – с. 293-303.
 6. *Шенягин В. П.* Модели представления единицы золотой пропорцией М.: Академия Тринитаризма, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0232/009a/02321254.htm>.
 7. *Шенягин В. П.* Пифагор, или Каждый создает свой миф. Философское эссе // Кодры. Молдова литературная. 1997. № 9–10. С. 204–227.
 8. *Шенягин В. П.* Семь периодов корня из пяти. «М.: Академия Тринитаризма, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001e/00163008.htm>.
 9. *Шенягин В. П.* Степенная модель представления монады и двоицы золотой пропорцией. М.: Академия Тринитаризма, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0232/009a/02321290.htm>.
 10. *Шенягин В. П.* Философские законы и принципы в математических терминах золотых констант и монады. К 2400-й годовщине со дня рождения Аристотеля // Междисциплинарное периодическое издание «De Lapide Philosophorum» / под ред. Д.С. Клещёва, 2016. № II (010), декабрь. С. 34–93 [Электронный ресурс]. URL: <http://de-lapide-philosophorum.umi.ru>.

УДК 332.8

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЖКХ РОССИИ

С. А. КИРСАНОВ,

*кандидат экономических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет*

Е. Н. САФОНОВ,

*доктор экономических наук, профессор, директор филиала
Российского государственного гуманитарного университета*

Г. А. ПАЛАМАРЕНКО,

*кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет*

Анализ используемых систем автоматизации государственной деятельности демонстрирует разобщенность систем в плане стандартов на функциональность и на технологию. В существующих условиях затруднительно эффективно реализовывать федеральные целевые программы по автоматизации деятельности органов власти, поскольку отсутствует единая система стандартов и регламентов, регулирующая данную область.

Узкая целевая направленность существующих систем, как правило, диктует низкую степень поддержки межфункционального взаимодействия ведомств. Требуется создание специализированных систем для координации данного типа взаимодействия. В статье предложено решение в виде API централизованного взаимодействия подведомственных и межведомственных систем.

Для успешного выполнения программы информатизации жилищно-коммунальной сферы требуется создание телекоммуникационной среды, тесное взаимодействие с отраслевыми информационными системами, ускоренное развитие инфраструктуры информатизации и др. Необходима единая система регламентов и стандартов, которые будут иметь определяющее значение при выборе технологий, приложений и методов в проектах автоматизации, поскольку неконтролируемое развитие локально внедренных систем неизбежно приведет к возникновению конфликтов в информационной и функциональной инфраструктуре РФ.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, автоматизация, стандарты, информатизация инфраструктуры.

Введение. Для повышения эффективности системы управления жилищно-коммунальным хозяйством России в стране создана единая централизованная информационная система, которая осуществляет свою деятельность на основе технических, программных средств и информационных технологий – ГИС ЖКХ. Сегодня в системе ГИС ЖКХ России около 16 млн многоквартирных домов РФ (97%) и индивидуальных жилых домов (83%). В ГИС ЖКХ зарегистрировано более 82,5 тыс. организаций – это все управляющие компании (УК) страны, 93% товариществ собственников жилья (ТСЖ) и жилищно-строительных кооперативов (ЖСК), 97% ресурсоснабжающих организаций.

Цель создания системы – сделать сферу ЖКХ открытой, чтобы люди без всяких запросов и походов в офисы организаций или органов власти могли увидеть, сколько они платят за квартиру и почему, сколько собрано средств на капремонт и как они расходуются, какие договоры по услугам ЖКХ заключены по их дому и как они выполняются, передать в электронной форме показания счетчиков, оплатить услуги ЖКХ, направить официальное обращение в органы власти или свою управляющую организацию, увидеть все расходы своего ТСЖ, провести собрания в электронной форме, посмотреть новости ЖКХ по своему району или городу, все нормативные правовые акты, программы ЖКХ по своему дому и др.

Данный ресурс направлен на сбор, хранение, обработку, предоставление и использование информации о жилищном фонде, работах по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирных домах и т.д. [15].

ГИС ЖКХ создается исключительно за счет средств Почты России как оператора системы, без использования бюджетных денег. За период с 2014 до 2018 г. стоимость создания, эксплуатации и развития системы составит порядка 2,4 млрд руб., включая расходы на приобретение аппаратного комплекса, разработку и совершенствование программного обеспечения, работу службы поддержки пользователей [12].

За последнее время была проделана большая работа по становлению системы. Были приняты два федеральных закона – № 209-ФЗ и № 263-ФЗ, в развитие них 15 совместных приказов Минкомсвязи России и Минстроя России, определяющих работу ГИС ЖКХ. В Жилищный кодекс РФ была введена специальная норма, которая вступила в силу с 01.01.2017, об экономической мотивации участников рынка. Суть ее в том, что если в ГИС ЖКХ отсутствует информация о начислениях за ЖКУ гражданин имеет право не оплачивать такие услуги до тех пор, пока данная информация не появится в системе. Очень простой принцип: нет информации – нет денег. Думается, что такая экономическая мотивация будет работать значительно более эффективно, чем административная ответственность. Однако, на наш взгляд, необходима дальнейшая разработка нормативных правовых актов, таких как правила формирования баз данных информационных ресурсов, стандарты ГИС для жилищных организаций. Кроме того, нельзя забывать и об аттестации специалистов информационных служб и организаций, участвующих в информатизации ЖКХ.

Сегодня на рынке появилось много качественных программных продуктов, доступных по цене, с помощью которых могут работать участники рынка, если они выбрали путь размещения информации в системе в автоматическом режиме. И к слову сказать, на сегодняшний день с ГИС ЖКХ провели интеграцию более 800 IT-систем. Было важно сохранить работающие в регионах в сфере ЖКХ IT-системы, не допустить в этом сегменте монополизации IT-рынка и помочь в размещении информации ТСЖ [12].

В системе ГИС ЖКХ России размещена информация о 71,3 млн лицевых счетов, 95,6

тыс. тарифов, 340 тыс. проведенных контролирующими органами проверок, более 32,2 млн приборов учета. С ГИС ЖКХ интегрированы 2464 IT-системы. Все кредитные организации также интегрированы с ГИС ЖКХ и в ежедневном режиме передают данные об оплате жилищно-коммунальных услуг (в 2017 г. передано более 820 млн фактов оплаты) [11].

Минкомсвязь России составляет рейтинг регионов по степени их готовности к началу полномасштабной работы государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства. Есть субъекты-передовики, среди которых можно отметить Ханты-Мансийский АО, Тульскую, Челябинскую и Белгородскую области, Республику Калмыкию. Несколько субъектов РФ провели интеграцию своих IT-систем с ГИС ЖКХ и начинают размещать данные в автоматическом режиме. Наиболее результативные регионы – Татарстан, Московская область, Чувашия, Ярославль.

На наш взгляд, все данные, кроме персональных, в системе должны быть открытыми, потому что ГИС ЖКХ делается для граждан и общественного контроля. А общественный контроль бывает только тогда, когда есть открытая информация. Именно в этом и заключается суть проекта и, конечно, открытость информации в ГИС ЖКХ и более жесткая конкурентная среда между участниками рынка многим не нравится. Есть факты активного сопротивления некоторых ресурсоснабжающих организаций, которые под различными предлогами пытаются перенести сроки ответственности за размещение информации в системе, сократить объемы размещения данных, а даже дискредитировать саму идею создания ГИС ЖКХ.

ГИС позволяет увидеть не только собираемость денежных средств по дому, но и все взаиморасчеты между ТСЖ, УК и ресурсоснабжающими организациями. Будет видно, сколько собрали денег и куда их направили. Недобросовестным компаниям это не нравится. Это совсем другое качество работы ЖКХ – качество открытости, которого данной сфере больше всего и не хватает [12].

Внедрение ГИС ЖКХ в Санкт-Петербурге. В апреле 2017 г. постановлением Правительства Санкт-Петербурга была создана Региональная государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства¹.

¹ См.: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 14.04.2017 № 270 «О государственной информационной системе Санкт-Петербурга "Региональная государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства"».

Целями создания региональной ГИС являются: представление информации, а также информации, обязательное размещение которой в ГИС ЖКХ поставщиками информации, осуществляющими деятельность на территории Санкт-Петербурга, предусмотрено законодательством; повышение эффективности государственного управления ЖКХ; обеспечение размещения в ГИС ЖКХ предусмотренной федеральным законом информации. Оператор ГИС ЖКХ – Жилищный комитет.

Основными функциями рассматриваемой ГИС являются сбор, обработка, анализ и хранение информации; доступ к информации, содержащейся в Системе, размещение и представление такой информации в электронной форме; представление пользователям информации достоверной и актуальной информации; взаимодействие с ГИС ЖКХ, государственными информационными системами Санкт-Петербурга и базами данных и др.

В состав Системы входят следующие подсистемы:

– подсистема «Отраслевое хранилище данных жилищно-коммунального хозяйства Санкт-Петербурга», предназначенная для сбора, обработки и хранения информации;

– подсистема «Отраслевой портал жилищно-коммунального хозяйства Санкт-Петербурга» (далее – Отраслевой портал), предназначенная для размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу <www.gilkom-complex.ru> общедоступной информации о состоянии ЖКХ Санкт-Петербурга, а также для предоставления возможностей по работе пользователей Системы в личных кабинетах;

– подсистема «Информационное взаимодействие с государственными информационными системами Санкт-Петербурга и базами данных», предназначенная для организации взаимодействия с иными информационными системами, в том числе с ГИС ЖКХ;

– подсистема «Система защиты информации», предназначенная для обеспечения защиты информации, содержащейся в Системе, от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, представления, распространения, от иных неправомерных действий в отношении такой информации; а также для соблюдения конфиденциальности информации ограниченного доступа.

Общедоступная информация, содержащаяся в данной ГИС, размещается в сети Интернет на Отраслевом портале. Доступ к указан-

ной информации не требует авторизации пользователей информации.

Рассмотрим подробнее. Отраслевой портал, который создан для обеспечения технологической возможности исполнения действующего законодательства в сфере ЖКХ всеми участниками отрасли, межведомственного и внутриведомственного электронного взаимодействия, консолидации информации жилищной сферы Санкт-Петербурга, а также для публикации в открытом доступе информации о состоянии дел в сфере ЖКХ города.

Отраслевой портал предназначен для совершенствования информационного обеспечения населения и исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в сфере ЖКХ посредством создания механизмов сбора, обработки и предоставления специализированного доступа к информационным ресурсам исполнительных органов государственной власти (ИОГВ), подведомственных учреждений, управляющих компаний, ТСЖ и других участников отрасли.

Отраслевой портал обеспечивает единую программно-информационную инфраструктуру в сфере ЖКХ, создаваемую через интеграцию заинтересованных участников информационного обмена в единую информационную систему, интегратором и регулятором в которой выступает Жилищный комитет.

Портал включает открытую и закрытую части. Открытая информационная часть доступна без регистрации, содержит всю актуальную информацию с сайта Жилищного комитета. Закрытая часть, в свою очередь, доступна авторизованным пользователям.

Для получения доступа к информации пользователю потребуется пройти процедуру регистрации. Управляющие организации, ресурсоснабжающие организации и органы исполнительной власти Санкт-Петербурга получают доступ после направления заявки на подключение к Отраслевому portalу официальным письмом в Жилищный комитет, физические лица получают доступ после заполнения информации в разделе «Регистрация».

Сведения по домам и техническая часть электронного паспорта многоквартирного дома, не содержащие персональных данных граждан, доступны всем зарегистрированным пользователям. Для того чтобы получить доступ к личному счету пользователю, потребуется ввести дополнительную информацию, подтверждающую его право доступа к ней. В настоящее время ведется работа по подключе-

нию к Отраслевому portalу биллинговых систем госучреждения «Вычислительный центр коллективного пользования жилищного хозяйства» и по отладке процесса обмена информацией. Функция получения информации о состоянии индивидуального лицевого счета пока неактивна. Со временем на Отраслевом portalе будет обеспечена возможность получения данных о своем лицевом счете для жителей всех многоквартирных домов Санкт-Петербурга.

Подсистемы Отраслевого portalа и входящие в его состав программные компоненты:

подсистема отображения и ввода информации конечными пользователями состоит из следующих программных компонентов:

- «Управление и кэширование данных»,
- «Веб-portal»,
- «Ввод и публикация ЭП МКД для ИОГВ»,
- «Ввод и публикация ведомостей ИЖФ»,
- «Ввод и публикация ведомостей МОС»,
- «Ввод и публикация информации о деятельности управляющих организаций, ТСЖ, ЖСК»,
- «Взаимодействие пользователей Portalа ЖКХ с использованием механизма сообщений»,
- «Публикация сведений РСКР»,
- «Публикация сведений проекта РПКРОИ»,
- «Публикация сведений из биллинговых систем ГУП ВЦКП «ЖХ»;

2) подсистема консолидации, хранения и предоставления контента (ПКХПК) состоит из следующих программных компонентов:

- «Хранение данных»,
- «Консолидация данных, полученных из внешних источников»,
- «Веб-сервисы взаимодействия с потребителями данных»,
- «Управление технологическим процессом»,
- «Сбор и предоставление ЭП МКД для ИОГВ»,
- «Сбор и предоставление ведомостей ИЖФ»,
- «Сбор и предоставление ведомостей МОС»,
- «Сбор и предоставление информации о деятельности управляющих организаций, ТСЖ, ЖСК»,

– «Предоставление информации о деятельности управляющих организаций, ТСЖ, ЖСК» в ГИС СПб «СМЭВ СПб»,

– «Сбор и предоставление сведений проекта РПКРОИ».

Пользователями Portalа ЖКХ являются:

- ИОГВ (Жилищного комитета, Администраций районов Санкт-Петербурга и др.);
- УК (ТСЖ, ЖК, ЖСК);
- собственники, наниматели и арендаторы помещений;
- население Санкт-Петербурга.

В целях осуществления своих функций пользователи взаимодействуют со следующими программными компонентами portalа:

- «Веб-portal»;
- «Ввод и публикация ЭП МКД для ИОГВ», «Сбор и предоставление ЭП МКД для ИОГВ»;
- «Ввод и публикация ведомостей ИЖФ», «Сбор и предоставление ведомостей ИЖФ»;
- «Ввод и публикация ведомостей МОС», «Сбор и предоставление ведомостей МОС»;
- «Ввод и публикация информации о деятельности управляющих организаций, ТСЖ, ЖСК», «Сбор и предоставление информации о деятельности управляющих организаций, ТСЖ, ЖСК», «Предоставление информации о деятельности управляющих организаций, ТСЖ, ЖСК» в ГИС СПб «СМЭВ СПб»;
- «Публикация сведений РСКР»
- «Публикация сведений проекта РПКРОИ», «Сбор и предоставление сведений проекта РПКРОИ».

Таким образом, можно выделить два основных компонента: front-end и back-end составляющие. На стороне front-end реализован пользовательский интерфейс, а back-end уже представлен сервером обработки запросов и СУБД.

Совершенствование информационной системы. В процессе функционирования Отраслевой portal принимает информацию от информационных систем сферы ЖКХ, обеспечивает ввод информации, не содержащейся в других информационных системах, передачу информации во внешние информационные системы и ее публикацию различным категориям пользователей.

Разработка единого API² для взаимодействия с другими ГИС. В текущей версии пор-

² API — набор готовых классов, процедур, функций, структур и констант, предоставляемых приложением (библиотекой, сервисом) или операционной системой для использования во внешних программных продуктах. Используется программистами при написании всевозможных приложений.

тала реализация информационного обмена осуществляется при помощи разных СУБД, что влечет проблемы совместимости. На

схеме внешних информационных связей (рис. 1) показано многообразие входных и выходных данных.

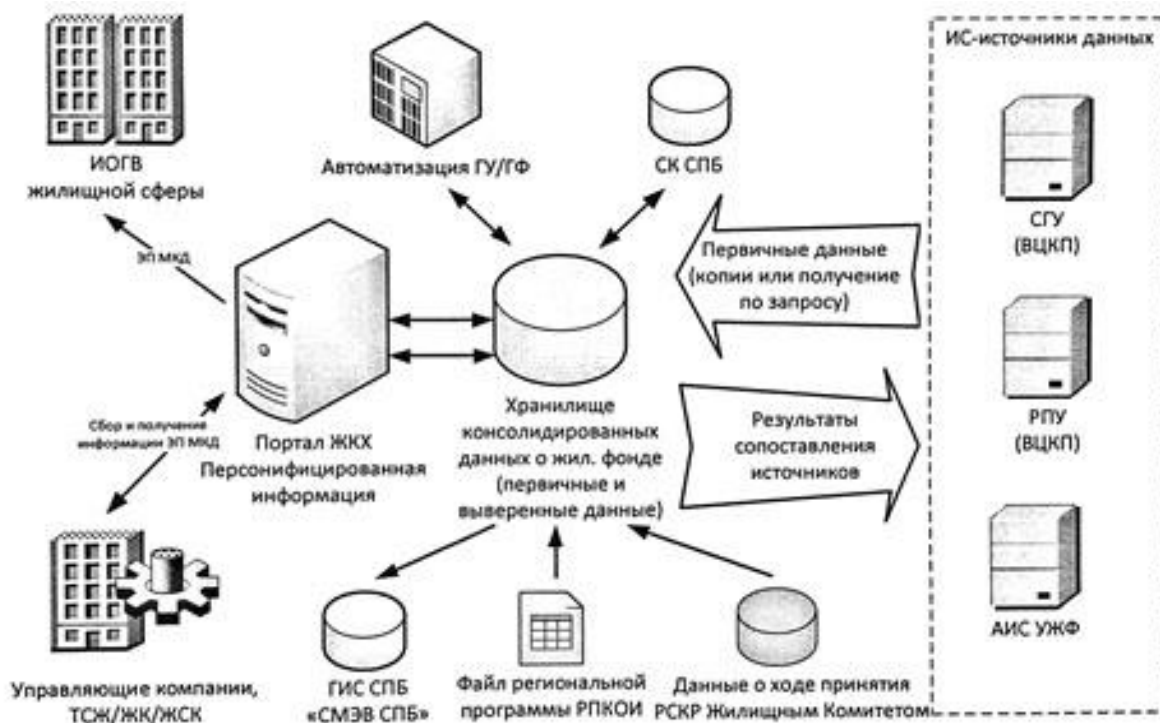


Рис. 1. Схема внешних информационных связей

Для обеспечения совместимости приходится разрабатывать различные средства преобразования и конвертации данных из-за разнообразия СУБД.

В этом случае возникает потребность оптимизации процесса обмена данными для унификации и уменьшения времени передачи информации.

Одним из способов для достижения этой цели является создание API для всех участников обмена. Преимуществами является то, что API определяет функциональность, которую предоставляет программа (модуль, библиотека), при этом API позволяет абстрагироваться от того, как именно эта функциональность реализована.

Если программу (модуль, библиотеку) рассматривать как черный ящик, то API – это множество «ручек», которые доступны пользователю данного ящика и которые он может вертеть и дергать.

Программные компоненты взаимодействуют друг с другом посредством API. При этом обычно компоненты образуют иерархию –

высокоуровневые компоненты используют API низкоуровневых компонентов, а те, в свою очередь, используют API еще более низкоуровневых компонентов.

По такому принципу построены протоколы передачи данных по сети Интернет. Стандартный стек протоколов по сетевой модели OSI содержит семь уровней (от физического уровня передачи бит до уровня протоколов приложений, подобных протоколам HTTP и IMAP). Каждый уровень пользуется функциональностью предыдущего («нижележащего») уровня передачи данных и, в свою очередь, предоставляет нужную функциональность следующему («вышележащему») уровню.³

Схема нового взаимодействия с исследуемой государственной информационной системой приведена ниже на рис. 2. Как можно наблюдать, все потоки информации проходят через API. При этом если необходимо масштабировать систему, то не нужно заново разрабатывать интерфейсы обмена с различными системами, если заранее прописать этот механизм в нормативном документе.

³ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/API>.

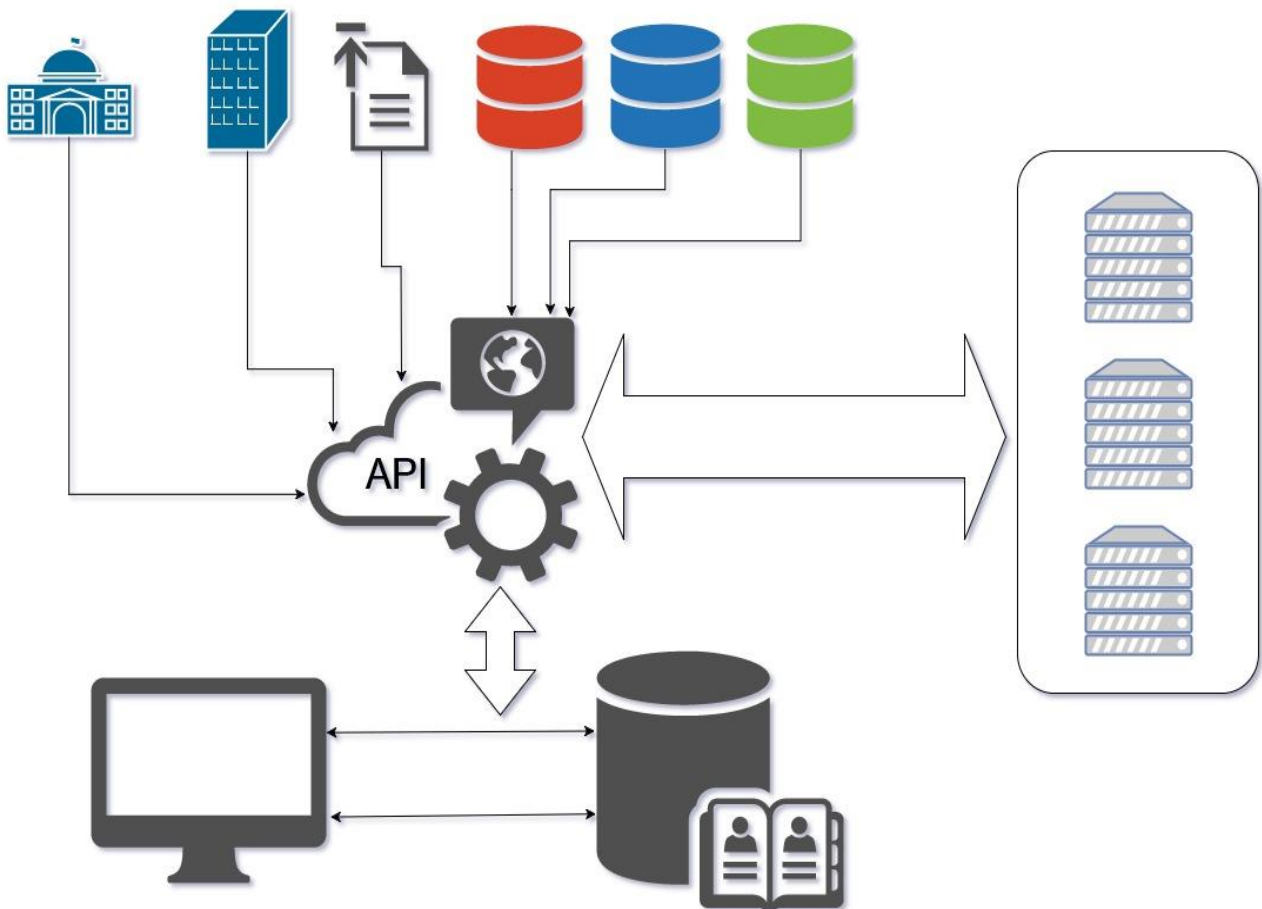


Рис. 2. Новая схема связей с учетом нововведения

Можно составить базовые требования для реализации данного подхода информационного обмена:

1) интерфейсная часть портала. Интерфейс сайта представляет собой визуальное его отображение на экране монитора компьютера и является одним из наиболее важных элементов не только интернет-портала, но и любого приложения, программного обеспечения. Именно пользовательский интерфейс отвечает за то, насколько удобно пользователю будет взаимодействовать с сайтом или приложением, соответственно, захочет ли он использовать этот ресурс и в дальнейшем.

Страница сайта оптимизирована только для экранов мониторов персональных компьютеров, что, в свою очередь, сужает аудиторию пользователей данным порталом. На рис. 3 видно страницу, размещенную на всем экране монитора. Все элементы расположены относительно центра экрана. Верхнее меню – это «Навигатор по государственным сайтам Санкт-Петербурга». Он является обязательным элементом на всех государственных сайтах. Нави-

гатор, в отличие от самого портала, масштабируется и адаптируется в зависимости от размера окна или мобильного устройства.

Другая недоработка главной страницы портала ЖКХ, на наш взгляд, это множество расположенных баннеров внизу. На рис. 4 приведен пример расположения рекламных объявлений.

Для того чтобы решить проблему избыточности места, отведенного под рекламные объявления, стоит использовать горизонтальный «ролл» с баннерами, что уменьшит занимаемую площадь и улучшит «юзабилити» портала Жилищного комитета.

Следующая недоработка заключается в том, что при уменьшении ширины верстки страницы элементы остаются на фиксированных местах не оптимизируясь под меняющийся размер окна. Это хорошо видно на рис. 5.

Следует оптимизировать разметку страницы и сделать ее динамически зависимой от размера окна. Это также скажется на охвате пользователей данным государственным порталом.

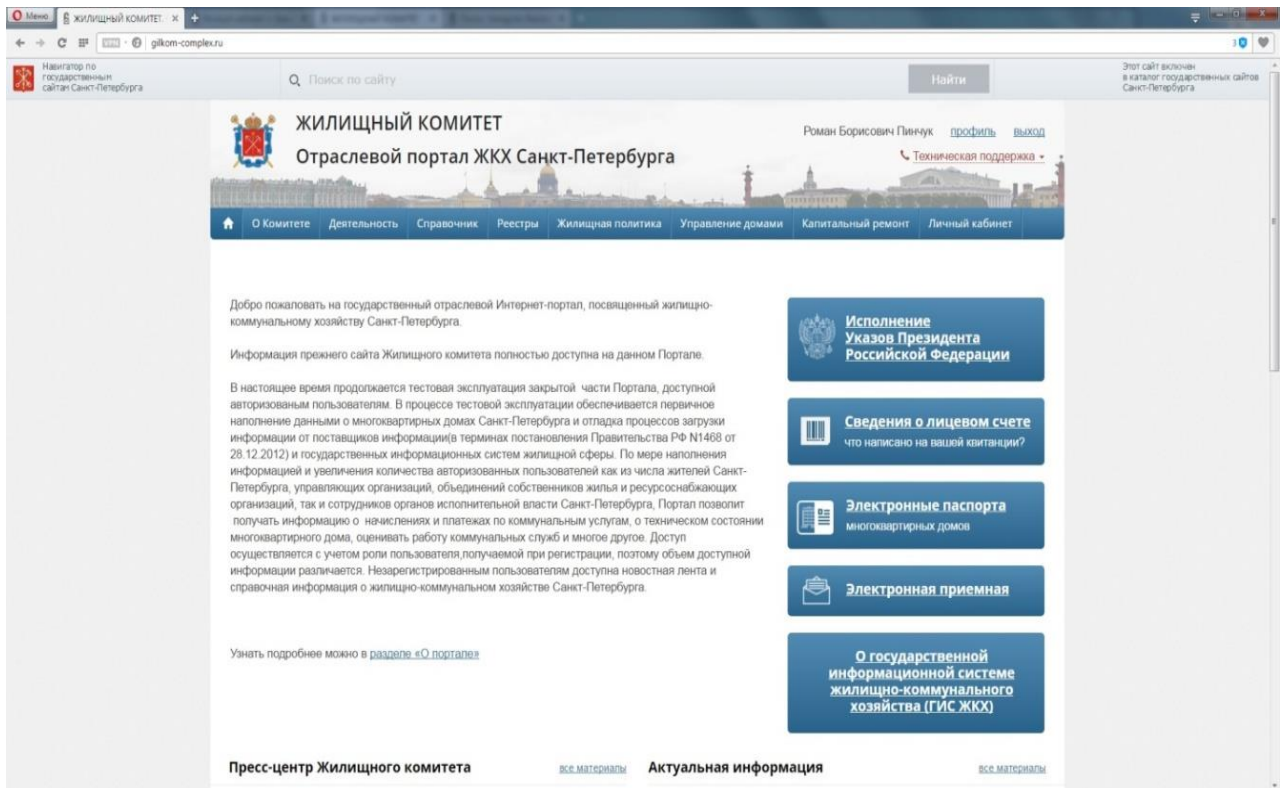


Рис. 3. Страница портала на всю ширину окна

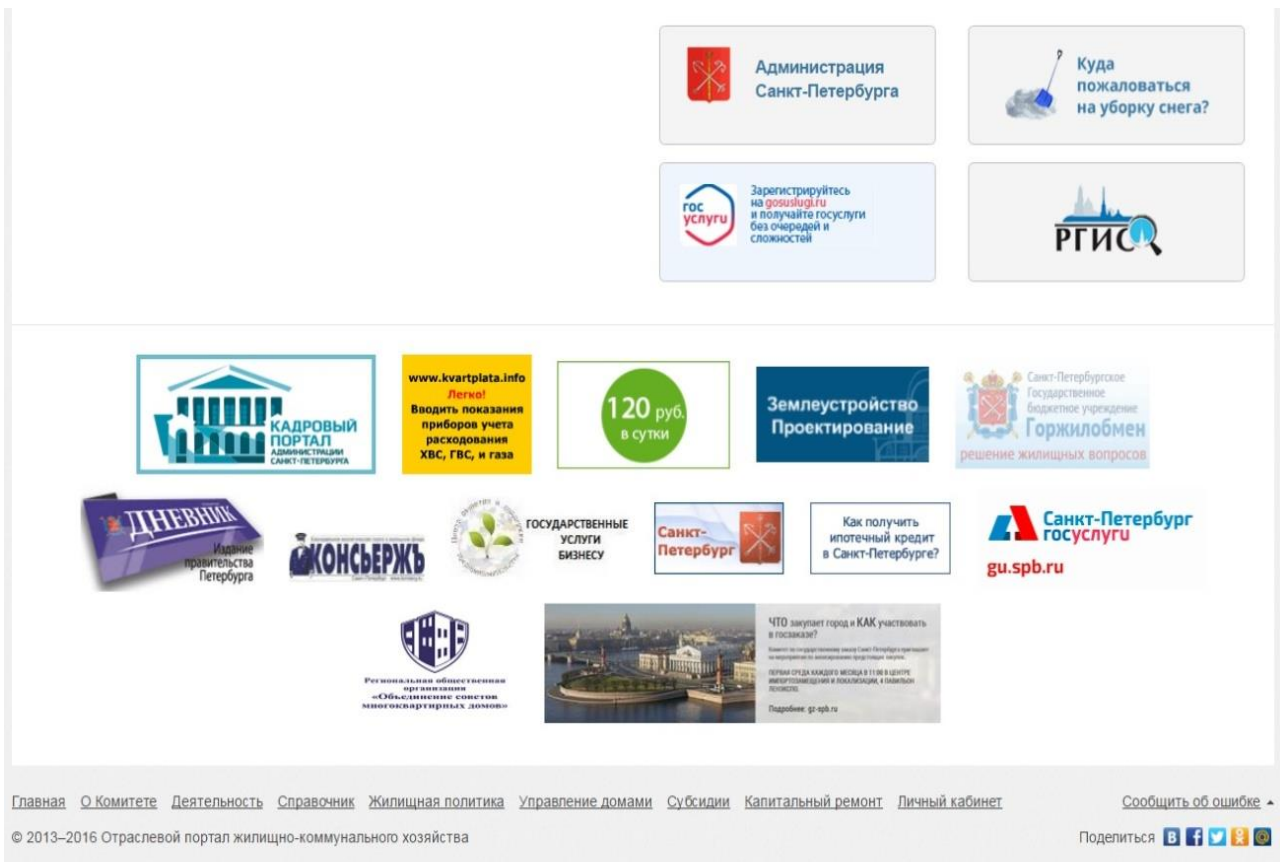


Рис. 4. Пример расположения баннеров

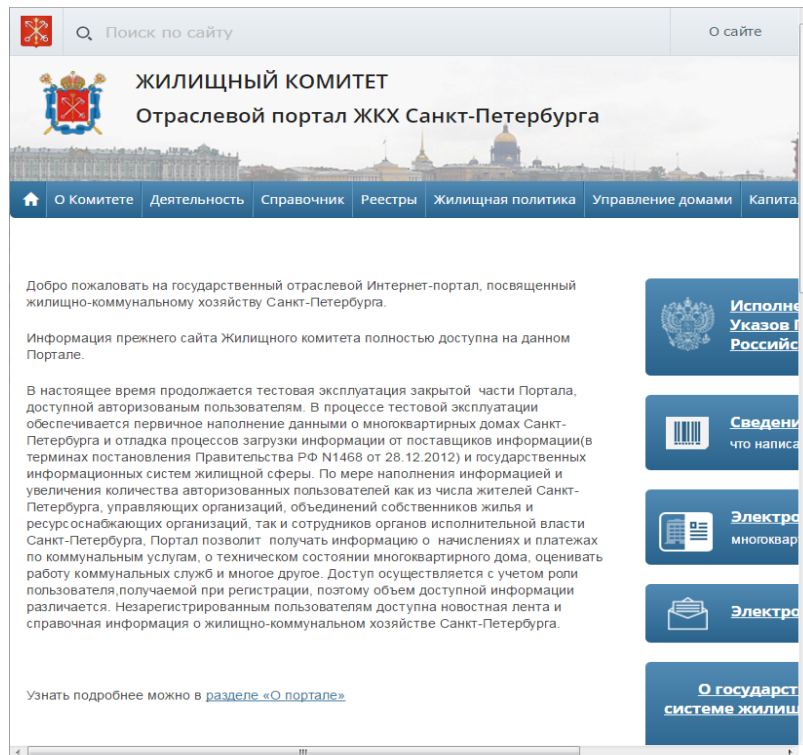


Рис. 5. Статичное расположение элементов на странице

При исследовании портала было обнаружено несоответствие полей представленным

данным на форме по запросу пользователя. Это показано на рис. 6.

Краткосрочный план реализации региональной программы капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах:

г.Санкт-Петербург, Таллинская улица, дом 17, литера А

Год: 2016

Основание: В связи с утверждением постановления Правительства Санкт-Петербурга от 17.11.2016 № 1050 «О внесении изменений в постановления Правительства Санкт-Петербурга от 18.02.2014 № 84, от 18.12.2015 № 1154»

Тип многоквартирного дома: Дома постройки 1957-1970 гг. категории "Хрущевки панельные"

Год ввода многоквартирного дома в эксплуатацию: 1960

Год последнего комплексного капитального ремонта (реконструкции): –

Общая площадь многоквартирного дома: 3 953.60 м²

В том числе площадь жилых и нежилых помещений: 3 595.50 м²

Дата приватизации первого жилого помещения: 14.01.1993

Стоимость капитального ремонта: 1 159 012.81 руб.

В том числе за счет средств государственной поддержки: 1 159 012.81 руб.

В том числе за счет средств фонда капитального ремонта: 0.00 руб.

Год проведения капитального ремонта общего имущества: 2016

Способ формирования фонда капитального ремонта общего имущества: Счет регионального оператора

Виды работ:

Период ремонта крыши: 1 159 012.81 руб.

Рис. 6. Несоответствие полей представленной информации

Для обеспечения правильного соответствия необходимо обеспечивать проверку на разных уровнях выполнения запросов пользователей, так как это является некорректным опубликованием информации и может привести к проблемам у оператора информации данного портала.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что определенный технологический и организационный опыт внедрения информационных систем, поддерживающих деятельность Отраслевого портала, имеется, необходимо лишь совершенствовать эту деятельность.

Анализ используемых систем автоматизации государственной деятельности демонстрирует разобщенность систем в плане стандартов на функциональность и на технологию. В существующих условиях затруднительно эффективно реализовывать федеральные целевые программы по автоматизации деятельности органов власти, поскольку отсутствует единая система стандартов и регламентов, регулирующая данную область.

Узкая целевая направленность существующих систем, как правило, диктует низкую сте-

пень поддержки межфункционального взаимодействия ведомств. Требуется создание специализированных систем для координации данного типа взаимодействия. В статье предложено решение в виде API централизованного взаимодействия подведомственных и межведомственных систем.

Для успешного выполнения программы информатизации жилищно-коммунальной сферы требуется создание телекоммуникационной среды, тесное взаимодействие с отраслевыми информационными системами, ускоренное развитие инфраструктуры информатизации и др. Необходима единая система регламентов и стандартов, которые будут иметь определяющее значение при выборе технологий, приложений и методов в проектах автоматизации, поскольку неконтролируемое развитие локально внедренных систем неизбежно приведет к возникновению конфликтов в информационной и функциональной инфраструктуре РФ.

Список литературы

1. Единый портал государственных услуг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosuslugi.ru>.
2. Постановление Правительства РФ от 06.07.2015 № 676 «О требованиях к порядку создания, развития, ввода в эксплуатацию, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем и дальнейшего хранения содержащейся в их базах данных информации».
3. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг».
4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 14.04.2017 № 270 «О государственной информационной системе Санкт-Петербурга «Региональная государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства».
5. Приказ Минкомсвязи России от 14.06.2016 № 264 «О вводе в эксплуатацию государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства».
6. Сайт портала Жилищного комитета Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gilkom-complex.ru/>.
7. Сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <https://15.rkn.gov.ru/law/p8182/>.
8. Совместный приказ Минкомсвязи России и Минстроя России от 02.03.2016 № 77/120 Об утверждении состава, порядка, сроков и периодичности размещения в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства информации о предоставлении субъектам Российской Федерации и муниципальным образованияам финансовой поддержки на проведение капитального ремонта многоквартирных домов, переселение граждан из аварийного жилищного фонда, модернизацию систем коммунальной инфраструктуры, а также о выполнении условий предоставления такой финансовой поддержки».
9. Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства».
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
11. Шадрин Т. Коммуналка уходит в «электронку». Дан старт полноценной работе ГИС ЖКХ // Российская газета. Федеральный выпуск. 2017. 5 окт.
12. Шадрин Т. Открыть двери в ЖКХ // Российская газета. Столичный выпуск. 2016. 29 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/29/evraev-cel-sozdaniia-gis-zhkh-otkryt-etu-sferu-dlia-grazhdan.html>.
13. <http://alfakontakt.ru/gis-zhkh-novyyi-somnitelnyiy-megaproekt/>.
14. <http://burmistr.ru/blog/izmeneniya-zakonodatelstva/shtrafy-za-gis-zhkhk-v-2018-godu/>.
15. <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/355/>.
16. <http://rkruf.ru/o-vnedrenii-gosudarstvennoj-informacionnoj-sistemy-zhilishhno-kommunalnogo-xozyajstva-gis-zhkh.html>.
17. <http://www.rosteplo.ru/news/2017/12/18/1513532786-v-gosudarstvennoj-dume-obsudili-problemy-raboty-gis-jkh>.
18. <http://www.vzsar.ru/news/2018/02/02/minstroy-o-probleme-gis-jkh-y-nas-takie-slaydy-krasivye-kak-vvodit-dannye.html>.
19. <https://iz.ru/688481/pavel-chernyshov/minkomsviazi-reshilo-ne-koshmarit-kommunalshchikov>.

УДК 332

О ПОДХОДАХ К МОДЕЛИРОВАНИЮ РЕСУРСНОЙ БАЗЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ

Е. А. ВЛАСЕНКОВА,

*доцент кафедры экономико-управленческих дисциплин
филиала Российского государственного гуманитарного университета,
г. Домодедово, Российская Федерация*

Выведенная на основе ретроспективных статистических данных регрессионная зависимость далее может использоваться в виде целевой функции в модели оптимизации, где ограничениями будут предельно возможные объемы финансовых ресурсов в плановом периоде по указанным макросубъектам.

Ключевые слова: ресурсная база, бюджет, регион, статистика, целевая функция, модель оптимизации, финансовые ресурсы.

Как известно, динамика пропорций между федеральным бюджетом и консолидированными бюджетами субъектов РФ по доходам складывается не в пользу регионов, что отражено в табл. 1.

В исследуемом периоде доля консолидированных бюджетов субъектов РФ в общем объеме бюджетных доходов не превышала 42,7%, а в отдельные периоды опускалась до 33%.

Таблица 1

Пропорции между доходами федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов РФ, млрд руб.¹

Период	Консолидированный бюджет РФ (без государственных внебюджетных фондов)	Федеральный бюджет		Консолидированные бюджеты субъектов РФ (без учета межбюджетных трансфертов)	
		Всего	%	Всего	%
2009	11 776,9	7337,8	62,3	4439,1	37,7
2010	13 443,8	8305,4	61,8	5138,4	38,2
2011	17 367,4	11 367,7	65,5	5999,7	34,5
2012	19 295,7	12 855,5	66,6	6440,2	33,4
2013	21 185,0	13 019,9	66,2	6650,4	33,8
2014	21 637,8	14 496,9	67,0	7140,9	33,0
2015	21 363,7	13 659,2	63,9	7622,9	36,1
2016	23 383,8	13 460,0	57,4	9923,8	42,7
2017 (предварит.)	25 847,1	15 088,9	58,4	10 758,2	41,6
2018 (прогноз)	24 864,8	15 257,8	61,4	9607,0	38,6
2019 (прогноз)	25 134,8	15 554,6	61,9	10 172,0	38,1
2020 (прогноз)	27 100,3	16 285,4	60,1	10 814,9	39,9

¹ Составлено по данным Минфина России, Федерального казначейства, материалов к проекту федерального закона «О федеральном законе «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» в системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы.

Провозглашаемое повышение экономической самостоятельности субъектов РФ (а значит, и муниципалитетов) на практике пока реализуется недостаточно активно. Вместо обеспечения повышения самостоятельности имеет место, наоборот, ее снижение, увеличение экономической централизации. В связи с этим подавляющая часть регионов вынуждены (в том числе для реализации «майских указов» Президента РФ) пользоваться не только бюджетными кредитами с низкими ставками, но и коммерческими кредитами банков с высокими ставками. В результате ряд регионов имеют накопленные долги, сравнимые по объемам с доходами бюджетов и даже превышающие их.

Так, по данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», по состоянию на начало 2017 г. у восьми субъектов РФ государственный долг превышал налоговые и неналоговые доходы бюджетов (Еврейская автономная область, Республика Марий Эл, Смоленская область, Республика Карелия, Астраханская область, Костромская область, Республика Хакасия, Республика Мордовия), еще у 25 регионов государственный долг составляет более 75% налоговых и неналоговых доходов бюджетов [6].

Правительство РФ оказывает существенную помощь регионам по снижению долговой нагрузки, включая предоставление возможностей по замещению коммерческих кредитов бюджетными. Однако в полной мере проблема долгов регионов при наличии указанных диспропорций в распределении налоговых доходов по уровням бюджетной системы еще сохраняется. В связи с этим обеспечение оптимального бюджетно-налогового федерализма является ключевым направлением развития России как федеративного государства.

Обоснование необходимых и достаточных размеров расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ можно представить в виде следующей последовательности этапов:

- актуализация на очередной расчетный период (на пять лет с необходимой дифференциацией по годам) социальных стандартов потребления товаров и услуг потребительской корзины;

- расчеты рациональных потребительских бюджетов граждан (РПБ) по каждому из регионов России на базе стандартов потребления товаров и услуг из потребительской корзины каждого из регионов и прогнозов цен на товары (услуги) по годам периода планирования (как минимум – трех лет) в соответствии с бюджетной трехлетней;

- расчеты необходимой и достаточной среднемесячной заработной платы на базе оценок величин рациональных потребительских бюджетов регионов и коэффициентов нагрузок детей и иных, не имеющих доходов, членов семей в расчете на одного гражданина, имеющего доходы, – по каждому из субъектов РФ:

$$\text{НДСЗП}_i = \text{РПБ}_i \times (1 + \text{КН}); \quad (1)$$

- расчеты необходимого и достаточного годового фонда оплаты труда всех занятых в бюджетной сфере каждого из регионов:

$$\text{ГФОТ}_i = 12 \times \text{НДСЗП}_i \times \text{ЧЗБС}_i, \quad (2)$$

где ЧЗБС_i – численность занятых в бюджетной сфере региона;

12 – 12 месяцев;

- НДСЗП_i – необходимый и достаточный размер средней заработной платы по субъекту РФ;

- обоснование нормативно-целевого объема расходов бюджетов субъектов РФ на основе концепта 5%-й доли расходов на оплату труда работников, занятых в бюджетной сфере регионов:

$$\text{РКБСФ}_i = \text{ГФОТ}_i \times 2. \quad (3)$$

Следовательно, объем расходов консолидированных бюджетов каждого из субъектов РФ будет включать две составные части. Одна часть – это расходы на оплату труда по всем бюджетным секторам. Именно такие размеры расходов на оплату труда позволяют обеспечить реализацию указов Президента РФ. Вторая часть – это текущие расходы по всем иным статьям расходов и расходы на развитие (для бюджета развития, включающего расходы на научно-техническую, инновационную и инвестиционную деятельность).

Таким образом, полученные на основе представленной методологии оценки необходимых и достаточных размеров консолидированных бюджетов регионов ставят все субъекты РФ в равные условия для их текущей деятельности и расширенного воспроизводства, для финансирования их саморазвития.

Пока же при существующих пропорциях региональных и муниципальных бюджетов в консолидированном бюджете России в целом о реальной самостоятельности региональных и муниципальных властей пока говорить нельзя.

Принципы обеспечения оптимального сочетания целостности (централизации) и самостоятельности в многоуровневой бюджетной системе России в настоящее время соблюдаются не в полной мере.

Для проведения экспериментальных расчетов необходимых и достаточных размеров консолидированных бюджетов регионов России в

соответствии с предложенной методологией, как было указано, должны быть проведены оценочные расчеты величин рациональных потребительских бюджетов (РПБ). Научно-методической базой для проведения таких расчетов являются в первую очередь исследования В. Г. Садкова [10].

Используя произведенные расчеты размеров РПБ для регионов средней полосы России, зная величины региональных коэффициентов удорожания затрат на текущее потребление и инвестиции по сравнению со средней зоной России, можно оценить и пропорции увеличения затрат и на оплату труда, и на инновационно-инвестиционные цели (с учетом «северно-дальневосточных» коэффициентов удорожания).

Величина рационального потребительского бюджета на начало 2013 г. (для сопоставления с отчетными данными последние данные не обязательны) составляет приблизительно 44,4 тыс. руб. в месяц. Коэффициент нагрузки неработающих членов семей на одного занятого и имеющего доходы, как минимум, может быть принят в 0,25. Тогда нормативно-целевой уровень средней заработной платы (НДСЗП) будет составлять:

$$\text{НДСЗП} = \text{РПБ} \times (1 + 0,25) \approx 55 \text{ тыс. руб. в месяц.}$$

При этом средняя по России заработная плата в этот же период была ниже почти в 2 раза.

Дальнейшие расчеты сведены в табл. 2.

Таблица 2

Расчет нормативно-целевых размеров расходов консолидированных бюджетов регионов Центрального федерального округа [7]

№	Субъект РФ	НДСЗП, руб./человек	Численность занятых в бюджетной сфере, тыс. человек	Годовой ФОТ занятых в бюджетной сфере, млн руб.	Нормативно – целевой объем расходов консолидированного бюджета, млн руб.
1	Белгородская область	55	135	89 100	178 200
2	Брянская область	55	102	67 320	134 640
3	Владимирская область	55	107	70 620	141 240
4	Воронежская область	55	190	125 400	250 800
5	Ивановская область	55	93	61 380	122 760
6	Калужская область	55	80	52 800	105 600
7	Костромская область	55	62	40 920	81 840
8	Курская область	55	106	69 960	139 920
9	Липецкая область	55	102	67 320	134 640
10	Московская область	55	533	351 780	703 560
11	Орловская область	55	78	51 480	102 960
12	Рязанская область	55	102	67 320	134 640
13	Смоленская область	55	98	64 680	129 360
14	Тамбовская область	55	89	58 740	117 480
15	Тверская область	55	119	78 540	157 080
16	Тульская область	55	151	99 660	199 320
17	Ярославская область	55	120	79 200	158 400
18	г. Москва	55	1056	696 960	1 393 920

Для моделирования прогнозных вариантов необходимых и достаточных объемов бюджетов субъектов РФ в зависимости от изменения величин РПБ возможно использование стандартных пакетов прикладных программ. Соответственно, для моделирования объемов доходов бюджетов следует использовать экономико-статистический инструментарий в виде системы рекуррентных регрессионных зависимостей, показывающих возможные прогнозы поступлений определенного налога в зависимости от выделенных влияющих факторов и их изменений. Экономико-статистические результаты моделирования должны дополняться экспертным прогнозированием, учитывающим возможные существенные изменения сложившихся трендов.

Полученные оценки размеров необходимых и достаточных объемов консолидированных бюджетов субъектов РФ можно сравнить с динамикой отчетных данных по формированию и исполнению бюджетов регионов.

Общий вывод заключается в следующем. Объемы бюджетов подавляющей части регионов России не позволяют качественно и эффективно обеспечивать реализацию функций субъектов РФ, возлагаемых на них действующим законодательством. Предложенная нормативно-целевая модель обоснования необходимых и достаточных объемов консолидированных бюджетов регионов как раз и направлена на решение указанной ключевой проблемы.

Ресурсное обеспечение стратегического развития России и ее субъектов должно включать не только ресурсы бюджета, но и ресурсы предприятий всех форм собственности, ресурсы населения, а также заемные ресурсы в виде кредитов банков и заемные средства с рынка ценных бумаг.

В свою очередь, объем финансовых ресурсов для инновационно-инвестиционной деятельности, обеспечивающих восстановление крайне изношенных основных производственных фондов, основных фондов социального и экологического назначения, должен оцениваться с учетом вывода нормы накопления в среднем по стране на уровень не ниже 25% к валовому внутреннему продукту. Обеспечение финансовыми ресурсами в соответствии с указанной нормой накопления требует выделения в структуре консолидированного бюджета России и в структуре бюджетов регионов как минимум четверти расходов в виде бюджета развития.

Указанные оценки являются укрупненными. Для более строгого обоснования необхо-

димых объемов финансовых ресурсов для расширенного воспроизводства как по стране в целом, так и в разрезе каждого из регионов с учетом их специфики можно предложить следующие модели расчетов:

$$pFNN = \sum_{i=1} (NOi - FOi) \times Ki \times Ti, \quad (4)$$

где FNN – необходимый общий объем финансовых ресурсов для расширенного воспроизводства основных фондов непроектируемой сферы;

p – общее число отраслей (видов деятельности) в социальной сфере;

NOi – нормативная обеспеченность основными фондами непроектируемой назначения (жилье, школы, детские дошкольные учреждения, учреждения здравоохранения и т.д.) в расчете на одного жителя региона;

FOi – фактическая обеспеченность основными фондами непроектируемой назначения в расчете на одного жителя региона;

Ki – удельные капитальные затраты на единицу измерения мощности основных фондов по региону;

Ti – численность населения региона.

В свою очередь, требуемые объемы финансовых ресурсов для расширенного воспроизводства основных производственных фондов, то есть ресурсы на инновационно-инвестиционные цели, можно оценивать на базе аналогичной по структуре модели:

$$pFPN = \sum_{i=1} (NFVi - FFVi) \times Ki \times Ti, \quad (5)$$

где FPN – требуемый общий объем финансовых ресурсов для расширенного воспроизводства основных производственных фондов;

p – общее число отраслей;

NFVi – нормативная фондовооруженность соответствующей отрасли в расчете на одного занятого;

FFVi – фактическая фондовооруженность по соответствующей отрасли с учетом физического и морального износа основных фондов;

K – удельные капитальные затраты на прирост единицы фондовооруженности;

Ti – численность занятых по соответствующей отрасли.

Следует подчеркнуть, что такого рода расчеты потребностей в ресурсах на инновационно-инвестиционные цели для расширенного воспроизводства должны производиться как для России в целом, так и для каждого из регионов. Для проведения таких расчетов необходима регулярно обновляемая информационно-статистическая база, о чем было сказано выше.

Полученные оценки общих и дифференцированных по отраслям потребностей в финансовых ресурсах могут и должны обеспечиваться за счет ресурсов следующих основных макросубъектов:

– государства в виде государственного бюджета и государственных внебюджетных фондов – Ф1;

– финансовых ресурсов предприятий всех форм собственности – Ф2;

– финансовых ресурсов населения – Ф3;

– финансовых ресурсов общественных организаций – Ф4;

– кроме внутристрановых субъектов, могут привлекаться и зарубежные субъекты-источники инвестиций – Ф5.

Обоснование пропорций объемов финансовых ресурсов для реализации стратегического развития России и стратегий регионов должно производиться на основе методологии экономико-статистического моделирования:

$$УС = A_0 + A_1 \times \Phi_1 + A_2 \times \Phi_2 + A_3 \times \Phi_3 + A_4 \times \Phi_4 + A_5 \times \Phi_5, \quad (6)$$

где УС – вектор целевых показателей и индикаторов стратегического развития, включая индекс гармоничного развития как важнейший макропоказатель, характеризующий развитие России;

Ф1, Ф2, Ф3, Ф4, Ф5 – объемы финансовых ресурсов по представленным макросубъектам.

Выведенная на основе ретроспективных статистических данных регрессионная зависимость далее может использоваться в виде целевой функции в модели оптимизации, где ограничениями будут предельно возможные объемы финансовых ресурсов в плановом периоде по указанным макросубъектам.

Список литературы

1. *Виноградова Н. А.* Модернизация методологии оценки конечных результатов и эффективности общественного развития // Дайджест-финансы. 2015. № 1. С. 2–5.
2. *Власенкова Е. А., Садков В. Г.* О нормативно-целевых подходах к формированию государственного бюджета России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4 (2). С. 27–36.
3. Материалы к проекту федерального закона «О федеральном законе «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» в системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/274618-7>.
4. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/>.
5. Официальный сайт Федерального казначейства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roskazna.ru/>.
6. Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/gosdolg_2017.pdf.
7. Российский статистический ежегодник. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.
8. *Садков В. Г., Власенкова Е. А.* Стратегическое планирование и его ресурсное обеспечение на базе модели оптимального бюджетно-налогового федерализма: монография. М.: Издательство РГСУ, 2014.
9. *Садков В. Г., Кириенко В. Е., Брехова Т. Б.* и др. Стратегии комплексного развития регионов России и повышение эффективности регионального менеджмента. М.: ООО «Прогресс ИД», 2008.
10. *Садков В. Г., Старикова Л. И., Новикова Е. В.* О формировании стратегий развития регионов и повышении эффективности института социального партнерства на основе регулярных расчетов потребительских бюджетов // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 31. С. 2–14.

УДК 332

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

З. В. ЖАРСКАЯ,
*кандидат экономических наук, доцент,
филиал Российского государственного гуманитарного университета,
г. Домодедово, Российская Федерация*

Анализ выявил несколько тенденций развития малого бизнеса в Московском регионе на примере городского округа Домодедово. В результате реализации применения современных технологий в транспортно-складских процессах с размещением логистического центра будет создана полноценная инфраструктура поддержки малого бизнеса. Прежде всего распределительная и накопительная логистические системы в этом центре будут ориентированы на удовлетворение не только крупного и среднего бизнеса, но и малого бизнеса. Учитываются его запросы и ряд специфических условий, наличие продукции на рынке при заранее определенных затратах и параметрах обслуживания в этом регионе.

Ключевые слова: малый бизнес, современные технологии, транспорт, склады, логистическая система, инфраструктура.

Задача увеличения темпов роста ВВП в нашей стране невыполнима без развития малого предпринимательства. В настоящее время доля данного вида бизнеса в ВВП в нашей стране не превышает 15%, хотя этот показатель в развитых странах находится в диапазоне 50–70%. Высокий уровень развития малого бизнеса соответствует современной модели рыночной деятельности в стране, так как способствует увеличению уровня конкурентоспособности, создает и формирует новый социальный слой населения. Решение вышеуказанных задач довольно актуально для многих российских регионов, в том числе и для Московского региона (Москва и Московская область).

Уровень конкурентоспособности отечественного бизнеса как в отдельном регионе, так и в государстве в целом зависит не только от роста ВВП, но и от многих других факторов, в том числе бизнес-законодательства, а также состояния базовой, технологической, научной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки для малого бизнеса [4].

Инфраструктура поддержки малого бизнеса выступает как единое целое, обеспечивая движение материальных ресурсов, рабочей силы, информации и капитала.

В настоящее время в малом бизнесе к движению материального потока и его обеспечению все в большей степени относятся прогрессивные формы поставки товаров, закупка сырья, материалов и оборудования, а также контроль за запасами и ряд последовательных опе-

раций товародвижения, анализ обслуживания покупателей, т.е. использование принципов закупочной и сбытовой логистики. Использование логистики в малом бизнесе позволяет обращаться не только к складскому хозяйству, но и использовать деятельность транспортных компаний с целью ускорения оборачиваемости капитала малого предпринимательства.

В наибольшей степени это относится к автотранспортным компаниям, работающим по контрактам, в которых оговариваются стимулирующие условия и штрафные санкции относительно качества перевозок. Применение автотранспортными компаниями системы «точно в срок» расширяет сферу их деятельности, что представляет значительный интерес для малого бизнеса. В результате использования транспортной логистики нормативы запасов материальных ценностей резко сокращаются в данном виде бизнеса. Для небольших фирм, малых предприятий при переходе на поставку материальных ценностей к определенному сроку (т.е. концепция «точно в срок» в логистике) срок реализации может сократиться до двух раз, так как подача грузов клиентуре в необходимых случаях ведется с точностью до минут. Транспортные компании для этих целей используют специальный транспорт для малого бизнеса (например, автомашины с торцевой, фронтальной погрузкой и разгрузкой). Данные автомашины позволяют повысить маневренность транспорта для осуществления процесса обслуживания клиента транспортной логистикой по принципу «от двери до двери».

Наиболее весомым фактором для создания и успешного функционирования малого бизнеса как в целом в нашей стране, так и в Московском регионе также является привлечение и финансового капитала. «Основной целью инвестиционной стратегии является повышение качества городской среды за счет стимулирования инвестиционной активности и решения на этой основе наиболее важных проблем и задач социально-экономического развития города» [2].

В настоящее время лидером, специализирующимся в области привлечения субъектов малого бизнеса как клиентов в Московском регионе, является «Тинькофф Банк». Это один из первых в данной сфере российских банков (основан в 2006 г.), он не имеет собственных отделений и является полностью онлайн-банком.

Данный банк использует в своей деятельности модель дистанционного обслуживания ряда американских банков, специализирующихся на банковских картах. Основным продуктом данного банка являются кредитные и дебетовые карты, кобрендовые карты, целевые кредиты на покупки в обычных и интернет-магазинах. Наряду с этим «Тинькофф Банк» широко использует для субъектов малого предпринимательства и предлагает расчетно-кассовое обслуживание, корпоративные карты, зарплатные карты, торговый и интернет-эквайринг, РОС-кредитование, банковские гарантии и кредиты, онлайн-классы и сервис по ведению бухгалтерии.

Направление формирования инфраструктуры поддержки малого бизнеса в Московском регионе приведем на примере развития малого предпринимательства в городском округе Домодедово. В настоящее время в этом формируется современная инфраструктура поддержки малого бизнеса. В целях достижения лидерства в конкурентной борьбе в городском округе Домодедово запланирован и будет создан в ближайшей перспективе логистический центр, включая накопительную и распределительную логистические системы.

Привлекательность использование этих логистических систем объясняется тем, что они позволят создать уникальные условия для формирования современной инфраструктуры поддержки малого бизнеса не только в городском округе Домодедово, но и в целом в Московском регионе. Принципы логистики позволят влиять на стратегию хозяйствующего субъекта малого бизнеса в данном городском округе, на создание конкурентных преимуществ для него на рынке и на его конечные результаты, а также

осуществлять поиск наиболее эффективных способов привлечения клиента.

Следует отметить, что местные органы власти начали активно поддерживать начинающих бизнесменов в городском округе Домодедово в области развития малого бизнеса, предпринимательства и управляющих собственным бизнесом или только планирующих основать собственную компанию. В поддержку малого бизнеса городские власти в 2011 г. создали Домодедовский клуб молодых предпринимателей. Данный клуб представляет собой территорию свободного общения, где молодые бизнесмены могут встречаться с представителями власти, состоявшимися опытными бизнесменами и начинающими предпринимателями. Для того чтобы стать членом Клуба, необходимо быть учредителем, соучредителем, владельцем бизнеса, директором компании или начинающим предпринимателям с конкретными бизнес-проектами.

Кроме того, стоит отметить, что городские власти в целях поддержки развития малого бизнеса предоставляют начинающим предпринимателям владельцам малого бизнеса объекты. Эти объекты свободны от прав третьих лиц и предназначенных для передачи во владение и (или) в пользование на долгосрочной основе субъектам малого предпринимательства и образуют инфраструктуру поддержки данного вида предпринимательства. Полный перечень объектов муниципальной собственности для предпринимательской деятельности представлен на сайте <<http://www.domod.ru>>.

Поддержка малого бизнеса со стороны городских властей в городском округе Домодедово позволяет минимизировать затраты на развитие бизнеса и в некоторой степени нивелировать риски, определяемые современными экономическими условиями.

На сегодняшний день в городском округе Домодедово малый бизнес имеет тенденцию к развитию. В данном городском округе функционирует большое количество торговых точек, пунктов быстрого питания и рестораны, медицинские центры, салоны красоты, фитнес-центры и др. В структуре малого предпринимательства в данном округе особое место занимает сфера медицинского обслуживания. В настоящее время функционирует частный медицинский центр «Инвиво», который оказывает медицинские услуги более чем по 17 направлениям. Также медицинские услуги оказывают следующие медицинские центры: «Медиаскан», «Бобёр», «Гемотест», «Инвитро»,

«Клиника женского здоровья», «Оазис здоровья», «Панацея», «Семейный медицинский центр», «Фарм-ЭС» и ряд других. Созданные частные медицинские центры позволяют гражданам городского округа Домодедово иметь доступ к медицинскому обслуживанию, не выезжая за пределы города.

Кроме этого, среди перечисленных объектов малого бизнеса имеется и вид предпринимательства по типу франчайзинга, который позволяет развивать готовый бизнес, основанный на уже сформированной клиентской базе. Поэтому этот тип малого предпринимательства не требует особых бизнес усилий, но нужны большие финансовые вложения на начальном этапе (например, стоимость франшизы для открытия Макдональдса составляет 45 тыс. долл., но необходим начальный капитал в размере 0,95–1,8 млн долл., роялти 12,5%). В целях развития малого бизнеса для молодых предпринимателей был открыт первый в городском округе Домодедово коворкинг-центр. Данной услугой могут воспользоваться небольшие начинающие компании или предприниматели, у которых пока нет средств на аренду офиса, либо они в нем не нуждаются постоянно. Они могут купить абонемент на месяц, неделю, день и даже час, в который входит пользование переговорными и конференц-залами. В коворкинг-центре предусматривается предоставление бухгалтерских и юридических услуг. У начинающих предпринимателей в коворкинг-пространстве появилась возможность осуществить свое стремление в развитии малого бизнеса. Данные коворкинг-площадки удобны также для студентов и фрилансеров. Эти площадки позволяют объединить независимость фрилансера и дисциплинированность офисного труда.

Приведенный выше анализ выявил несколько тенденций развития малого бизнеса в Московском регионе на примере городского округа Домодедово. В результате реализации

применения современных технологий в транспортно-складских процессах с размещением логистического центра в городском округе Домодедово будет создана полноценная инфраструктура поддержки малого бизнеса в Московском регионе. Прежде всего распределительная и накопительная логистические системы в этом центре будут ориентированы на удовлетворение не только крупного и среднего бизнеса, но и малого бизнеса. Иными словами, учитываются его запросы и ряд специфических условий, наличие продукции на рынке при заранее определенных затратах и параметрах обслуживания в этом регионе.

Сегодня в современном бизнесе данные технологии являются необходимым условием создания полноценной инфраструктуры поддержки малого бизнеса и источником его конкурентного преимущества, а также являются важнейшим направлением перспективных действий по улучшению экономического климата развития малого бизнеса в Московском регионе.

Список литературы

1. Гершун А. М. Анализ внешней среды бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusconsul.ru/>.
2. Кирсанов С. А., Сафонов Е. Н., Паламаренко Г. А. Формирование благоприятного инвестиционного имиджа на примере Санкт-Петербурга // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 10-8 (70). С. 28–35.
3. Перспективные направления развития малого предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aor-rg.ru/>.
4. Ферафонтова М. В. Инновационное партнерство государства и частного бизнеса как фактор усиления конкурентоспособности страны. Материалы VI международной научно-практической конференции 2011. С. 255–257.

THE COMBINATION OF COMPETITION AND COOPERATION IN FRENCH LOCAL GOVERNMENT: TOWARD A SPECIFIC PUBLIC «COOPETITION»

C. ASSENS,

*Associate Professor, Larequoi Management Research Center,
ISM-University of Versailles St-Quentin*

A. BARTOLI,

*Professor, Larequoi Management Research Center,
ISM-University of Versailles St-Quentin*

P. HERMEL,

*Professor, Larequoi Management Research Center,
ISM-University of Versailles St-Quentin*

Introduction. To extend one's hand to one's competitor without fear that he or she will bite it is a complex situation, but not a surprising phenomenon in today's world. To describe this situation as somewhat against human nature, Nalebuff and Bradengurger (1996) introduce the term «coopetition», a neologism that underlines the possibility of the existence of cooperation in competition. «Coopetition» is a paradoxical strategy of cooperation among rivals allowing them to attain mutual gains. This strategy plays out, not only in an informal manner, in the form of close alliances, but may be institutionalized in consortiums of research and development in common branches, in the network of similar contractors, in the sharing of distribution routes, but it may also be established in research and development consortiums in agreement in the network of like-minded suppliers in sharing distribution circuits, in franchise agreements, or technological management [8].

In addition, what can present a problem in «coopetition» lies in diverse behaviors, when the collaborative game among rivals underlines the opportunistic risk [4]. Indeed, for a company «coopetition» is always paradoxical as it serves to reinforce performance, with the help of rivals, then to try to win segments of market to their detriment. «Coopetition» thus relies on a certain partnership of abilities and resources, with the risk that the benefits of partnership may be exploited in an opportunistic way when the competition retrieves its rights.

In this article we wish to explore the management of cooperation among «competitors» in the case of public services. At first it may seem inappropriate to transpose the concept of

«coopetition» into the public sector in the sense that marketing competition generally doesn't exist. Nevertheless, as for all managerial processes and concepts, the use of these concepts in the public arena can only be envisaged at the cost of clarification, precautions, and adaptation in these analyses. In fact we are going to concentrate our attention on local government management considering that different local authorities in France (departments, cities, regions. etc.) share administration of the same territory with the games of complementarity between the strata of decisions to share economic or social costs, and with the co-existing games of socio-economic and political rivalry, because of the cover of certain abilities from one area to another. On one side there is a stake of «coopetition», on the other there is a stake of collaboration among the local authorities to bring about a public cognition, or to increase the attraction of their territory and, on the other side, may seem a form of economic rivalry in developing the resources, and a certain political rivalry and to win fairness for the citizen in the cause of general interest.

More specifically, we wish to gain better understanding of the methods of ensuring cooperation in the heart of territorial links having certain forms of political or socio-economic rivalries, which can manifest in order to defend or promote the territory as a common good. In order to treat this question, in the first section we are going to examine the theoretical principles of the management of «coopetition». Then, as concerns the second section, dedicated to the empirical study of the phenomenon, we will analyze the manner by which the local authorities manage situations of «coopetition» conforming, or not, with the line of theoretical readings.

1. Analytical framework of «coopetition» in private and public sectors.

1.1. «Coopetition» in the public sector. Is the phenomenon of «coopetition» ensconced in the private sector? At first one might suppose that the logic of collaboration among competitors is not transferrable to the public sector because of the non-commercial character of the activity. In fact, management of «coopetition» can well be a subject of equal interest for public officials in varied circumstances. We will examine two situations: the joining of competitors in both public and private sectors, and the socio-economic relations or politics among public partners.

First of all the question of «coopetition» comes up in the hybrid economy when public establishments and private enterprise are brought together, especially when they are engaged in similar activities.

For example, the phenomenon of «coopetition» extends to the non-profit arena via the PPP (public and private partnerships) mentioned by Marty et al. [9], namely when public participants need collaboration with other competitor participants from the private sector in order to improve productivity in services of general interest. In this case, «coopetition» can impose itself as a more legal way to be simultaneously competitive for public and private sectors without necessarily coalescing, to nationalize or to proceed to financial acquisition. This is the case of territorial regrouping in the health sector to fight against medical deserts, in mutualizing investments in public and private medical poles.

The question of «coopetition» is of equal concern to public establishments in the non-commercial area when they are urged to better protect the general interest, particularly in the management of cost of public expenditure even while being political rivals. Many factors, and certain public interests, incline toward these procedures. Thus, as Bartoli and Blatrix [2] stress: «Emblematic of a public action which establishes a competition between participant and territory the instrument of appeal to the projects, which developed long before the end of the 90s, establishes itself in this bent. One could equally evoke the development of «benchmarking» («parangonnage» in French), «good practices», and other showcased projects, all equally characterized by an ambivalence between the logic of emulation and the logic of competition.»

The procedures of appeal to projects mentioned in this quotation can be particularly favorable to «coopetition» in the case of collective candidacy. In other situations they seem to revert fur-

ther to competitive logic while ‘benchmarking’ seems the reverse, leaning toward favoring cooperation. Nevertheless, these practices often reveal themselves to be two-sided.

One of the areas which well illustrates these situations concerns local government management. For more than a century the French State has been trying to determine public spending in territorial organization, especially in the areas, more or less, of decentralization. In France major institutional reform, created by decentralization starting in 1982, has depended on two major modifications:

- the suppression of preliminary approval by the Representative of the State (the Prefect) concerning mayoral actions: this measure has often been summed up by the expression of, «suppression of guardianship» which is exercised a priori in administrative, financial, and technical domains;

- a transference of the sphere of certain missions, notably concerning the administration of the following activities: «solidarity», rural development, local development, professional training, land development, urbanism...

The policy of decentralization in operational land organization relies on the principal of subsidy: it's a question, on one side, of conferring operational decisions to the local units nearest to the citizens in order to retain social cohesion, and also to mutualize all the local activities despite political differences, each time that economic efficacy exacts a level of aggregate responsibility.

In France the principle of subsidy between the State and local governments has, for a number of years, supported a «bureaucratic yarrow» made up of multiple links of increased competence susceptible to being somewhat redundant: agglomerative communities of townships, capitals, regions, departments, etc. Altogether there are more than 39,000 local government structures in France which represent 1,8 million people, about a third of public agents.

As a result these different territorial strata may be inclined to become rivals in a competition risking, each time, to disrupt public view in relation to ties with the citizens. To recapture the sense of general interest, it works well that the various levels of the decision collaborate with the local scale, both departmental and regional, even though those elected to head the levels may differ in public influence because of a relative overlap of talents. This is even more of a present actuality in France that public politics encourage sharing and coordination of activities toward the ends of strategic performance and budgetary economics.

What offers the theory on this subject?

1.2. Management of public «coopetition».

For local government, undergoing permanent tension in governance between the technocratic power of the territorial directors and the political power of those elected, «coopetition» is always paradoxical, as it aspires to reinforce the attractiveness and well-functioning aspect of the territory, with the help of elected officials who are in potential disagreement, considering the possible stakes of future elections. «Coopetition» relies, therefore, on the reciprocity of technical abilities and financial resources, with the risk that the economic and social benefits of the partnership may be then used in the most opportunistic manner when political rivalry reclaims its rights.

«Coopetition» thus allows for obtaining an advantage in terms of public image with regard to the citizen, much better than each entity could obtain alone, on condition that contradictory tensions can be managed in spite of connivance and rivalry, without submitting to opportunism and without marked imbalance between contribution and retribution. For that reason, it's necessary to anticipate absolute care of managerial practices capable of preserving the autonomy of each and to value the mutual dependence of all. Through inspiration by the works of Bengtsson and Kock [5], it is possible to show several principal styles of management of «coopetition»:

- to reduce conflict of interest, it seems preferable to separate the logics of action, cooperation, and competition, in the scheme of the nature of public competence in local management. This concerns local government, which manages multiple areas of public competence in the sphere of a portfolio of activities: transportation, health, education, commission of streets and highways, security, civil matters, property, urbanism, etc. Collectivism can thus cooperate with rival groups within the areas of competence, and give one's self over to political battle in other areas of competence;

- it can also be a question of separating cooperative actions and agreement among local government units functioning as a strategy for the creation of value in public service. It is thus recommended to a local government to cooperate with rival public units for activities having the least electoral impact for citizens belonging to the same territorial jurisdiction. In reverse, it works to exercise a public policy that is little dependent on other

neighboring local governments in the heart of the profession, that is to say, for activities that determine the electoral battle;

- to avoid conflicts of interest in «coopetition» between local groups, it is important to divide responsibilities of different teams according to the nature of the relationship, with a team of territorial frameworks involved in rival projects. This dichotomy must avoid conflicts of loyalty for different territories in regard to those elected from the local collective.

On the other side the origins of good management, which each local authority can apply to itself, cooperation derives, above all, from collegial governance to manage mutual dependence among public establishments. Thus, in order to avoid differing behaviors and conflicts of power in the playing out of «coopetition», it is important to introduce a form of democratic government based on equality for each partner in the power of collective decision, transparency of information of each partner with regard to the others, and collegiality in decision making.

These different mechanisms can help in overcoming the absence if either hierarchy or mutual supervision of deviant+ behavior and conflicts of power by pressure toward conformism among the joint territorial directors.

2. The view of territorial directors on their practices of «coopetition». Our empirical research relies on two complimentary sources: one exploratory case study on a region, and an inquiry via questionnaires¹. The examination of the exploratory case study comes from a presentation by a territorial director² on the process of elaboration of an urban poll in Rhone-Alps, completed by validation and realization by him almost two years later. The inquiry was brought about through questionnaires to several hundred members of the Association of Regional Directors with a return of 252 workable responses [3].

2.1. Study of an exploratory case: a metropolitan pole in Rhone Alps. The metropolitan pole studied constitutes the cooperation of 139 municipalities consisting of almost two million inhabitants.

We are, hereafter, presenting the testimony of a territorial director³ on the creation of this vast pole. The creation of this metropolitan pole results in the regrouping of four neighboring EPCI (Public

¹ These two work routines were brought about between September 2012 and February 2013 in the form of a partnership Laboratory of Larequoi Research Management and The Association of Territorial Directors ADT-INET.

² Presentation at the ADT / INET LAREQUOI-ISM conference: «What is the role of managers in territorial «coopetition»? February 5, 2013 at the University of Versailles St-Quentin in Yvelines, France.

³ Testimony from Mr. Frederic Pin, Director General of CAPI Services during two periods: February, 2013 and January, 2015, which have allowed an analysis of evolutions during that period.

Establishments of Intercommunity Cooperation), which could be considered as rivals in public planning. These four public establishments worked as a network to create a metropolitan pole in Rhone-Alps, bringing together a group of almost 140 municipalities with 2 million inhabitants of a discontinuous territory without common borders. This cooperation, broken off in 2008 by ruling broken off by mutual consent among three presidents of the EPCI, two left-wing from the Socialist party (Grand Lyon, Saint Etienne Metropole) by an elected UMP of the right, (a Viennese community), and by another elected president of the CAPI (Community of Agglomeration of the port of Isere).

The creation of the metropolitan pole took place in May of 2012 with the official objective of shining a light on the territory formed by the union of four EPCI, on the scale of European, even worldwide, cities, in such way that none of the isolated partners could attain on their own due lack of resources, abilities and political support.

The playing out of cooperation is, first of all, brought about by informal meetings (presidents, general directors), and then by establishing structures of like areas with mixed groups of technicians chosen and brought about by a pair of two different local government units. Each of the four partners in the agglomeration will designate a vice – president of the new plan of urbanization. On the level of the executive, representation in these instances of governance is established on an equal foundation (one EPCI-1 = 1 voice). This principle of strict equality of treatment is respected whatever the size of the agglomeration. The composition of the metropolitan council obeys the rules of proportional representation required by the texts. In addition, a revolving chairmanship is established among the four partners with an equal sharing of responsibilities in different commissions. The structure of the metropolitan pole is very informal with four positions attached to it along with the establishment of five posts of equal terms by the partners. Any change of government must represent unanimous decision as stated by the General Director of the CAPI, one of the concerned intercommunal establishments. «An agreement of governance exists among the four presidents: all decisions concerning the extension of the pole to a new member or on the directing of the pole by a new course of action, must be made unanimously. It is an essential matter of function».

In the Rhone-Alps region, the local authorities can consider the metropolitan pole as the

emergence of a new power by which it is possible to have political influence in all decisions concerning the extension of the orientations of local development, or on the choices of implementation. In return, the pole influences the decisions of the other partners. In order to avoid the risk of political instrumentation the metropolitan pole takes on a very loose legal structure by which there is no transfer of rights. The EPCIs retain their prerogatives of responsibility within their perimeter; the metropolitan pole develops new prerogatives on the scale of a broader perimeter. Several actions are inscribed in the roadmap: culture, public transportation, economy ... For example, the pole is associated with the Region in order to have a joint management for collective transportation. Nevertheless, relations between the metropolitan pole and the region remain complex. For example, rivalry remains exacerbated with the departments and the Regions which have not joined the pole, and who wish to embody political leadership into the territorial ladder. Thus the metropolitan pole may appear both as an outside threat and as an opportunity for the partners on the inside. The metropolitan pole responds, above all, to a real need for collaboration between local authorities in the long term, beyond political rivalries, as underlined by Frederic Pin, «The political changes following the municipal elections of March, 2014, have not questioned the functioning of the pole and its principles. However, three new presidents and two changes of the political board have been instituted (...). However, after several months of discussions and meetings, the 4 EPCI are reengaged on the same foundations. A new agreement on the presidency was passed (...). The common benefit prevailed».

This description of an innovation process clearly shows the complexity among local authorities, which offer various types of cooperation and rivalry. While being emblematic of a particular case is, this experience is not unique in France, where other comparable situations arise quite clearly in the research.

2.2. Inquiry into conceptions and practices of territorial «coopetition». The inquiry took place between September and December of 2012 and welcomed the receipt of 338 responses of which 252 were complete and usable. Half of the respondents are general directors of local authorities, most of the others being chiefs of service or commissioners in public administration of France. 75% of the responders considered the recent evolutions of the context of French local government to be numerous: multiplication of the

cases of local public action, tightening of procedures, development of systems of and communication, augmentation of the logic of work networks... These different factors contribute, according to the majority of the leaders, to encouragement of joint procedures of cooperation and competition, therefore forms of «coopetition».

So, if three quarters of the respondents were not familiar with the term «coopetition» before responding to the questionnaire, 39% considered that the concept corresponds to their experience of like combinations of cooperation, and competition. For a quarter of the respondents these two dimensions are not necessarily antagonistic when they are practiced under certain constructive conditions. The examples cited concern three very different domains of competence of the territorial managers.

The inquiry thus confirms that territorial «coopetition» is a reality even if it is not always easy to render it concrete or permanent. Actually, diverse difficulties of putting it into practice may grow all at once in organizational and financial areas for the mountain of papers given the complexity of certain procedures most often cited constraints are the mechanics of egos or difficulties of governing which evoke overvaluing.

Despite these difficulties, 71% of the correspondents confirm that the local authorities can, at the same time, cooperate and also be in competition, particularly if certain positive conditions are present, such as clarification of the sharing of powers and work practices within the network. Diverse examples are offered, of which many concern the allure of the territories: «Two territories can receive an industrial implantation to compete for trade but can still ally with each other so that it does not go elsewhere but still, «The agreement among local authorities will be able to be, more or less, in agreement assuming that one takes on a strategy of regional or national concurrence, whether interregional or purely local».

Nearly a quarter of the respondents offer examples of procedures combining both cooperation and rivalry in which they have, themselves, had the opportunity to engage. These concrete examples particularly concern: a charter on Habitat, a network of towns, in a State-Region Plan, a decree of terms of management under the auspices of agglomeration, etc.

The research likewise reveals that many see a promising synergy between the logic of «coopetition» and the values of public service, such as general interest, solidarity, mutability, or adaptability.

According to a director, «These two approaches can be complimentary in uniting innovation with competition and solidarity in accord with cooperation.» In addition, the fact of promoting a principle of «coopetition» seems viable for continuation, in a more or less ethical manner, according to the abeyance, which governs it. It is, in any case, the conclusion at which certain respondents of the inquiry arrived, which expressed the following forceful idea. «In the ranks of public service one must approach this question with lucidity and arrive at respect for the ethic of public service when it concerns these projects which are brought about by coopetition».

Conclusion. Collaboration in competition is a generalized practice, not only in the sphere of market economy, but equally in the management of local government. Our exploratory research relies on a study of the realization of a survey by questionnaires, which demonstrates that the theory of «coopetition» can be applied under adaptive conditions in the field of public management. The empirical observations, which we have realized, underline that collaboration of rival local authorities on the political level makes sense from this moment where one takes into consideration two scales of analysis: the global scale which encourages the local units to collaborate to allow, «for the common good», territory to shine on a national and international level; and the local scale where it is normal for democratic debate by which elected officials meet face to face for neighboring political competition. So it is that competition among local authorities can be imagined in the interest of public need of shared costs in citizen interest to retain the proximity of elected officials in the interest of the area to attract appropriate investors and players in order to preserve employment. To continue along these lines it is, however, wise to avoid certain stumbling blocks in the management of «coopetition», in leaning on certain rocky principles extricated by literature and confirmed by our empirical research.

Within the perimeter of «coopetition» it is expedient to align local collaboration, which brings added value in the bureaucratic yarrow in connection with the stratum of neighboring territories, with the nearby territorial strata of a more local plane, without redundancy or a superfluity of words. That requires acting in concert by the ensemble of public involvement on the scale of public participation in their ensemble. In addition it is advisable to assemble a strategy of collaboration, which plays out in the peripheral domains distant from the heart of the preoccupation of nearby elected officials, in order to avoid situations of excessive rivalry among the partners. Finally, it's a ques-

tion of reflection on the matter of once more insinuating the initiation of safeguards in order to avoid situations of excessive rivalry among the partners.

So it is a question of reflection on the governance of «coopetition». This governance must respect democratic principles in equal distribution of power, whatever the size and stakes of the partners, in guaranteeing transparency of information, in offering collegiality in decision making, in creating a charter of rights and duties to guarantee confidence in bringing in an outside mediator should arbitration become necessary.

Finally, in the preparation, working up, of «coopetition» it may seem expedient to separate the teams in charge, whether it be of technical collaboration, or political rivalry, in periods of elections, in order to avoid conflicts of interest with regard to each local collective. These results must be shaded because of the singularity of our case study and the limited capacity of our quantitative investigation requiring more definitive depths. It would be highly useful to pursue the analysis of concepts and practices of cooperation / rivalry of participants with regard to territorial yarrow, to understand better the margins of the maneuvers of the layout of said collective territories. It would be equally necessary to specify the values of public service in the proceedings and to understand the role that they can play in the specificity of «coopetition» in territorial overview.

References

1. Assens C. (2013) Le management des réseaux. Tisser du lien social pour le bien-être économique, Paris, Editions De Boeck.
2. Bartoli A., Blatrix C. (2015) Management dans les organisations publiques. 4e édition : Défis et logiques d'action, Paris, Editions Dunod.
3. Bartoli A., Remiot B., Yatim F. (2013) Quel rôle des managers dans la « coopétition » territoriale : résultats d'enquête, Rapport de recherche du LAREQUOI-UVSQ / ADT-INET, France, février.
4. Bengtsson M., Kock S. (2000) Coopetition in Business Networks to Cooperate and Compete Simultaneously. *Industrial Marketing Management*, vol. 29 (5), pp. 411–426.
5. Bengtsson M., Kock S. (1999) Cooperation and Competition in Relationships Between Competitors in Business Networks, *Journal of Business and Industrial Marketing*, vol. 14, n° 3, 178-190.
6. Joffre P., Koenig G. (1985) *Stratégie d'entreprise Antimanuel*. Paris: Editions Economica.
7. Lado A. A., Boyd N. G., Hanlon S. C. (1997) Competition, Cooperation, and the Search for Economic Rents: A Syncretic Model. *Academy of Management Review*. Vol. 22 (1). Pp. 110–141.
8. Luo Y. (2007) A Coopetition Perspective of Global Competition. *Journal of World Business*, vol. 42 (2), pp. 129–144.
9. Marty F., Trosa S., Voisin A. (2006) *Les partenariats public-privé*. Paris: Editions La Découverte.
10. Nalebuff B., Brandenburger A. M. (1996) *Coopetition A Revolution Mindset That Combines Competition and Cooperation: The Game Theory Strategy That's Changing the Game of Business*, ed: Currency.

CHALLENGES AND SPECIFIC MEASURES WHICH APPEAR IN THE WORK OF GOVERNMENTAL AUTHORITIES IN DISCOVERING AND PROSECUTING CYBERCRIME

Z. M. BOGAVAC,
*PhD, Assistant Professor «Union – Nikola Tesla» University Faculty
of Business and Law, Serbia*

The problem of cybercrime as a global threat. Cybercrime is a complex phenomenon, and the term itself is considered to be an umbrella-term which covers various criminal activities, including attacks on computer data and systems, attacks related to computers, as well as attacks on contents or intellectual property which happen in electronic surroundings.

In Council of Europe Convention on Cybercrime the term cybercrime is defined as a crime for which existence the use of computer systems is necessary, that is «Use of any device or group of interconnected devices by which automatic processing of data or any other functions is done and computer networks which serve as nets for connecting various subjects».

It can be spoken about cybercrime if the criminal act «is performed by using information technology in cyberspace. According to that «cybercrime is a form of criminal behaviour by one or more persons in cyberspace, where computer networks appear as means, goal, evidence or surroundings of the performed criminal act» [6, p. 35]. This definition and others which closely connect cybercrime with cyberspace make the difference between cybercrime and cyber related crimes.

Council of Europe Convention on Cybercrime classifies the criminal acts of cybercrime into five groups. The first group consists of acts against confidentiality, integrity and accessibility of computer data and systems, such as illegal approach, unauthorized wire-tapping, mixing the data, system of interference. The second group consists of acts connected with the use of computers as the means of performance of criminal acts— namely as the means of manipulation of information. This group includes computer frauds. The third group consists of criminal acts connected with content (date content) saved in computers' networks. The most common example from this group is criminal acts related to children's pornography. The fourth group includes criminal acts connected with violation of authors' and related rights. The fifth group was

added by Protocol to the Convention on Cybercrime. It regulates criminal acts of racist and xenophobic nature conducted by computer networks.

Territorial jurisdiction of governmental authorities in the battle against cybercrime. Convention on Cybercrime in the 3rd part, in the article 22 supports that «Every member should adopt the legislative and other necessary measures to establish its own jurisdiction over all offences in case when an offence is committed:

- a. On the territory of that member; or
- b. On the ship under the flag of that member or
- c. In the aircraft registered by the law of that member or

d. By its citizen, if the offence is punishable by criminal law of the territory in which it is committed, or if the offence is committed outside of the territorial jurisdiction of any of the states».

In addition to aforementioned, every member can reserve its right not to apply, or to apply only in certain cases or under certain conditions the rules of jurisdiction defined in the paragraph.

In case when the suspect is on the territory of certain state and the member state does not extradite them to another member state on the basis of their citizenship alone, with previously adopted legislative and other necessary measures, after the extradition demand, the jurisdiction of the given state should be enabled.

In case of positive conflict of jurisdiction which is to say, in case when a few members demands jurisdiction over an offence established in accordance with Convention on Cybercrime, the states involved, signatories of the convention, shall consult among each other in order to determine whose jurisdiction is the most suitable for the procedure.

Specificities in the act of governmental authorities in discovering and prosecuting cybercrime. In the area of cybercrime unlike the classic forms of crime, governmental authorities encounter numerous specificities and challenges.

One of them is expeditious conservation and protection of stored computer data. Without this specific measure, its application, and above all its

legislative determination and basis, there is no successful battle against cybercrime.

In the article 16 of the Convention on Cybercrime expeditious conservation of the stored computer data is regulated in a following way: «Each member should adopt legislative and other necessary measures so as to vest the power in its governmental authorities to order or in any other similar way achieve expeditious conservation and protection of certain computer data, including data connected with data transfer which are stored by use of computer systems, especially in case when there is reasonable suspicion that computer data are particularly exposed to loss or changes». In that way legal ground would be gained for ordering a person to save and protect certain stored computer data which are in the possession of that person or under their control. Apart from securing data, it is important to save them for a particular period of time, up to 90 days, so as to enable governmental authorities to check the data.

The state can determine that the aforementioned order consecutively resumes.

It is necessary that a Person to whom the order is issued and who saves or protects computer data makes a commitment to hold in privacy for a certain period of time existence of the procedure.

The aforementioned order can be issued, in accordance with article 18 of the Convention, to any person who owns computer data, which is to say data under their control, and located in the computer system or in the medium for storage of computer data.

Besides aforementioned persons, the order can be issued to any service provider, who performs its services on the territory of a member state, to submit data about the subscriber to the services which the provider owns or has control over, including:

Type of communication services they have been using, technical services and the time period of using the services;

Identity of the subscriber, their post code or location, telephone number and other numbers through which they can be contacted, payment list and payment data accessible through the contract or some other kind of agreement on using the services.

Any information about the location on which the communication equipment has been set, and can be found through the contract or other kind of agreement on using the services.

Another specificity in the work of governmental authorities in cases of cybercrime is the Search and confiscation of the computer data. In

article 19 Convention on cybercrime there is assumption that «Any member should adopt such legislative and other necessary measures to vest in its governmental authorities the power to search on its territory or in a similar way access Computer system or one of its parts and the computer data located there; and on the other hand also the mediums for storage of computer data where certain computer data could be stored».

This measure will be necessary in case when governmental authorities search or in a similar way access a computer system or some of its parts and reasonably suspect that the data they are searching for have been stored in another computer system or part of the system on the territory of the member state, while the data are regularly accessible from the first system. In that case the governmental authorities could immediately expand their search or similar way of access to the other computer system.

What is necessary for states is to implement in their legislation legal basis so they could authorize their governmental authorities to confiscate or in a similar way provide computer data to which they came, and that would include means and authorization:

a. To confiscate or in a similar way provide computer system or its part, or medium for data storage

b. To make and keep a copy of those computer data

c. To maintain integrity of the important stored data; and

d. To make those data inaccessible or to be removed from the approached computer system.

For discovering and proving the criminal acts from the domain of cybercrime it is necessary and of utmost importance to arrange inside a state gathering of the computer data at the moment of their creation. This need is recognized and regulated in the article 20 of the Convention on Cybercrime, which refers to:

Gathering or recording by using technical means, and

Binding of the service provider to gather or record by using technical means within its technical abilities and on the territory of that state member or to cooperate with governmental authorities and help them in gathering or recording in the real time those data which relate to the transfer of certain communication on its territory, transferred through computer systems.

This measure could collide with other human rights which would be endangered in this way. Hence, for the principles which exist in the na-

tional legislations every state should adjust these measures to their own principles.

In the article 21 of the Convention on cybercrime another specificity of discovering and prosecuting cybercrime has been regulated and that is interception of data which are in the content of electronic communication. Through this regulation, in cases of severe criminal acts which need to be specified through the national law, it would be provided for governmental authorities to:

Gather and record by using technical devices, on the territory of the member state and

Force the service provider to, within its technical abilities:

Gather and record by using technical devices on the territory of the member state or cooperate and help governmental authorities in gathering or recording in real time data which are in the content of certain communication on the state territory, and which are transferred through computer systems.

These specific measures listed in this paper demand that the officials who will conduct them must be highly-educated, technically equipped with the most modern means, because it can be fought against the latest technology by using computers from the past millennium. A lot of attention should be paid to the advanced training and the presence in the expert seminars and other types of training which are important for successful battle against cybercrime. The great number of seminars and gatherings on this topic is caused by the increasing public interest, as well as raising of awareness of the importance of repulsing this type of crime and forming the concept of cyber security by active participation of all social subjects and establishing stronger cooperation with governmental authorities on the national as well as the international level.

Conclusion. Cybercrime, dangers that exist in cyberspace, require not more than a few minutes to

be performed and can be conducted from any state, whose consequences would endanger citizens of other states and even infrastructures of states in more complex cases, demand the application of the specific method in discovering and prosecuting these illegal acts. In accordance with Convention on Cybercrime states should first adopt the legislative and other necessary measures in order to vest the power in governmental authorities to conduct these measures, and then to put into effect these specific methods through professional staff.

References

1. Convention on Cybercrime, Budapest, 23/11/2001.
2. Global studies on organized crime, United Nations office at Vienna [Electronic resource]. URL: <http://www.globalinitiative.net/download/general/global/UN%20-%20Global%20studies%20on%20organized%20crime.pdf>.
3. Lipner S., Kalman S. (1989) Computer Law, Cases and Materials, Columbus, Merrill Publishing Company.
4. Parker D. (1983) Fighting computer crime, New York.
5. Taylor P. Hackers-Crime in the Digital Sublime, Routledge.
6. Vuletic D. (2008) Cybercrime and Possibility of literatureits Revelation (PhD), Faculty of Organizational Sciences, Belgrade.
7. Tenth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, year 2000. Background paper for the workshop on crimes related to the computer network – Crime fighting on the Net» [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/conf/crimecongress2010/pdf/55years_ebook.pdf.

MODERN ACCESS TO MANAGEMENT OF HUMAN RESOURCES

N. ŽIVANOVIC,

Prof. dr. University «UNION – NIKOLA TESLA», Belgrade, Serbia

E-mail: profesorkanada@yahoo.com

V. ŽIVANOVIĆ,

Master ecc., State Audit Office, Belgrade, Serbia

F. A. ABDALHKIEM FLIFEL,

doktorand, «University» UNION – NIKOLA TESLA», Belgrade, Serbia

DAKHEEL IHMEDAT,

doktorand, University, «UNION – UNION NIKOLA TESLA», Belgrade, Serbia

Introduction. The emergence of new technology and the impact of changes in the area of HUMAN RESOURCES MANAGEMENT, in order to achieve new goals, shows that there is a need for a realistic human resources structure. The analysis concluded that the people and the way they are organized are the best competitive weapons. It stems from proven facts, that in practice in the world there has been an increase in human resources in all organizations. This is of strategic importance to the 21. st century business strategy. The goal is market orientation, motivation and the ability of the organization to apply the concept of marketing in a way that ensures optimal achievement of the goals of the organization.

The specificity of human resources in organizations stems from the specificity of an efficient economy service. The aim is:

1) to explain the necessity of marketing motivation and the orientation of human resources in the service organizations;

2) to indicate the basic requirements for its successful implementation.

Many authors have studied for a long time, what encouraged people to write more and better and better, and how to improve employee performance, as the most effective motivation mechanisms? It is today one of the most sensitive topics that is always present. There are no ready-made motives within a person to satisfy unmet needs. They can not be empirically viewed.

The word «motivation» is of etymological meaning and has ambiguous significance. The environment, geographical and cultural characteristics are also influenced by people, their atti-

tudes, needs, desires and culture. Each individual in his midst brings his knowledge and skills, personal attitudes, individual needs, desires and expectations. People are different and justified, that one does not have to get to know one another. One person can be blurred motifs even when other motives are clear because human needs change over time¹.

From the presented fact, the question is: Has anyone been motivated, how, and in what way to motivate? Is it a monetary reward, a status, a need for survival, or something else? Neither theory is fully capable of fully answering that question, but one thing is clear: everyone agrees to be more motivated, which means a sure success in achieving goals, tasks, satisfaction, etc.

In theory, motivation is determined by influencing people to behave in a desirable manner in order to achieve the goals of the organization, while at the same time meeting their organization's needs.

Motivation can be defined as a term describing the strength within individuals, which explains the level, direction, and persistence of the effort involved in work. A highly motivated person works hard at work, and not a motivated person does not achieve the necessary effects.

The role of management in the development of motivation with employees. Management and managers that lead employees to increase their motivation creates the conditions for others to feel inspired, and to work diligently. Apparently, highly motivated human resources are essential. They are a requirement to consistently achieve high performance results in an organization.

¹ www.onlinelibrary.wiley.com

HUMAN RESOURCE DEVELOPMENT



Foto: www.image.slidesharecdn.com/humanresourcedevelopment

Managers should have true respect for people more than their talents and specialties. The best managers know that their approach to leadership points to the awareness of employees, and can be used to encourage others to do their job better. If the management wants to provide a good service to its employees with good results, it must provide adequate satisfaction, i.e. award.

What guides employees to provide quality work and a high performance to increase their efforts and to satisfy the needs of consumers?

The complexity of the present and the future determines human resources in the enterprise as a significant means of achieving a competitive advantage. Organization and improvement of staff quality are often a winning combination. Jobs should be designed to provide an effective performance, to (define the domain and weight of work) in relation to the ability of employees. The reward system can motivate employees. Lack of motivation for employees who are delegated as a senior authority can lead to serious consequences in the overall business [13].

Processes of human resources management.

For the successful management of human resources, seven basic activities are considered:

1) planning. Human resources management is implemented through a plan, continuously and in an adequate manner. This is achieved by:

a) analyzing internal factors, such as actual expectations and needs of a certain job qualification and extension or depreciation of the department;

b) analyzing the environmental factors that are actual in the market. Using computers to collect

and store employee data that allows organizations to effectively plan human resources;

2) recruitment. The aim of the recruitment is to provide the appropriate selection of candidates for the job, in accordance with the needs plan for the appropriate staff. Candidates are usually registered through advertisements in newspapers or through journals, through employment agencies, referrals, visiting colleges and universities;

3) selection. The selection involves filling out the application form, submitting a short biography, through interviews, exams and verification references, on the basis of which the potential candidates are assessed before submitting the file to the managers making the final decision;

4) socialization. Getting to know the work environment that envisions the candidates selected to help them fit into a new work environment. Workers get acquainted with the organization of work, collective and business policy. The goal of these activities is that every new member of the society – the collective at first becomes a «member of the family», so that he is experienced as his home and quickly becomes loyal to the new team;

5) training and development. Training and development aims at increasing the skills of workers in order to ensure a better contribution and productivity of the organization. Training is conducted with the aim of improving the skills in performing the task, and provides the opportunity for employees to prepare for a new job or promotion;

6) assessment performance. An assessment is carried out to compare the performance impacts of an individual to understand their standards at the work-

place or to understand the activities envisaged for this position. The resulting effect may require corrective measures, such as additional training, degradation or layoffs. For high performance, there are rewards, such as bonuses, promotions and some other initiatives. The assessment is performed by the direct manager of the employees, and the human resource management department is evaluated by a senior manager who determines the work evaluation policy and who is responsible for the employees;

7) promotion and degradation. Improving, relocating, degrading and dismissing employees reflect the value of the organization. Faces that achieve high performance can improve their work position or move to another workplace where they will show their skills. Those who have a small effect can be degraded, regardless of whether they have moved to less demanding jobs, or have dismissed those jobs. Each of these options has a direct impact on human resource planning (Fig. 1).

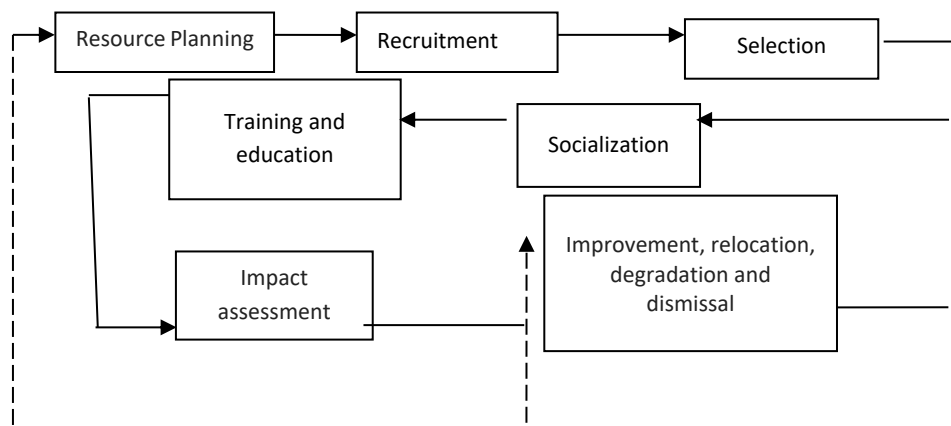


Fig. 1. Human resources management process

Organizational behavior in the context of multicultural and intercultural communications.

The efficiency of human resources management is reflected in the organizational behavior of employees, through basic categories of communication such as: multicultural and intercultural communication. Consideration of the basic characteristics of given types of communications for the success of the strategic goals of modern business is explained through several factors:

1. Multiculturalism means a form of cultural policy, a concept societies (multicultural society), in which co-existence of several cultures equally co-exists;

2. Multiculturalism means the interior of the same political society, existence a large number of cultural groups who want and can maintain their special identities;

3. Multiculturalism occurs as a result of a transition from one's life to one relative homogeneous society, to life in a multicultural society;

4. Multiculturalism is not a mark for a society that contains different cultures, such cultural pluralism is more appropriate to society;

5. Multicultural business is a set of business policy measures that are being implemented in within the framework of human resource management [5].

Causes of occurrence Multiculturalism.

The basic principle of multiculturalism in every society speaks that at the same time there are various cultural groups, in contrast to which no cultural form has the legitimacy to establish itself as a dominant culture. Cultures must not be accepted according to their own estimation. Hence the necessity of establishing the rules of coexistence of these groups, on the basis of absolute equality and mutual recognition, arises [3].

In the world, in science and practice, there are several causes for the emergence of multiculturalism:

- inspiration to the liberal-democratic principles of the Enlightenment tradition;
- high degree of heterogeneity of social groups of different ethnic and cultural backgrounds;
- implementation of the principle of equality and equal opportunities, without discrimination related to sex, race, ethnic origin, religion, education, etc.;
- multiculturalism is not the preservation of a culture in its original state. He acknowledges that the change is imminent and admits that the preservation of culture can not serve its members in modern societies, which quickly change socially and economically;

– multiculturalism starts from the concern for the well-being of members of society, and this welfare presupposes respect for the «cultural group» that a person belongs to, as well as her prosperity for the future of successful business.

– multiculturalism does not oppose the principle of assimilating a cultural group by other cultural groups. Some of the constituent cultures may lose their vitality and gradually absorb other cultures. As long as this process of respect for people and their communities that takes place continuously, there is nothing wrong with it;

– dying of cultures is as much a part of normal life as the birth of cultures;

– multiculturalism advocates change and criticizes the resistance of change that occurs when change is perceived as a consequence of the hostility of the majority, or of the «dominant culture» towards the culture of minorities.

The phenomenon of Interculturalism is a significant change directed towards an intercultural society, in which more cultures are in the phase of dialogue and search for a new cultural synthesis.

In practice, in the world this means that:

– interculturalism, interculturalism, new possibilities and a step towards bringing together and understanding different people and cultures;

– the very term inter (lat. between) points to dynamics and dialogue, while the terms multus plures (lat. many, many, more) just imply the simultaneous existence of several elements, in this context, more cultures;

– the term interculturalism arises from criticism of the static character of a multicultural approach.

– interculturalism has emerged as a kind of critique of multiculturalism, which tries to overcome cultural relativism and static functionalism;

– interculturalism advocates for equal rights and opportunities for dialogue for all cultural groups in touch, autochthonous and emigrant, majority and minority, etc.;

– since the second half of the 1980s, its significance has been increasingly tied to the international level and permeation at that level. This term expresses the dynamics of bilateral and multilateral cultural relations in the long time span, from the past to the future;

– an interculturalist concept seeks to transform contemporary society from multicultural into interculturality;

– culture of diversity is growing, and it should not be thought of as something good in itself, but rather as a necessary means for achieving the goal;

– the strategy of interculturalism is not an end in itself, but a means of creating an equal perspective for the success and optimum inclusion of minority cultures;

– every culture possesses its specificities of decent respect, which are equally worthwhile, and do not endanger each other;

– interculturalism is a possible source of enrichment (new values) of the whole society;

– in order for interculturality to become a true reality, it is necessary to encourage the permeation of cultures, recognizing each one's own identity. Interculturalism is achievable if it develops as a practice that emerged from the lives of social communities, real focus on people and their needs, rather than as a «project of protecting and preserving» the «settlement» of minorities, whose members begin to express their deep human needs (for rootedness, security, acceptance, dignity, etc.);

– intercultural society, presupposes the shift of interculturalism from the margin of social life to the center of social action;

– the assumption of interculturalism is communication and sociocultural integration;

– new integration processes, to the forefront, raise the question of how much they are today nation ready, for open cultural contacts.

How to reach as a manager. The role of management in the modern organization of successful business is extremely complex. In general terms, in principle and in the planning of strategic goals, managers should [12]:

1) show your associate to seriously look at his problem;

2) they acknowledge that his problem will not be publicly disclosed;

3) shows immediately that the problem is not considered to be his fault;

4) allow the collaborator to bring up the problem, do not interrupt it;

5) set up an associate of questions that will help him to see his problem;

6) together with his associate, he answered the question, what is the big problem [9].

Corporate or Organizational culture represents the character and specificity of an organization, the system value, beliefs and customs that determines organizational behavior and directs all the activities of individuals and groups that make them. It guides people, how to behave, and what they have to do. It exists for a long time, even before it was discussed at all about her understanding, values, lifestyles, ethics, the character of executive directors and the character of subordinates that creates the culture of each organization. In

some organizations, culture is easily seen and it creates an image by which the organization is well-known in the country and abroad. Organizational culture can create a positive and negative image, depending on what kind of organizational culture it is. It is possible to distinguish several types of organizational culture:

- 1) clear and unclear;
- 2) strong and weak;
3. dominant and subcultural;
- 4) good and bad;
- 5) participatory and non-partisan.

Conclusion. Modern approaches are decisive in the attitude of scientists and pragmatists, it is very difficult to accurately determine the organizational culture that exists in an organization, but there are means by which it can be determined, that is, the symbols, the existence of an organizational culture such as: tradition, history, language, status symbols, ceremonies, rituals, stories, and physical environment.

In every human resource management organization, the role of culture is very important. One of the most important organizational changes is the change of culture and cultural patterns. Today, at high speed, existing cultural patterns are replaced by new ones.

The traditional bureaucratic model of the organizational structure is changing and a new one with entrepreneurial features, called entrepreneurial culture, is being formed. This process is not easy because it is hampered by the knowledge of the «invisibility» of certain elements of the organizational culture that can hardly be quantified. It remains an opinion that the culture should be gradually changed, sequence per sequence. It emphasizes the rule that it should not be discarded everything that is old. In addition to determining organizational culture, it is a very important question: whether in one organization there is only one or many cultures, which act within the organization.

Organizations do not differ only from the people working in them, all organizations differ from each other and there is a much greater number of factors than the difference in people. It is evident that organizations are stable, regardless of the number and the number of people they work in. Here, stability is achieved to a large extent, thanks to an organizational culture that is most often understood as an understandable framework of attitudes, norms and behaviors, values and common expectations for all members of the organization.

Once these patterns are formed and fortified, they continue to become stable by exerting a strong influence on the organization and the people working in them. In this way, organizational culture becomes accepted by all members of the organization.

Modern approaches to multiculturalism and interculturalism provide a qualitative solution to the good synthesis of given directions. This is of great importance for the consideration of general approaches to the strategy of successful human resource management based on the humanitarian aspects of the activities of business entities.

References

1. *Живановић Н., Богавац М., Живановић В.* (2016): Engineering technique development of quality products for modern market. 1rd International Conference.
2. <http://jhr.uwpress.org/content/current>.
3. <http://managementstudyguide.com/hr-performance-management.htm>
4. <https://www.slideshare.net/ZeeshanSabir/human-resource-management-process>.
5. <https://www.springinstitute.org/whats-difference-multicultural-intercultural-cross-cultural-communication>.
6. (2018) Human resources management, Journal, Wiley online Librery, Birmingham, , pp. 59.
7. Ozier O. (2018) The Impact of Secondary Schooling in Kenya: A Regression Discontinuity Analysis Human Resources. Vol. 53. Pp. 157–188. P. 124.
8. Performance Management as a HR Management Concept [Electronic resource]. <http://managementstudyguide.com/hr-performance-management.htm>.
9. Petković M. (2010) Organizational characteristics of the entrepreneurial firm, Faculty of Economics. Belgrade. P. 209.
10. Torrington D., Hall L., Taylor S. (2004) Human Resource Management, Data status, Belgrade. P. 49.
11. www.book.ba/media/catalog/product/cache/1/image.
12. www.journals.sagepub.com.
13. Zeeshan S. (2011) Human resource management process. USA. P. 42.
14. Živanović N., Živanović V. (2013) Organization of enterprises. University «UNION» Belgrade, Faculty of Business Industrial Management. Belgrade. P. 31.

ADVANCING KNOWLEDGE INFERENCE OF PRAGUE AIRPORT SAFETY MANAGEMENT

A. LALIŠ,

*Doctor of Philosophy, Assistant Lecturer and Researcher,
Head of Aviation Safety and Security Laboratory, Faculty of Transportation Sci-
ences, Czech Technical University? Prague, Czech Republic
E-mail: lalisand@fd.cvut.cz*

S. STOJIC,

*Engineer, Assistant Lecturer and Researcher, Faculty of Transportation Sciences,
Czech Technical University? Prague, Czech Republic
E-mail: stojislo@fd.cvut.cz*

Introduction. Having a control nowadays means having a correct information and knowing how to utilize them. The way in which organizations understand themselves and their surroundings represents a basis for more systematic management and improved performance. Building a knowledge base therefore represents a fundamental step for any organization trying to understand and solve internal and less obvious problems, hidden inside specific safety-related events.

The goal of airport safety management is to find a weak spots, try to recognize a potential for escalation and prevent it at the right moment. Such principle was not a standard approach before; actually even some basic elements are still missing, which prevents creation of a correct wide picture, describing an actual state of a system.

Airport safety is not an exception. From the engineering standpoint, dealing with safety requires a certain level of system-theory knowledge. For many years, gathering of such knowledge was not a task for individual organizations, in this case airports, but rather global regulatory and supporting organizations, such as International Civil Aviation Organization (ICAO) or European regulatory bodies.

In order to help and standardize approach to problem understanding, ICAO develops manuals focused on certain safety-related issues, defining that way a common definition and required steps for problem solving. A good example is an issue known as Runway Incursion, for which an exclusive ICAO manual [9] was developed. It represents a certain knowledge gathered through time on real events and operations.

Europe tries to articulate this area through regulations, putting a focus on proper classification of the safety related events. European Commission issued the regulations (EU) No 376/2014 [4] and (EU) No 2015/1018 [5], stating a list of safety

events whose reporting is defined as mandatory. They also define non-mandatory, however, beneficial events for safety-related purposes and safety culture in general [16]. Besides that, these regulations define mandatory attributes that should be reported and recorded through reporting process, to collect data of a higher quality. Classification of the safety events was supported through development of several taxonomies [15], where some of them were strictly focused on the issue of human factors [1, 18].

It should be noted that individual organizations have some knowledge gathering power as well. They, however, use common and globally accepted frames for system and safety compliance monitoring, which, from the other hand, are rigid and not purposely developed to serve as safety knowledge generators. The Prague airport, which is a main partner in the described research, is following this scheme and respects given regulatory requirements. Through inspections, audits, frequent controls, events investigations or safety studies preparation, Prague airport collects data to meet given requirements. However, the framework provided by the regulations is questionable in some aspects, especially regarding interpretability of records [13], which limits the knowledge inference processes not only at airports, but in fact at any aviation organization following this standard.

With regard to the above-mentioned, this paper aims to resolve the issue by further research and development of tools used by safety management to infer knowledge about safety. It takes the opportunity of new advancement in theory of safety so as the latest technology available regarding knowledge management. This paper describes ongoing research in cooperation with Prague airport, which constraints the research to airport-specific environment in the Czech Republic. Follow-

ing sections provide an insight into the project methodology and achievements available to date.

Methodology. This section describes key methods used for the described project execution, namely selection of the most suitable safety model and modelling technique.

Safety model selection. To date, the most advanced safety models available from theory are STAMP (Systems – Theoretic Accident Model and Processes) [14], FRAM (Functional Resonance Analysis Method) [8] and RAG (Resilience Analysis Grid) [7]. All of them are referred to as systemic models, representing the latest stage of safety evolution in theory [3]. Model STAMP is based on feedback control theory [2], representing the issue of safety as a control problem, whereas model FRAM uses the principle of functional resonance and non-linear variability to explain safety mechanisms. RAG elaborates the idea of resilience and, in fact, complements model FRAM.

In the context of the research project at Prague airport, the selection of the most suitable model is conditioned by various factors, such as application scope and suitability, relevant regulatory requirements or compliance with existing safety management tools. With respect to this, it is to be noted that all aviation organizations are obliged to monitor safety occurrences and their trends in time thus the safety management tools are almost exclusively focused on negative outcomes from the operations [10, 11]. Likewise, these tools are to cover various use cases, such as occurrence reporting, scheduling audits or performing safety studies.

Even though FRAM and RAG models introduce entirely new mechanism of safety, capable of describing complex non-linearity and both negative and positive outcomes of everyday operations, the industry is not ready for their implementation. This

is mainly due to regulatory requirements and the scope of current safety management, which is oriented to negative outcomes and reductionism rather than complexity, but also due to maturity of both FRAM and RAG. These models are still in development, they are difficult to implement directly into the industry and their scope does not cover all the safety management of today but rather some specific applications such as occurrence investigation or safety study of certain phenomena. There is no direct support for setting up integrated functions as occurrence reporting, performing audits, managing knowledge from occurrence reporting, audits and inspections or measuring safety performance. This assessment is in line with the investigation performed by Underwood & Waterson [17].

On the other hand, STAMP model is more elaborate as it provides guidelines and tools for all safety management functions, aiming to perfect the current approach to manage safety in the industry by introducing key concepts of feedback control theory. Due to this, it is more practical to apply STAMP than the two other models. From the perspective of today’s safety managers, STAMP is also more attractive because, apart from dealing with standard safety management issues, it supports resolving other managerial issues such as setting up proper control structure of an organization. Nevertheless, selection of the STAMP model does not affect the possibility of applying FRAM or RAG in the future, as these models do not collide in their fundamentals. The selection also does not aim to rank STAMP as a better model of safety compared to FRAM or RAG; it only suggest that the model offers more feasible solution to developing current industry safety management further in short to mid-term. In summary, all key decision criteria are listed in Table 1.

Table 1

Comparison of safety models with regard to current industry safety management systems (SMS)

Indicators	STAMP	FRAM	RAG
Theoretical support to SMS processes	good	limited	limited
Direct application suitability	good	limited	limited
Potential for further SMS development	good	good	good

Selection of modelling technique. The need to select proper modelling technique stems from the fact that the industry already has some standards for safety management. These regard information

systems and various tools to track and manage safety (e.g. ECCAIRS, E-TOKAI, Risk Analysis Tool and similar), but are not limited software solutions, which are often unique to certain degree

for each aviation organization. In civil aviation, ICAO provides requirements for safety management system [10, 11], but also regional requirements such as European regulation framework apply at the Prague airport. These requirements not only standardize processes, but also the content and format of information to be collected, processed and stored within safety management. Because STAMP uses own terminology and framework, an alignment between existing aviation standards, especially with regard to taxonomies, and the model to be produced must be ensured. In simple terms, any information collected or knowledge inferred based on STAMP methodology must be transformed into existing standard in civil aviation with no or little additional effort required from safety management.

Because the problem regards data integration and ensuring that meaning of all data is stored as intended by both STAMP methodology and existing aviation standards, the technique to be used for actual modelling of safety processes at Prague airport regards use of ontology engineering, which is capable of adequate conceptual modelling of respective domain.

Because there is no domain ontology available concerning STAMP model, this has to be established. On the other hand, aviation safety ontology has been recently created in a previous research project [12], where Prague airport also participated, and which is currently used within the airport safety management. This ontology was created using UFO (Unified Foundational Ontology) [6] as a top-level (generic) ontology suitable for developing ontologies of any domain, and it already comprises standard aviation taxonomies, such as ECCAIRS, HEIDI or RIT. Consequently, this project also selects UFO as a base ontology to establish STAMP model of Prague airport and to ensure proper data integration with the existing systems at Prague airport. UFO proved to be suitable tool for modelling aviation safety in the previous project and so it is considered as an adequate selection for this project as well.

Producing Prague airport model. The very process of modelling regards identification of managerial structure of the airport and populating the structure towards line personnel. To this end, Prague airport participates in the project by providing internal documentation and process diagrams. The airport employees directly assist

with the process to make sure, that the proper level of detail is selected. Obviously, it is not practical to model every single control loop in the control structure present at the airport. So has the proper level of detail to be decided based on the use case of the final model. The process started in 2018 and is to be finished by the end of the year. During 2019, the produced conceptual model is to be integrated into existing safety management tools used at Prague airport.

Results. Even though the project is still being executed, there are already some results. An excerpt from the Prague airport model is depicted in Fig. 1. The figure shows a control loop for airbridge docking operation performed by human controller – the airbridge operator. Apart from definition of sensors and actuators at his or her disposal, the controlled process is defined by the unwanted events that the particular control loop is designed to prevent. Each of the objects in the diagram is modelled correspondingly using UFO-A and UFO-B Layers from the UFO ontology. Figure 2 shows visualized concept of controller and unwanted event from Figure 1 by means of UFO ontology.

Discussion. Application of the STAMP methodology proved to be feasible for several processes and it does not require significant changes to the existing safety management processes. Safety inspectors usually investigate safety occurrences by identification of chain of events and searching for roles and responsibilities per respective case. By building the model, this part of the investigation is already complete and only proper assignment of what happened to the model structure is needed. Certainly, the control structure changes in time as so will there be need to update the model. This requires some effort but creates no duplicity work, because process control structure at the airport is to be maintained regardless of the safety management at its systems.

Certain problems, however, emerge on the interfaces between the control loops. It is the problem of boundary definition because the model cannot expand with no limitations. So far, three types of interfaces were identified:

- a) interface with other companies under the oversight of Prague airport (ground handling);
- b) interface with Air Navigation Service Provider;
- c) interface with air carriers.

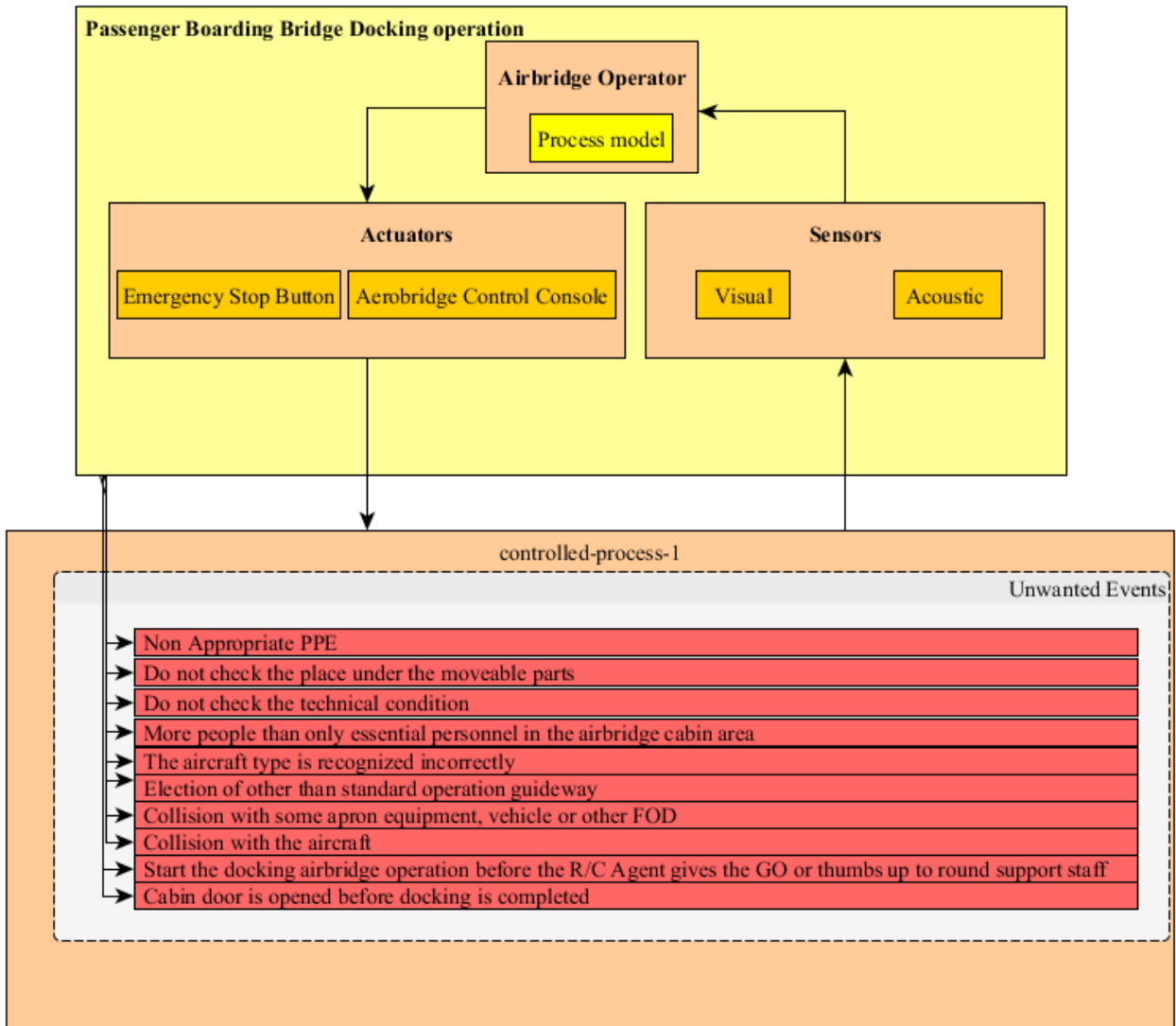


Fig. 1. Excerpt from the Prague airport safety model based on STAMP

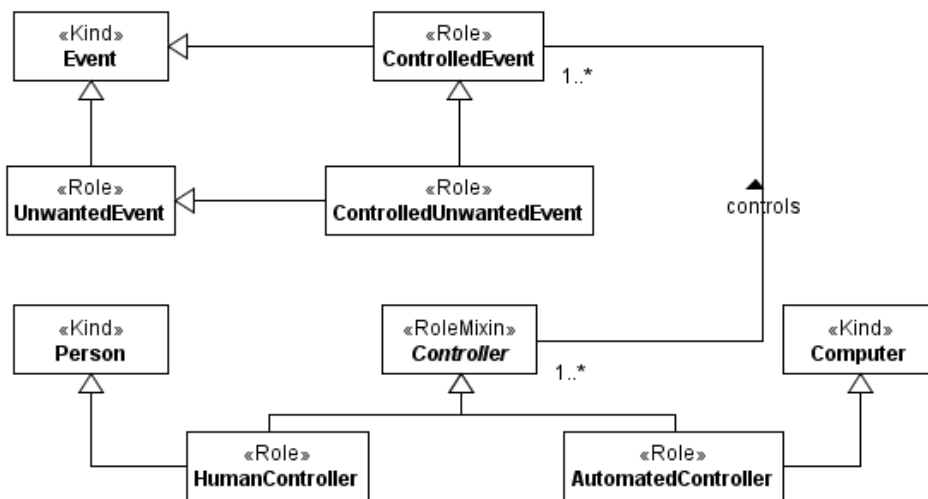


Fig. 2. Excerpt from UFO concept of Controller

In case of (b), this is a coordination interface and in case of (c), the interface is in fact on the background of air carrier operations. In such cases, the airport typically contributes to, for instance, runway incursions by its design. All these interfaces will need further development and proper mapping which is out of the scope of STAMP theory.

Finally yet importantly, identification of airport managerial structure and progressive definition of lower levels of the control structure reveals its deficiencies during the course of the project execution. These deficiencies regard especially the problem of multiple controllers, where there is either overlap between their responsibilities or a gap. Neither of the two is desired and so has the structure to be altered at the airport to avoid this. From this perspective, the research has side effect, influencing future control structure at the Prague airport. As mentioned before, it supports decision-making with respect to the structure in parallel processes out of scope of this research project.

Conclusions. This paper provides an overview of current development at Prague airport in the domain of safety. Background and key concepts for further development of safety knowledge inference were introduced. The core of the activities is application of STAMP safety model as one of the representatives of modern safety engineering in combination with the state of the art from ontology engineering. The paper regards on-going research project in the Czech Republic at the Czech Technical University in Prague, in cooperation with Prague airport and Czech Airlines Technics, and provides results available to date, including the vision for further research within the scope of Prague airport.

Obvious limitation of the paper is the fact that the described research project will continue until late 2019 and so there cannot be all issues and aspects of the solution identified. The project passed through its analytical part and achieved basic model of several parts of the control structure at Prague airport, including their conceptual counterparts in UFO ontology. However, the summary results of the performed analysis and the basic exemplified concepts may be beneficial for other considerations to advance safety knowledge inference in the aviation industry.

The ambition of the described research is to advance knowledge inference at Prague airport to perfect and complement current safety standards in civil aviation. At the end of 2019, there will be entire STAMP-based model of safety control structure at Prague airport finished and conceptualized

by the means of UFO ontology, including the integration of the existing aviation safety ontology used at Prague airport with the newly developed ontology of safety control structure.

Acknowledgement. This work was supported by the Technology Agency of the Czech Republic, research grant number TJ01000377 – «Research of Intelligent Components for Safety Data Collection and Processing Systems».

References

1. Beaubien J. & Baker D. (2002). A review of selected aviation human factors taxonomies, accident/incident reporting systems, and data collection tools. *International Journal of Applied Aviation Studies*, vol. 2 (2), pp. 11–36.
2. Doyle J., Francis B., Tannenbaum A. (2013). *Feedback Control Theory*. Dover Publications.
3. Eurocontrol (2009) A White Paper on Resilience Engineering for ATM. The European Organisation for the Safety of Air Navigation, Brussels.
4. (2014) European Commission. Commission Implementing Regulation (EU) No 376/2014 of the European Parliament and of the Council on the reporting, analysis and follow-up of occurrences in civil aviation, amending Regulation (EU) No 996/2010 of the European Parliament and of the Council and repealing Directive 2003/42/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Regulations (EC) No 1321/2007 and (EC) No 1330/2007. *Official Journal of the European Union*, vol. 122, pp. 18–43.
5. (2015) European Commission. Commission Implementing Regulation (EU) No 2015/1018 laying down a list classifying occurrences in civil aviation to be mandatorily reported according to Regulation (EU) No 376/2014 of the European Parliament and of the Council. *Official Journal of the European Union*, vol. 163, pp. 1–17.
6. Guizzardi G. & Wagner G. (2004). On A Unified Foundational Ontology and some Applications of it in Business Modeling, Open Interop Workshop on Enterprise Modelling and Ontologies for Interoperability, 16th International Conference on Advances in Information Systems Engineering (CAiSE), Latvia.
7. Hollnagel E., Pariès E., Woods J., et al. (2011). *Epilogue: The Resilience Analysis*

- Grid // Resilience Engineering in Practice. Ashgate, Farnham. Pp. 275–296.
8. Hollnagel E. (2012). FRAM – The Functional Resonance Analysis Method: Modelling Complex Socio-technical Systems. Farnham, UK: Ashgate.
 9. (2007) ICAO. Manual of the Prevention of the Runway Incursion: Doc 9870 AN/463. International Civil Aviation Organization, Montréal, Quebec.
 10. (2013) ICAO. Annex 19 – Safety Management: International Standards and Recommended Practices. International Civil Aviation Organization, Montréal, Quebec.
 11. (2013) ICAO. Safety Management Manual (SMM): Doc 9859 AN/474. International Civil Aviation Organization, Montréal, Quebec.
 12. Kostov B., Ahmad J., Křemen P. (2017) Towards Ontology-Based Safety Information Management in the Aviation Industry // On the Move to Meaningful Internet Systems: OTM 2016 Workshops. OTM 2016. Lecture Notes in Computer Science, Vol. 10034. Springer, Cham.
 13. Křemen P., Kostov B., Blaško M., et al. (2017) Ontological Foundations of European Coordination Centre for Accident and Incident Reporting Systems. Journal of Aerospace Information Systems, vol. 14 (5), pp. 1–14.
 14. Leveson N. (2011). Engineering a Safer World: Systems Thinking Applied to Safety. The MIT Press, Cambridge, Mass.
 15. Stephens C., Ferrante O., Olsen K., et al. (2008) Standardizing International Taxonomies. The International Society of Air Safety Investigators Forum, vol. 41 (1), pp. 8–13.
 16. Stolzer A., Halford C., Goglia J. (2011). Implementing Safety Management Systems in Aviation. Burlington, VT: Ashgate.
 17. Underwood P., Waterson P. (2012) A Critical Review of the STAMP, FRAM and Accimap Systemic Accident Analysis Models // Advances in Human Aspects of Road and Rail Transportation / ed. by N. Stanton. Chapter 39. Pp. 385–394.
 18. Wiegmann A. & A. Shappell A. (2001) A Human Error Analysis of Commercial Aviation Accidents Using the Human Factors Analysis and Classification System (HFACS). DOT/FAA/AM-01/3. Federal Aviation Administration, Washington.

EXISTING PROBLEMS AND SOLUTIONS OF THE JUDICIAL EXPERTISE ADMINISTRATION SYSTEM IN CHINA

X. HUAWEI,

Department of Forensic Science, Fujian Police College, Fuzhou, PR China

E-mail: momoxhw@163.com

Introduction. Judicial expertise plays an important role in litigation, so judicial expertise management is a system and mechanism guarantee to ensure that judicial expertise serves litigation activities and it is also an important part of judicial administration in China. Judicial expertise is dubbed as «scientific evidence», but in the judicial practice, false and contradictory judicial expertise emerge in an endless stream. They fail to solve difficulties but upgrade contradictions and controversies and induce appeals and petitions, so they have not realized fairness and justice with the power of science, but have become breeding grounds for judicial brokers [4]. Although the causes of these problems are complex and multiple, they are mainly problems of the litigation system and the judicial expertise management system, especially the latter [3].

The judicial expertise industry in China has achieved better and faster development. The number of the judicial expertise institutions has grown rapidly, the scope has gradually expanded, and the quality has improved. However, there are also issues that directly affect the judicial justice. Only after these problems are summarized and the root causes are deeply analyzed, China's forensic science system can be further improved and judicial expertise management can be standardized.

2. Main problems in the existing judicial expertise management system.

The quality of judicial expertise needs to be improved. In the whole year of 2016, the provincial judicial administrative organs received a total of 1,466 complaints against appraisal institutions and experts, and the complaint rate was 0,069%. There were 1,254 complaints against a total of 582 appraisal institutions and 371 complaints against a total of 479 judicial experts.

Judicial expertise is not only a scientific empirical analysis but also a litigation activity, so the judicial expertise institution should be neutral and quasi-judicial. At present, most judicial expertise institutions are established for the purpose of profits, which mainly rely on appraisal fees to survive and have a small size and single business.

The purpose of the establishment of the judicial expertise institution and the need for funding sources are the internal motives that lead the judicial expertise institution to become more profitable. Considering that the overall size of the judicial expertise institutions is small, the business scope is single, and the competition in China's Judicial expertise market is disorderly, these internal and external factors have promoted judicial expertise institutions to become more profitable. This leads certain expertise institutions and experts to lose their professional conduct and become expertise merchants, they make arbitrary appraisals and produce batches of false appraisal opinions in order to meet the requirements of the parties, and the transaction has become the unspoken rule for judicial expertise [2]. As a result, the corruption of appraisal and judicial brokers come into being, ultimately damaging judicial authority.

The appraisal institution is not neutral. One of the functions of the judicial expertise institution is to provide specialized opinions for the litigation and use this as the evidence to provide a factual basis for the resolution of litigation. The objectivity of the evidence determines that the appraisal opinion as one of the forms of evidence should also be objective, and one of the conditions of objectivity is the neutrality of its organization. However, the judicial expertise system currently formed in China lacks of guarantee for neutrality. It is this kind of characteristic that judicial organs are affiliated to judicial departments that has made it impossible for judicial expertise in China to be guaranteed in terms of neutrality and objectivity.

In this kind of departmentalized judicial expertise, the functional organization not only serves as the rule maker and appraisal manager but also plays the role of appraiser and appraisal certifier, involving all the subjects of legal relationship. At this stage, neither appraisal institutions nor appraisal personnel are independent. They are affiliated to certain state organs, enterprises and institutions, and there are no independent judicial expertise institutions and personnel directly oriented to

society [5]. Public security organs, security organs and procuratorial organs all continue to retain judicial expertise institutions, and the courts still substantially control the institutions through the management of experts. This has resulted in the non-neutrality of Judicial expertise, restricted the scientificity and credibility of Judicial expertise, and at the same time made it difficult to establish a supervisory and restrictive relationship between Judicial expertise and judicial activity.

In addition, for the Judicial expertise that loses its independence, no matter whether its opinion is scientific or not, the public is bound to doubt its objectivity and impartiality because of its mixed identity of appraiser and certifier. Independence is a procedural guarantee for objective appraisals. Although the independent appraisal is not necessarily objective, the appraisal can be regarded to be objective only when the independence is guaranteed. Therefore, independence is the necessary condition for objective and fair appraisals.

The appraisal supervision is incomplete. Judicial expertise needs a perfect supervision mechanism, or it is difficult to ensure the quality and overcome chaos and malpractice. The supervision can basically be divided into three aspects, supervision of the appraisal institutions affiliated to public security and procuratorial organs, supervision of social appraisal institutions that provide social services, and supervision of appraisal institutions affiliated to other administrative organs or industry associations. The first supervision now is still in a state of internalization, and judicial administrative organs and Judicial expertise industry associations cannot supervise such appraisals [1]. There are inherent drawbacks in this type of internal supervision mode, and the unjust, false and wrong cases are related to it. The latter two kinds of appraisals are classified into two categories. Appraisals of forensic medicine, physical evidence and audiovisual materials are supervised by the judicial administrative organs and corresponding appraisal associations. Appraisals beyond the above «three major categories» are difficult to be fully supervised by judicial administrative organs and appraisal associations.

The national standardization committee has not been established. In the field of judicial expertise, the unified state standard has not been established, which has led to conflicts of appraisal opinions to some extent. Appraisal standardization is an important way to ensure the objectiveness and fairness of appraisal activities, but the national standardization committee has not been established. Overlapping management of appraisal

standard has resulted in different appraisal standards, conflicts of opinions, and difficulties in judicial verification. The appraisal standard is the criterion and basis for the implementation of Judicial expertise, and a unified appraisal standard can ensure the objectiveness and accuracy of appraisal opinions [6]. However, the inconsistency of China's appraisal standards results in different appraisal opinions for the same issue to a certain extent. Therefore, the parties distrust the appraisal opinion, the judges are confused to the appraisal opinion, and repeated appraisals are often required.

Recommendations for the reform of judicial expertise management system. Judicial expertise should take the initiative to adapt to the requirements of trial-centered litigation system reform, vigorously promote transformation and upgrading, form a work pattern of laboratory construction, brand cultivation, large-scale development and standardized operation, establish high-qualification and high-level judicial expertise institutions, improve the operational mechanism for the connection between management and use, strengthen the daily supervision and improve the quality and credibility so as to play an active role in solving social conflicts, safeguarding the legitimate rights and interests of people and promoting social fairness and justice.

Unify the appraisal system. The departmentalization of judicial expertise management system has its rationality at the beginning, but today, the fundamental changes have taken place in the overall environment of state system and social legislation, so the departmentalized judicial expertise has actually fulfilled its historical mission and should withdraw from the historical stage. It is indicated by the analysis of problems in China's judicial expertise management system and the understanding of the law of judicial expertise based on the comparative law that the unified legalization of judicial expertise management system is an inevitable trend of future development, so it is necessary to establish a unified management system on the macro level through legislation to eliminate the departmentalized judicial expertise. The judicial administrative department is responsible for the unified administration of the judicial expertise management system on behalf of the country. Such national unification is not only to eliminate departmentalization but also to eliminate the existing local judicial expertise management mechanisms. For the judicial expertise institutions and experts, the judicial administrative department manages the qualifications of access, publishes rosters, specifies the code of conduct and penalizes professional

violations. As to the appraisal technology, the judicial administrative department establishes procedures, methods and standards according to the type of appraisal.

Neutralize appraisal institutions. The existing departmentalized system of judicial expertise management should be abolished, and experts and institutions should be integrated into the management scope of judicial administrative department, which should not be different from other social judicial experts and institutions. Taking into account the efficiency of investigation, these experts can still belong to the original system, but in order to ensure their independence, their affiliation to the organs at all levels should be changed and specialized management agencies should be set up by the central department to conduct unified management. For example, the Ministry of Public Security establishes a specialized agency to manage its appraisal institutions and experts nationwide. These appraisal institutions should be independent of each other, and the accreditation of their qualifications is managed by the judicial administrative department. The investigative department can only commission the business, so the past four-level system is changed into the two-level system. Except the appraisal institutions and experts, only the business guidance and management at the central level are retained.

Accelerate the construction of standardization committee. It is recommended that the judicial administrative organs should take the lead to establish the national standardization committee for judicial expertise under the guidance of the National Standardization Committee and at the same time establish a national industry association and professional committees to play an active role of the «two-in-one» management system. It is recommended to accelerate the development of standards for forensic sciences and technical fields, increase support and input in forensic sciences and technologies, and continuously improve the overall level and core appraisal capabilities of the industry. In addition, importance should be attached to personnel training, research and development in appraisal science and technology, and transformation of appraisal technology achieve-

ments to provide talent reserves and technical support for the training of high-qualified and high-level public appraisal institutions.

Improve the access and withdrawal mechanisms. The access and withdrawal mechanisms should be improved, and the judicial expertise institutions that have not passed the accreditation of qualifications should be eliminated in a timely manner according to law. The withdrawal mechanism of experts should include normal withdrawal and punitive withdrawal. For experts who have passed the application and obtained the qualification of appraisal subject, if they have not engaged in relevant work for a long time, their withdrawal from the appraisal system is normal. If they violate relevant legal provisions and receive administrative penalties, their qualifications should be abolished. It is suggested that the Ministry of Justice should actively study and formulate development plans for the national forensic science industry, including the scale, layout, and types of appraisal institutions and experts, as an important basis for the new appraisal institutions to be registered at the provincial judicial administrative department. In this way, the risk of excessive new institutions in some areas can be solved to achieve the dynamic supervision of appraisal institutions and experts.

References

1. (2005) Davin K. J. On the Orientation and Improvements of China's Judicial Expertise Administration System. *Judicature Today*, vol. 17 (3), pp. 303–322.
2. (2008) Min Y. L. On Improvement and Development of the Judicial Expertise Institute in Higher Education. *Chinese Journal of Forensic Sciences*.
3. (2005) Reflection and Exploration on the Administration of Judicial Expertise at Present. *Judicature Today*.
4. (2006) The Reform and Perfection of Judicial Expertise Administration System of China. *Justice of China*.
5. Shen Z. (2010) On Reform of the Power to Initiate Judicial Appraisal. *Criminal Research*.
6. Zhu G. Y. (2013) Quality control system of judicial expertise in China. *法医学杂志*, vol. 29 (4), p. 295.

PUBLIC PROCUREMENT MANAGEMENT IN LOCAL GOVERNMENT – CASE STUDY

J. TOMASZEWSKI,

Ph.D. in economics, assistant professor, teaching and research worker at the Faculty of Management, University of E. Kwiatkowski in Gdynia

Introduction. The reforms of the period of political transformation in Poland after 1989 favoured the shaping of territorial self-government¹, including the poviats². The subjectivity of poviats self-governments determined in legal regulations indicates the role of local authorities in the implementation of public tasks, previously incumbent on the state administration (hospitals, nurseries, kindergartens, schools, roads, geodesy, cartography, water management, environmental protection, etc.) At the same time, this means increasing the scope of responsibility for financial means spent under public procurement: purchases, investments, renovations and other services related to local tasks.

The aim of the article is to assess the transparency of spending public funds in the Powiat Starosty in Lębork (County Lęborski) and, hence, the subtitle implies case study. The research problem is included in the following question: «are the provisions of the law on public procurement properly applied in the examined local government?»

The main purpose of the study was to analyze the legal acts and documents, including the original information of Powiat Starosty in Lębork (County Lęborski).

The legal status referring to the topic adopted in the title covers the years 1990–2014; current organizational conditions. The article constitutes a voice in the discussion on international experience in the field of management in public sector enterprises, with particular emphasis on the local government unit.

The essence of public procurement. Public procurement is a tool and an instrument for the effective management of public finances. It is a paid contract concluded between the contracting author-

ity and the contractor, the subject of which are services, supplies or construction works³. In the light of this provision, awarding a public contract is the conclusion of a contract that meets all the following conditions: its parties are the contracting authority and the contractor, the subject of this contract are services, supplies or construction works, the contract must be paid for [3, p. 3]. The definition in Directive 2004/18/EC is of key importance⁴. According to art. 1 point 1 point 2 lit. (a) of the Directive: public procurement define contracts for pecuniary interest concluded in writing between one or more contracting authorities and one or more contractors for the execution of works, delivery of products or provision of services within the meaning of that directive. The object of public procurement, i.e. supplies, services and construction works, in practice covers all goods that can be purchased on the market. In this place the difference in defining deliveries appearing in the Civil Code (CC) must be indicated⁵. Public procurement law (PPL) of delivery defines it more broadly than article 605 of the Civil Code, «as the acquisition of things, rights and other goods, in particular on the basis of a contract of sale, delivery, lease, and leasing»⁶.

Legal aspects of the public procurement system in Poland. The first Polish regulation in the field of public procurement was the Act of 10 June 1994 on Public Procurement⁷, which entered into force on January 1, 1995. The legislator defining the regulatory framework, pointed to the principles, forms and modes of awarding public contracts, institutions competent in public procurement. The methods of examining protests and appeals submitted during the public procurement procedure are also determined. It should be mentioned that the subjective framework of the Act previously included state (government) administration units and

¹ Ustawa z dnia 8 marca 1990 roku o samorządzie terytorialnym (Dz. U z 1990 roku, No. 16, poz. 95 z późn. zmianami); aktualnie też *Ustawa o samorządzie gminnym* tekst jednolity 2017 (Dz. U. 2017 r. poz. 1875).

² Ustawa z dnia 5 czerwca 1998 roku o samorządzie powiatowym (Dz. U. z 1998 roku, No. 91, poz. 678 z późn. zm.)

³ Ustawa z dnia 29 stycznia 2004 r. Prawo zamówień publicznych art. 2 pkt 13 (Dz.U. z 2004 roku, No. 19, poz. 177 z późn. zm.).

⁴ Dyrektywa Parlamentu Europejskiego i Rady Europy z dnia 30 kwietnia 2004 r. w sprawie koordynacji procedur zamówień publicznych na roboty budowlane, dostawy i usługi (Dz. U Unii Europejskiej, L 134/114 ze zm.).

⁵ Ustawa z dnia 23 kwietnia 1964 r. Kodeks cywilny (Dz. U. z 1964 r. No. 16, poz. 93 z późn. zm.).

⁶ Ibidem.

⁷ Ustawa z dnia 10 czerwca 1994r. o zamówieniach publicznych (Dz.U. z 1994r., poz. 334. z późn.zm.; tekst jednolity (Dz. U. z 2002 r., No. 72, poz. 664, z późn. zm.); zobacz też; Ustawa z dnia 24 stycznia 2004 roku Prawo zamówień publicznych (Dz.U. z 2004 r., No. 19, poz. 177).

other entities managing public funds. From 1 January 1996, the Act also became applicable to local government units [5, p. 20].

The Act introduced six modes of awarding public contracts, such as: restricted tender, unlimited tender, two-stage tender, price inquiry, negotiation with competition, and single-source procurement. Its imperfections are expressed by over 40 changes, hence it is now possible to speak of two basic modes, i.e. limited and unlimited tender and competitive dialogue, negotiations with the announcement, negotiations without announcement, single-source contracts, price inquiries and electronic bidding. The Act applies to orders and contests whose value exceeds the PLN equivalent of EUR 30 000⁸.

Changes to the regulations on public procurement. A full description of alterations in legislation on such sensitive issues as orders, and thus public finances, in the imposed editorial 'regime' is not possible. That is why the most important ones are highlighted here.

As communicated earlier, the Public Procurement Act passed on June 10, 1994, became applicable from January 1995. Changes and amendments from the first three years of its validity resulted in the uniform text of the Act in 1998⁹. In the consecutive three years seven amendments to the Act were made, of which the change on foreign service was introduced in 2001 by the Act of 27 July 2001¹⁰. In June 2002, the next uniform text of the Public Procurement Act was published – Announcement of the Speaker of the Sejm of the Republic of Poland of April 25, 2002 regarding the publication of a uniform text of the Public Procurement Act¹¹.

The following changes were: Act of 7 April 2006 amending the Act – Public Procurement Law and the Act on liability for violation of public finance discipline (Journal of Laws No. 79, item 551) – this amendment adjusted the provisions of the Public Procurement Law to the new EU regulations; Act of 13 April 2007 amending the act – Public Procurement Law and some other acts (Journal of Laws No. 82, item 560) [4]. It simplified and accelerated the procurement process by reforming the system of legal protection measures in the scope of consideration of appeals. The purpose of this modification

was, inter alia, streamlining the use of structural funds from the EU by Poland. The amendment also raised the threshold from which the obligation to apply the Public Procurement Law from EUR 6,000 to EUR 14,000. The Act of 5 November 2009 amending the Act – Public Procurement Law and the Act on court costs in civil cases (Journal of Laws from 2009 No. 206 item 1591) – introduced provisions to ensure the adjustment of the public procurement system to a difficult economic situation during the financial recession. The Act of March 14, 2014 amending the Public Procurement Law¹², which became effective from April 16, 2014, raises the threshold from which it applies from EUR 14,000 to EUR 30 000. The amendment to the Act of August 29, 2014¹³, was introduced to popularize non-price criteria for the assessment of offers and the elimination of abnormally low prices [2, p. 5].

Managing expenditures of the Lębork Starosty (County Lęborski) in the context of regulations about public orders.

Regulations for the award of contracts. In accordance with the provisions of the law being described, the basis for the implementation of public procurement tasks in the local government is the properly structured regulations. Regulations for awarding public contracts in Lębork formulate internal organization of proceedings in public procurement cases for supplies, services and construction works, paid from public funds¹⁴. The regulations specify, among others¹⁵: activities related to the award of contracts to which the provisions of Article 4 point 8 of the Act apply, i.e. up to EUR 30 000, excluding value added tax, which are carried out by the applicant after the prior conclusion of the public procurement specialist; rules for initiating a public procurement procedure with a value above EUR 30 000; liability of the applicant; register of public procurement; duties of a specialist in public procurement; rules applicable to the public procurement procedure; liability for violation of law. The Annex to the Rules for awarding public contracts is the Working Rules of the Bidding Committee. The content of these regulations consists of¹⁶:

- 1) tasks in the preparation and conduct of the public procurement procedure;
- 2) responsibilities of the President of the Commission;

⁸ Ustawa z dnia 29 stycznia 2004 r. Prawo zamówień publicznych art. 4 ust. 8, przepis cyt.

⁹ Dz. U. z roku 1998 No. 119, poz. 773.

¹⁰ Dz. U. z roku 2001 No. 128, poz. 1403.

¹¹ Dz. U. z roku 2002 No. 72, poz. 664.

¹² Dz. U. z 2014 r. poz. 423.

¹³ Dz. U. z 18 września 2014 r. poz. 1232.

¹⁴ Zarządzenie No. 2/2012 Starosty Lęborskiego z dnia 25 stycznia 2012 r w sprawie zatwierdzenia Regulaminu zamówień publicznych w Starostwie Powiatowym w Lęborku.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

- 3) responsibilities of the Secretary of the Commission;
- 4) conditions governing when the Commission may act;
- 5) expert opinion;
- 6) official secret;
- 7) statements of committee members in accordance with Article 17 of the Public Procurement Law.

Public procurement planning. A decisive element of the correct application of the Public Procurement Law is the planning of public procurement. It is principally aimed at correctly assessing legal regime in the selection of the contractor. Properly and reliably drawn up plan helps the customer to determine the size of the needs, their compliance with financial possibilities and accordingly allows to organize the work of people who deal with orders. Planning public procurement is of significant organizational concern, as it allows for efficient spending during the budget year. It is also of great economic importance because through the analysis of the order size it is possible to centralize orders in furtherance of achieving optimal contract conditions. Public procurement plan organizes the system of spending public funds and guarantees their transparency and ensures proper supervision of the manager of the contracting authority [15].

Supervision. The manager of an economic entity is responsible for financial management and public procurement. In turn, one of the conditions of effective internal control is the rational delegation of rights to subordinate employees. The head of the unit (in the case of Lębork – the Starost) precisely defines the tasks of subordinate organizational units and the scope of employees' duties. This ensures the transparency of functioning and shapes the sense of individual responsibility for the entrusted tasks. In order to efficiently manage public orders at the Poviast Starosty in Lębork, internal regulations have been introduced to enable the performance of supervisory functions. I am talking here primarily about the Organizational Regulations¹⁷. The document specifies legal norms on the basis of which the starosty functions and in the context of the subject matter adopted in the article, it concerns the Public Procurement Law. In addition, the regulations specify: tasks and competences of the Starost and the Board and the Secretary of the District in the scope of supervising the proceedings for the award of a public contract. Another internal document is the Internal Rules of the

Organizational Department¹⁸ and the Register of Public Procurement, which is the basic document when preparing the annual report on awarded contracts. The documents specified in the PPL Act are published on the website of the Starosts: <www.powiat-lebork.com>.

Tender procedures implemented in 2010–2014. In the audited period, regardless of the mode, a total of 272 were conducted, 272 tendering procedures were carried out. 243 orders were positively accepted, of which: 6 for construction works; 69 for services, 168 for deliveries. Unlimited tenders dominated allowing for a larger offer of the contractor. At the same time, there were very few proceedings submitted with the use of a price or offer inquiry. It should be mentioned that some of these orders were implemented with the support of EU funds. Until the year 2014, under the EU budgetary framework for 2007–2013 (the budget perspective 2014–2020 is currently in force), over 194 public procurement procedures were carried out for tasks co-financed by the EU. Nevertheless, not all of them, as noted earlier, ended with signing a contract with the contractor and placing an order.

Internal and external controls of the implementation of the Public Procurement Law. Apart from planning, organizing, motivating through proper determination of duties, controlling is a critical function in managing public procurement. As part of this function, pursuant to the basics of organization and management theory, internal controls are carried out in the office in question. On the other hand, external controls are carried out by specialized institutions at the provincial and national level. It results from the principles of democratic control over the local government budget.

Controlling is an indispensable element of the process of managing every organized human action regardless of the field and level of activity [6, p. 314]. At the central level, management control mechanisms are defined by the Minister of Finance in «Management Control Standards for the Public Finance Sector», which constitute a structured set of guidelines that managers of entities should follow to create, evaluate and improve management control systems¹⁹. In the Poviast District Office in Lębork, Regulation No. 21/2010 of 10 September 2010, there were established rules for the functioning of management control and risk management. The adopted regulations have a significant impact on the implementation of public procurement in a

¹⁷ Uchwała No. IV/31/11 Rady Powiatu Lęborskiego z dnia 22 marca 2011 roku, w sprawie uchwalenia regulaminu organizacyjnego Starostwa Powiatowego w Lęborku-dokumenty starostwa.

¹⁸ Zarządzenie No. 2/2009 Naczelnika Wydziału Organizacyjnego z dnia 16 czerwca 2009 roku, w sprawie ustalenia regulaminu wew. Wydziału Organizacyjnego – dokumenty starostwa.

¹⁹ Dz. Urz. Min. Fin. z 2009 r. No. 15. Poz. 84.

manner consistent with the law. Auditors assess the compliance of employees with statutory and internal procedures [23, p. 18].

In 2012, the internal audit covered 9 proceedings from 2010–2012, where the ordering party was the Powiat Starosty in Lębork and 5 procedures concerning purchases co-financed from EU funds. Based on these proceedings, it was found that from January 2010 to September 2012, the Powiat Starosty in Lębork managed its activities in the area of public procurement in a sufficient manner.

As part of the external audit in the period from 16 December 2013 to 11 April 2014, the Regional Audit Office (RIO) from Gdansk carried out a comprehensive control of the Starosty financial management and correct application of the Public Procurement Act when spending public funds. Such exhaustive control is carried out every four years. As a result of the audit, no irregularities were found in the tender procedures conducted for the award of a public contract. Similar conclusions were drawn in the first quarter of 2014 by the Supreme Chamber of Control of CI which carried out an external audit in the Starosty «Implementation of the state budget in 2013». The control was rated positively.

Summary instead of conclusions. The analysis of the documents of the selected territorial self-government allowed for a positive assessment of the transparency of spending public funds. In this sense, the aim adopted at the outset has been reached.

The Powiat Starosty in Lębork, wishing to transparently select contractors for services, supplies and construction works, introduced a number of internal regulations. Thanks to them, spending public funds is preceded by market research, which allows better assessment of the potential contractor. It is also confirmed that the adoption of transparent rules at every stage of management, allows for cost-effective, purposeful and rational and efficient use of public funds – domestic and EU.

References

1. Directive of the European Parliament and the Council of Europe of April 30, 2004 on the coordination of public procurement procedures for works, supplies and services. OJ L 134/114, as amended.
2. Gawrońska-Baran A., Hryc–Łąd A., Skóra M. (2014) Ustawa Prawo zamówień publicznych z komentarzem do zmian obowiązujących od 19 października 2014 r. Public Procurement Law with a commentary on amendments effective from October 19, 2014. Wiedza i Praktyka. Warsaw.
3. Granecki P. (2014) Prawo zamówień publicznych Komentarz, C. H. Beck. Warsaw.
4. <http://www.portalzp.pl/aktualności/ustawa-zp-potrzebuje-ciaglych>.
5. Jędrzejewski R., Niczyporuk J., Nowicki H., et al. (2013) System zamówień publicznych w Polsce, Urząd Zamówień Publicznych. Warsaw.
6. Klimas M. (2000) Podręczna encyklopedia rachunkowości, Poltext. Warsaw.
7. Official Journal of the Minister of Finance of 2009. No. 15. Item 84.
8. OJ from 1998. No. 119. Item 773.
9. OJ from 2001. No. 128. Item 1403.
10. OJ of 18 September 2014. Item 1232.
11. OJ of 2014. Item 423.
12. Ordinance No. 2/2009 of the Head of the Organizational Department of 16 June 2009, regarding the establishment of internal regulations. Organizational Department.
13. Ordinance No. 2/2012 of the Starost of Lębork from January 25, 2012 regarding the approval of the Public Procurement Regulations at the Powiat Starosty in Lębork.
14. Resolution No. IV/31/11 of the District Council of Lębork of March 22, 2011, regarding the adoption of the organizational regulations of the Powiat Starosty in Lębork.
15. Szulakowska A. (2015) Planowanie zamówień publicznych i sporządzanie obowiązkowego rocznego sprawozdania, Prescom Sp. z o.o. Wrocław. P. 134.
16. The Act of 10 June 1994 on public procurement. Journal of Laws of 1994, item 3434, as amended, unified text. Journal of Laws of 2002, No. 72, item 664, as amended.
17. The Act of 23 April 1964. The Civil Code. Journal of Laws of 1964 No. 16, item 93, as amended)
18. The Act of 24 January 2004 on Public Procurement Law. Journal of Laws of 2004, No. 19, item 177.
19. The Act of 29 January 2004 Public Procurement Law art. 2 point 13. Journal of Laws from 2004, No. 19, item 177, as amended.
20. The Act of 5 June 1998 on powiat self-government. Journal of Laws of 1998, No. 91, item 678 and its subsequent amendments.
21. The Act of 8 March 1990 on local government. OJ of 1990, no. 16, item 95, as amended.
22. The Act on local government, unified text 2017. Journal of Laws of 2017, item 1875.
23. Winiarski D. (2005) Audyt zamówień publicznych, InfoAudit. Warsaw.

HOW THE LABOR MARKET OF THE EUROPEAN UNION AFFECTS HUMAN RESOURCES MANAGEMENT?

D. VUKOMANOVIC,

*Master studies Faculty of Law Novi Sad, University of Novi Sad,
E-mail: d.vukomanovic84@icloud.com*

D. VUKOMANOVIC,

*Ph. D. studies Faculty of Economy and Engineering Management,
Business Academy, University of Novi Sad,
E-mail: dragan.vukomanovic@gmail.com*

P. POCUC,

*Ph. D. studies Technical Faculty Mihajlo Pupin, University of Novi Sad,
E-mail: pocucp@yahoo.com*

Preface. Presently it is often possible to hear topics closely related with issues of about market functioning. Thus, we encounter topics such as employment, poverty, wages, education, gender, and work inequality. There are bitter debates going on in public about the mentioned topics on very complex EU labour market.

On the other hand, the human resources term represents people within organization. Managers are involved in activities related to human resources in order to facilitate cooperation among people and at the end released strategy and plans established by the organization.

In contemporary environment human resources management embodies and imperative of successful business, or outsourcing, selection and organization of the human potential and it is de-

manding for successful business of any organization. Similarly, human resources management signifies labour market functioning strategy.

The key question to provide an answer is: **How EU labour market affects human resources management?**

EU labour market characteristics. There are many definition of the labour market. According to Radić, the labour market represents a mechanism that arranges workers according to jobs and coordinates decision on employment in relation with demand and supply.

The relation of demand and supply on the labour market will be presented on the Fig. 1 which illustrates a balance on the labour market as certain aspiration in European Union in spite of the fact it is, on the other hand, hardly achievable.

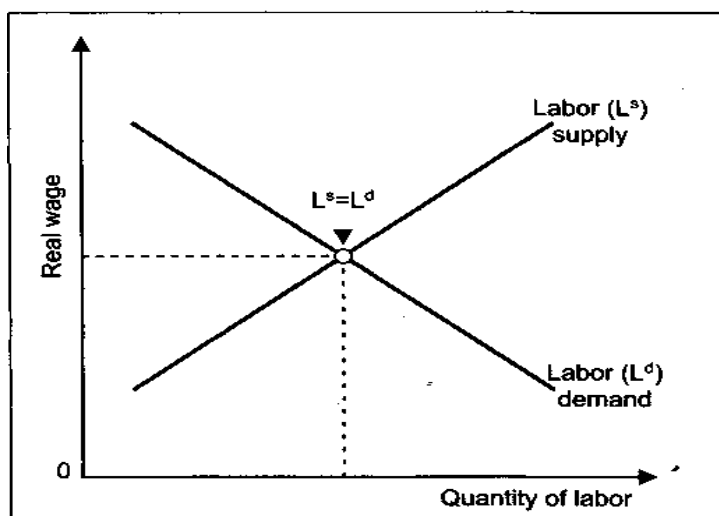


Fig. 1. Balanced labour market

The labour supply curve LS is with positive incline and illustrates the quantity of the labour offered by workers with present level of wages. On the other hand, the labour demand curve LD is with downsizing incline and illustrates the quantity of the labour the companies are ready to engage at present level of wages.

The labour market is one of three markets in European Union, including capital market and goods market. There is difference between these three markets and it is mirrored in that capital market and goods market hold own self-regulation mechanisms of supply and demand through price effects, or when the price change occurs then certain unbalance of supply and demand occurs and new balance results, which is not the case on a labour market as imperfect market and where in each moment exists certain level of unemployment.

This further provides the unemployment, or more precisely, unemployment as one of the most essential issues related with the labour market. According to Drakulić, employment and employing, as well as insufficient employment and unemployment, as their negative manifestations, are classified in the key considerations of macroeconomic theory and policy. Contemporary macroeconomic analysis, in its function of discovering possibilities of macroeconomic balance, continually dealt with considerations of economic growth and employment, on one hand, and stabilization of prices on the other, as well as with their interconnectedness. Insufficient labour employment and unemployment is the sign of insufficient exploitation of significant factor of production, with consequence of production lower than of the potential, or lower domestic product.

At the end of the preface part of this paper on the labour market, it is important to mention the participants meeting on it, and these are in the most of the cases work power and employers. Work power consists of the people who are employed or want to work. According to the approach of the European Union, work power consists of persons older than 15 years of age, women younger of 62 years and men younger of 65 years. This is present situation and according to different stories these limitations will be extended, and it is necessary to emphasize the certain differences between the member countries of European Union. On the other side stand employers that make demand for work power on the labour market. Due to larger number of employer on the side of demand, they often create mutual competition that is in the most of cases protective measure against the monopoly and gives it the character of free market. In addition to work power and employer on the labour

market, as subjects, there are unions representing organization of workers which in the name of workers negotiates with employers on working conditions.

Contemporary understanding of human resources management concept. Human resources management as a topic has been quite scarcely interpreted in the past. Experts in this field pay increasing attention to work power management issues in the sense of theory and practical aspects.

According to Đorđević, the aim of work power management is awareness of managers to achieve working effect or planned productivity. However, to learn that it is all just about productivity means to treat this issue quite narrowly. Here is to be involved equally the following elements: costs, terms of delivery, flexibility, trust, and other.

All this is due to human capital understanding as the soul of contemporary company. In reality, people generate capital for a company through their competencies, attitudes and intellectual agility. Prime source of intellectual capital – the knowledge, both implicit and explicit, must be linked with the will of an employee to put it in service and benefit of company aim achievements.

Distinctiveness of people and their importance is mirrored in the following:

- human resources on the contrary to other resources may put in function all wise, physical and other potentials they dispose at;
- human potentials well composed and engaged in the direction of team concept of work secures effect of synergy;
- work outcomes of individuals, groups, teams, and organization as whole, among the other, depend on behaviour and motivation on the side of employees and managers;
- only a man can shape a vision, design strategy, provide ideas, make creations, think new products, etc.;
- individual knowledge, abilities, quality, and scope represent genuine and unique potential of organization;
- human resources has long-term influence on business of organization;
- relation of organization toward human relations has multilevel effect – of economic, social and health nature;
- human resources has the ability of self-renewing and development, because they are not underestimated by usage and do not decrease but increase and settle, etc.;

The aim managing human resources is the management need to achieve designed productivity and high working effect including all necessary

elements such as costs, quality, trust, or flexibility. The most often understanding is that human resources proper management with no doubt leads to desired outcome.

Presently science and technology develop in accelerated pace and management may stay competitive only if have good team to cooperate with, or to manage it. Positive effects mirrors in the following:

- increased dynamics of changes in development,
- increase of investments and fixed assets per employee,
- volume of production in greater extent than differences in qualification, knowledge and attitude of workers,
- more diverse qualification requests mostly for average qualification structure of workers, etc.

It is clear that systematic considering of human resources management, in sense of theory and practice, tends to provide managers to complete their knowledge in this field and to improve their practical activities in the field of human resources management in organization they work within.

EU labour market influence to human resources management. Labour market in the European Union is very diverse and under strong pressure of global economy requesting adaptation in all segments of business. In reality certain problems have appeared on the labour market in the European Union related to several fields as such:

- Minimal wages policy and the level of it – majority of countries in the world has legal provisions on minimal wages level which is poor value due to making labour more expensive, and each product, including labour, is less demanding if the price is higher.

- Collective negotiating is legal obligation or not – in the majority of EU member states has collective negotiations as optional, while only in some countries it is mandatory.

- Employment and dismiss procedures – employment procedures in EU member states performs in common interest of an individual that gains a job and employer, while dismissing is the problem because it is not in mutual interest.

- Unemployment compensations – as unemployment compensations are higher and long-lasting unemployed individuals have no motivation to seek the job.

Listed fields are closely connected to human resources management and relates with subjects on the labour market that are linked with people. The accent is on the European Union perception of social policy including, first of all, limitations and fitting of the

market. Certainly there are strong arguments why the market is needed, its presence may be strongly defended but nobody may identify with it.

Roma Treaties have represented in the EU a negative form of integration due to existing limits and obstacles devastation in order to expand and become stronger in entire region; that system was understood as the way to increase wellbeing in Europe, and at the same time, to reduce possibility of conflict between certain countries, for such countries would now become economically related. Actually, in the background of the economic project of negative integration there had stood a positive idea. Thus, this project came across approval and maybe even initiated emotions in people in the region where the border lines for a long time have been a cause for clash, but it has not created a base for identity that would connect all Europeans.

Social issues and issues of human resources are included in the Europe 2020 Strategy and have represented strategies on new proposals that could increase chances for fulfillment of the aim regarding employment increase in the Union. At the end of June 2014 the European Council published a document titled Strategic Agenda for the Union in the Age of Changes, where was pointed that solution for employment increase in the Union lays in work power mobility increase in the European framework due to lack of certain experts profiles in some countries, and also due to incompliance of working places with education profiles.

Small mobility of labour has poor influence to economic growth, employment and professional skills of work power in European Union. At the level of Union significant efforts are involved in order to overcome mentioned obstacles including different measures with final goal increasing work power mobility and employment. For the purpose of this goal the European Employment Strategy was brought, as well as various national employment programs, and then action plans on professional qualification and mobility, and also establishment of the Internet portal about information on work power moving within the borders of European Union.

Conclusion. Mutual connectedness of labour market and human resources management in European Union mirrors through social policy of the Union toward all. The member states individually and collectively undertake measures to provide adequate mobility of work power. In order to provide competitive labour market it is necessary to increase work power mobility while experts of new member states may significantly contribute that aim. This means that European Union needs more

mobile work power that will create higher diversity, more jobs will increase employment and positive effect to economic and social motions.

Although European Union has no specific social model, it certainly has social identity. Each member state takes itself as a social state and maintains social rights even if executes it in some specific mode. Unity within this diversity does not consist in common model but in political culture that includes existence of social state common to all in spite of the fact that it is not everywhere represented at the same level.

Successful human resources management is one of the key factors of survival and development of each organization, both, at national and European levels. This could be the main source of work productivity. Objections of the human resources management are variable, dynamic, mutually connected, and outcome from results that aimed to be achieved from the level of individual level of working place to higher levels. Objections are in relation with each employee individually and organization as whole, and in their conceptualization should be involved not only managers but all em-

ployees because this will activate all available potentials for its achievement.

References

1. Đorđević B. (2003) Menadžment, Bona Fides, Niš.
2. Drakulić D. (2008) Makroekonomija i tehnološke promene, Printex, Subotica.
3. Josifidić K. (2008) Makroekonomija, Futura publikacije, Novi Sad.
4. Kronja J. (2015) Strategija Evropa 2020: četiri godine kasnije, Evropski pokret u Srbiji, Beograd.
5. Kulić Ž. (2005) Upravljanje ljudskim potencijalima, Radnička štampa, Beograd.
6. Majer T. (2009) Identitet Evrope – jedinstvena duša Evropske Unije? Službeni glasnik, Beograd.
7. Prokopijević M. (2009) Evropska Unija – uvod, Službeni glasnik, Beograd.
8. Radić J. (2007) Ekonomija rada i socijalna politika Evropske Unije, Ekonomski fakultet, Subotica.

УДК 366.63

КОБРЕНДИНГОВЫЙ БАНКОВСКИЙ ПРОДУКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ КЛИЕНТОВ К БРЕНДУ ОРГАНИЗАЦИИ

М. В. ФЕРАФОНТОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой экономико-управленческих дисциплин
филиала Российского государственного гуманитарного университета,
г. Домодедово, Российская Федерация
E-mail: kafeud@list.ru

К предложениям по нововведениям на парковках с помощью кобрендинговых карт может относиться введение сервиса бронирования парковочного места на сайте аэропорта по номеру кобрендинговой карты, предоставление услуги по разовой оплате парковки через сайт по кобрендинговой карте, возможность использования кобрендинговой карты как парковочного билета через приложение PayPass.

Привлечение клиентов возможно за счет внедрения системы скидок в данное нововведение. Например, предположим, можно установить скидку в 5% для тех клиентов, которые воспользовались онлайн бронированием. Предполагается, что «внедрение данной технологии с системой скидок на парковках аэропорта увеличит клиенто-поток, так как у клиентов появится возможность быть уверенным в наличии места-стоянки для его автомобиля и возможность предварительного выбора удобного для него тарифа, т.е. за счет скидок произойдет дифференциация тарифов». Сервис бронирования будет способствовать более равномерному распределению клиентов, а также привлечению дополнительных клиентов в ночные часы, что благоприятно скажется на репутации парковок в аэропорту.

Ключевые слова: парковка, банковский продукт, кобрендинговые карты, поток клиентов, тарифы, скидки, бронирование.

Одним из факторов повышения лояльности к бренду организации является выпуск кобрендинговых банковских продуктов. Кобрендинговый банковский продукт – это совместный продукт банка со сторонней компанией, сочетающий в себе функции банковской и дисконтной пластиковой карты [2]. Такие карты позволяют своим держателям получать определенные бонусы (скидки) при покупке товаров у компаний-партнеров банка. Для продвижения кобрендингового продукта на рынок используются оба бренда: бренд банка и бренд компании партнера.

Целью кобрендинга для банка и его партнеров является одновременное повышение лояльности клиентов и доходов данных компаний.

Банку выпуск совместных пластиковых карт помогает удержать старых и привлечь новых клиентов, повысить среднюю сумму чека при безналичных расчетах банковской картой, а его партнеру – увеличить объемы продаж, а также получать комиссионный доход от банка

в виде установленного в договоре процента от оборота по данной карте.

Кобрендинг действует следующим образом: клиент совершает покупки и осуществляет платежи по карте так же, как и прежде. Но при списании данных со счета происходит накопление бонусных баллов у клиента. К примеру, за каждые 30 руб., потраченных по карте, клиент получит 1 балл.

Собранные баллы можно обменять на скидки или бесплатные покупки у партнеров программы. Также у организаций партнеров за эти баллы можно совершать покупки.

Таким образом, необходимо произвести довольно много покупок для того, чтобы можно было получить реальную выгоду от данной кобрендинговой программы. Чем больше совершается покупок, тем больше накапливается бонусных баллов.

Банкам, как и партнерам, такие программы выгодны в первую очередь за счет расширения клиентской базы. Ведь для клиента такая карта значительно упрощает процесс накопления и

расхода баллов и тем самым повышает ее привлекательность.

Все кобрендинговые карты классифицируются по критерию мотивирующего подхода на карты с эмоциональным и рациональным подходом.

Эмоциональную группу мотивов составляют карты с участием в различной благотворительной деятельности, а также связанные с какими-либо увлечениями клиента (к примеру, футболом). При транзакции по такой карте некая доля средств перечисляется в благотворительные фонды или на развитие спорта в стране.

Кобрендинговые карты с рациональным мотивирующим подходом к клиенту отличаются конкретными материальными выгодами для их держателя [5].

Наиболее популярны в России кобрендинговые карты банка и различных авиаперевозчиков. Например, совместные карты с Аэрофлотом, S7 Airlines и другими авиакомпаниями можно найти у многих банков.

Например, «Аэрофлот» выпускает кобрендинговые карты с банком Открытие, Альфа-Банком, Ситибанком и СМП Банком, с ним также сотрудничают и многие магазины, гостиницы и сотовые операторы. Партнерами являются ЮниКредит Банк, Альфа-Банк, Тинькофф банк.

«Принцип всех программ одинаковый: за каждую потраченную по карте (установленную банком) сумму денежных средств начисляются бонусные мили. Мили также начисляются за каждый полет рейсом авиакомпании. Заработанные бонусы можно поменять на авиабилет или на повышение класса обслуживания» [1]. У каждой кобрендинговой карты установлены свои условия стоимости миль и порядка их начисления. Обычно бонусы начисляются за безналичные платежи по карте, а также за полеты рейсами авиакомпаний, входящих в кобрендинговый проект. У многих карт есть также приветственные мили и поздравительные мили на день рождения клиента.

В качестве одного из инструментов повышения узнаваемости бренда и лояльности потребителей к нему для аэропортов можно предложить внедрение совместного банковского продукта – кобрендинговую карту аэропорта Airport Club. Обладатели этой карты автоматически становятся участниками бонусной программы по накоплению специальных единиц учета — в данном случае они называются «AirportEuro». Их можно получить несколькими способами: в качестве вознаграждения за

обычные платежные транзакции и в качестве призового вознаграждения за участие в специальных акциях банка и аэропорта.

Каждый участник программы – банк, аэропорт и клиенты – имеют свои преимущества и недостатки от участия в программе. Рассмотрим каждую сторону более подробно.

Положительными факторами для банков-партнеров программы лояльности является увеличение объема средств по карте в расчете на одного клиента, что означает рост показателя оборота денежных средств по дебетовой карте клиента.

Банк в результате пользования клиентом данной карты получит дополнительные комиссионные доходы. Но главным образом банк имеет возможность использовать остатки денежных средств на счетах клиентов для предоставления их в кредит для размещения этих средств на рынке межбанковского кредитования.

Отрицательной стороной для банка являются возможные имиджевые потери в результате формирования негативного мнения держателя карты о программе лояльности «Airport Club». На столь конкурентном рынке, каким является рынок банковских услуг, именно удовлетворенность клиента качеством предоставляемого сервиса является определяющим фактором при выборе банка для получения карты и прочих дополнительных услуг.

Также отрицательной стороной для банка будут являться расходы банка при реализации кобрендингового проекта, а именно расходы на рекламную кампанию, на создание и сопровождение CRM системы, выкуп AirportEuro при их обналличивании, а также перечисление процента от оборота по карте.

Для аэропорта участие в программе лояльности позволяет повысить доход предприятия за счет увеличения количества клиентов VIP и Бизнес-залов, за счет повышения частоты посещения клиентами VIP и Бизнес-залов, а также за счет получения дохода от банка в размере установленного процента от оборота по карте.

Вместе с тем аэропорт будет иметь следующие преимущества от внедрения программы:

- повысит число постоянных клиентов, лояльных к бренду организации;
- привлечет новых клиентов — покупатели рассказывают о компании друзьям и знакомым, которые приходят в VIP и бизнес-залы аэропорта именно за счет бонусных карт;
- сможет изучить клиентов — при выдаче бонусных карт клиенты будут заполнять анкеты, благодаря которым можно узнать «своего

клиента»; на основе имеющейся информации координировать работу компании: ассортиментную политику, методы привлечения и проч.

Необходимо отметить, что в условиях жесткой конкуренции между банками и борьбы за клиента программы лояльности перестают быть лишь дополнительным бонусом для держателя карты. Все крупнейшие игроки рынка, в том числе и в Москве, уже успешно внедрили свои программы лояльности.

Более того, клиенты при выборе карты или банка в современных условиях все больше смотрят на наличие и условия программы лояльности. Таким образом, для роста объемов продаж карт в банках-партнерах необходимо информировать клиентов о преимуществах программы лояльности банка.

Еще одним маркетинговым инструментом для повышения узнаваемости бренда в аэропорту могло бы стать расширение дисконтной программы организаций-партнеров. В перспективе предполагается присоединение к программе: магазинов и ресторанов, находящихся на территории аэропорта, услуг перевозчиков транспорта (ООО «Аэроэкспресс», ООО «Гет-Такси Рус»), услуг парковки и т.п.

К возможным предложениям по нововведениям на парковках с помощью кобрендинговых карт может относиться введение сервиса бронирования парковочного места на сайте аэропорта по номеру кобрендинговой карты, предоставление услуги по разовой оплате парковки через сайт по кобрендинговой карте, возможность использования кобрендинговой карты как парковочного билета через приложение PayPass.

Привлечение клиентов возможно за счет внедрения системы скидок в данное нововведение. Например, предположим, можно установить скидку в 5% для тех клиентов, которые воспользовались онлайн бронированием. Предполагается, что «внедрение данной технологии с системой скидок на парковках аэропорта уве-

личит клиенто-поток, так как у клиентов появится возможность быть уверенным в наличии места-стоянки для его автомобиля и возможность предварительного выбора удобного для него тарифа, т.е. за счет скидок произойдет дифференциация тарифов» [4].

Сервис бронирования будет способствовать более равномерному распределению клиентов, а также привлечению дополнительных клиентов в ночные часы, что благоприятно скажется на репутации парковок в аэропорту.

Экономический эффект мероприятий, связанных с использованием на парковках кобрендинговых карт может состоять также и в увеличении количества клиентов. Для клиентов преимущества использования кобрендинговых карт будут заключаться в выигрыше за счет экономии времени и дополнительных затрат, что приведет к повышению их лояльности к бренду организации.

Список литературы

1. Авиакобренд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.banki.ru/wikibank/aviakobrend/>.
2. Железнякова М. С., Анипченко А. А. Кобрендинг как инструмент формирования репутационного капитала компании и повышения уровня лояльности клиентов // Экономика и управление: проблемы и решения. 2016. № 11. С. 102–106.
3. Карпова С. В. Современный брендинг. М.: Палеотип, 2011.
4. Ферафонтова М. В. Внедрение IT-решений как фактор усовершенствования тарифной политики предприятия, оказывающего услуги паркинга // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. 2015. № 2 (16). С. 197–200.
5. Франчук И. Ко-брендинг. М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.prclub.com/2010_06/prlib/8.doc.

УДК 336.6

СИСТЕМА ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ НА РЫНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

М. М. АХМЕДОВ,

доцент, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), Баку, Азербайджанская Республика

Для повышения заинтересованности региональных и местных властей в решении жилищной проблемы предлагается модель системы ипотечного жилищного кредитования с субсидированием граждан с низкими доходами, в основе которой лежит финансирование строительства и создание вторичного рынка ипотечных кредитов за счет привлечения средств государственного и региональных бюджетов. При этом выделение средств из бюджета осуществляется путем представления субвенций на целевое строительство жилья с использованием ипотечного кредитования.

Особенностью ипотечных жилищных кредитов в рамках предлагаемой модели является то, что местные власти сами определяют размер кредита, проценты и срок погашения в зависимости от внутренних (территориальных) условий и доходов населения в соответствии с принимаемыми программами ипотечного кредитования. Возврат денежных средств по ипотечным кредитам должен оставаться в бюджете муниципалитета, что будет являться одним из источников его дохода и использоваться на дальнейшее предоставление населению ипотечных кредитов.

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, субсидированием граждан, финансирование строительства, рынок ипотечных кредитов, региональный бюджет, субвенции, целевое строительство.

Основным элементом системы ИЖК с экономической точки зрения является финансовый механизм, который определяет всю совокупность финансовых отношений при работе системы ИЖК. Как правило, финансовый механизм базируется на правовом и организационно-экономическом механизмах. Основными взаимодействующими и взаимобусловленными элементами системы ипотечного жилищного кредитования являются: социально экономическая необходимость и государственная значимость ипотечного жилищного кредитования; субъекты ИЖК; объекты ИЖК; обеспечение ИЖК: финансовое, нормативно-правовое, кадровое, информационное, технологическое, техническое, программное; финансовый механизм ИЖК; система отношений, результатом которых является ипотечное жилищное кредитование [4, с. 1012].

Таким образом, система ИЖК – это совокупность взаимодействующих субъектов, объектов ипотечного жилищного кредитования и их обеспечения с учетом принципа целостности через определенные финансово-экономические отношения, базовой основой которой служит финансо-

вый механизм. Результатом данного взаимодействия в соответствии с государственными приоритетами является решение жилищного вопроса.

Важным элементом финансового механизма системы ипотечного жилищного кредитования является обеспечение кредита. Ипотека является разновидностью имущественного залога, служащего обеспечением исполнения денежного обязательства с целью получения ипотечного кредита. Обеспечение кредита больше относится к финансовым методам [5].

Итак, финансовый механизм системы ипотечного жилищного кредитования можно охарактеризовать следующим определением: это директивно-регулируемое взаимодействие элементов рынка ипотечного жилищного кредитования, обеспечивающее эффективное формирование и использование финансовых ресурсов через совокупность финансово-экономических методов, инструментов, рычагов и стимулов с учетом нормативно-правового и информационного обеспечения.

Согласно проведенному в ретроспективному анализу развития финансового механизма системы ИЖК выявлено, что исторически сложи-

лись три основные модели финансового механизма системы ИЖК: одноуровневая автономная, одно-уровневая (немецкая), двухуровневая (американская). Основное их отличие заключается в особенностях механизма рефинансирования, который и составляет фундамент любого современного финансового механизма системы ИЖК [2]. Первый вид модели на определенном историческом этапе потерял свою актуальность, потому что в данном случае кредитная организация не участвует активно в финансово-кредитной системе страны.

Анализ показывает, что современная Азербайджанская система ИЖК включает элементы как немецкой модели финансового механизма, так и американской. Однако концепция развития финансового механизма системы ИЖК в Азербайджане большей частью ориентирована именно на американский опыт в силу динамичности и активности развития двухуровневой модели для финансовой системы страны. За несколько лет достигнуты большие результаты в развитии системы ИЖК, однако гиперактивность на данном рынке имеет большой недостаток – неравномерность распределения инвестиционного потенциала страны между центром и регионами. Данную проблему необходимо решать путем совершенствования финансового механизма системы ИЖК [1].

Плохое состояние основной доли жилищного фонда в Азербайджанской Республике объясняется, по крайней мере, двумя причинами.

Во-первых, с момента начала приватизации соответствующие государственные органы перестали отвечать за содержание и ремонт многоквартирных домов, что значительно снижает срок их полезного использования. Кроме того, действующие жилищно-эксплуатационные конторы, являясь государственными структурами, располагают достаточно ограниченными финансовыми ресурсами, не имеют возможности надлежащим образом обслуживать и проводить капитальный ремонт жилья.

Во-вторых, у значительной части населения уровень получаемых доходов недостаточен для оплаты ремонта или содержания собственного жилья. Тем не менее при наблюдаемом на сегодняшний день активном росте строительства нового жилья зарождаются и институты коллективного финансирования содержания и капитального ремонта жилых сооружений. Согласно действующему жилищному законодательству собственники квартир могут создавать организации по обслуживанию и ремонту

жилья либо заключать договоры и государственными жилищно-эксплуатационными конторами или частными фирмами, специализирующимися на предоставлении данных услуг. На сегодняшний день существует очень ограниченная практика по созданию собственниками жилья организаций по обслуживанию и ремонту жилья в рамках жилищно-строительных кооперативов. Кроме того, отсутствует какая-либо информация о применении новых инструментов финансирования содержания и ремонта жилых домов такими организациями.

На основании данного исследования предложенные нами рекомендации по формированию устойчивого национального рынка ипотечного жилищного кредитования сгруппированы по следующим трем основным направлениям:

1) совершенствование правовой среды для формирования системы жилищного финансирования:

- разработка и утверждение пакета законодательных актов, необходимых для развития системы жилищного финансирования,

- устранение правовых барьеров для одновременной регистрации передачи прав собственности на недвижимое имущество и регистрации ипотеки на данное недвижимое имущество,

- введение концепции ипотеки «в силу закона» для жилья, приобретенного за счет ипотечного кредита,

- анализ требований обязательного нотариального удостоверения договоров ипотеки с акцентом на устранение дублирующих процедур,

- пересмотр законодательства о нотариате касательно депозитных счетов нотариуса на предмет предоставления кредиторам права блокировать использование заимствованных средств по договорам купли-продажи до регистрации ипотеки,

- изменение Закона «О государственном реестре недвижимого имущества» в целях сокращения срока регистрации прав собственности на недвижимое имущество,

- пересмотр соответствующих положений Закона «О государственном реестре недвижимого имущества» с целью введения обязательной регистрации объектов незавершенного строительства,

- пересмотр соответствующих положений Закона «Об ипотеке», касающихся дополнительной регистрации ипотеки,

- отмена обязательного требования о нотариальном удостоверении договоров ипотеки

и передача соответствующих функций нотариуса регистрирующему органу,

– устранение несоответствий между Гражданским кодексом и Законом «О государственном реестре недвижимого имущества» в части, касающейся процедуры регистрации прав на недвижимое имущество,

– приведение положений Гражданского кодекса, касающихся ипотеки, в соответствие с Законом «Об ипотеке»,

– устранение несоответствий между Гражданским кодексом и Законом «Об ипотеке» в части, касающейся выпуска ипотечных закладных,

– принятие законодательства, регулирующего ведение счетов специального режима,

– принятие специального законодательства по секьюритизации и ипотечным ценным бумагам;

2) создание условий для становления основных участников ипотечного рынка и дальнейшего развития их институционального потенциала:

– создание эффективной модели организации ипотечного бизнеса в банковском секторе,

– совершенствование института независимой оценки стоимости предмета ипотеки,

– усиление связи между сектором страхования и ипотечным жилищным страхованием,

– повышение потенциала Азербайджанского ипотечного фонда (АИФ);

3) совершенствование государственной жилищной политики:

– разработка комплексной государственной программы по формированию и развитию национальной системы жилищного финансирования,

– практическая реализация плана подготовки и принятия пакета законопроектов, необходимых для формирования системы жилищного финансирования в стране,

– разработка механизмов оказания государственной поддержки социально незащищенным слоям населения, улучшение их жилищных условий,

– анализ возможности создания стимулирующего режима налогообложения для развития ипотечного жилищного кредитования,

– реформирование сектора жилищного строительства для создания условий увеличения предложения качественного жилья,

– повышение уровня осведомленности населения об ипотечном жилищном кредитовании путем внедрения программ по популяризации ипотеки.

Запоминающимся событием как для банковского сектора, так и для населения, которое испытывает потребность в улучшении жилищных условий, стало возобновление в 2009–2010 гг. ипотечного кредитования. С учетом ситуации на строительном рынке страны с 01.06.2009 было возобновлено финансирование по линии АИФ. Посредством ипотечного кредитования стало возможно оживление рынка недвижимости, на котором наблюдалось 15%-е снижение цен в течение первой половины 2009 г. В результате возобновления ипотечного кредитования со второй половины 2009 г. на рынке недвижимости было предотвращено падение цен. В условиях недостаточного развития фондового рынка в стране значительная часть средств как инвесторов, так и населения инвестируется на рынок недвижимости. Соответственно, с возобновлением ипотечного кредитования была предотвращена потеря их доходов на рынке. В 2014 г. АИФ направил 97,1 млн манатов на жилищное финансирование, а за весь период своей деятельности с 2006 по 2014 гг. 631 млн манатов, что позволило профинансировать около 10 000 ипотечных кредитов [3].

Один из вариантов организации эффективно действующей системы ипотечного жилищного кредитования и обеспечения ликвидности банков, выдающих ипотечные кредиты, основан на «оптовых» источниках, формирующихся за счет вторичного рынка ипотечных кредитов. На первичном рынке кредиторы (коммерческие банки) выдают населению ипотечные кредиты. Для обеспечения быстрой возвратности кредитных ресурсов и решения тем самым проблемы собственной ликвидности кредиторы продают выданные ими ипотечные кредиты на вторичном рынке – специально для этой цели созданному АИФ ипотечного жилищного кредитования или иному оператору вторичного рынка.

Таким образом, целостная система ипотечного жилищного кредитования должна включать в себя как первичный, так и вторичный рынок таких кредитов, обеспечивающий рефинансирование банков, выдающих ипотечные кредиты.

Возможны следующие модели привлечения банками, выдающими ипотечные кредиты, долгосрочных кредитных ресурсов.

Модель 1. Выпуск банками ипотечных облигаций, обеспеченных закладными, и их реализация на финансовом рынке.

Модель 2. Организация рефинансирования банков на вторичном рынке ипотечных кредитов через операторов этого рынка.

Модель 3. Рефинансирование банков через механизм выпуска ипотечных облигаций под залог закладных (ипотечных кредитов).

Модель 4. Заключение банком с юридическими и (или) физическими лицами кредитных договоров под залог жилья с оформлением соответствующих закладных.

Ставя задачу целостной рыночной системы ипотечного жилищного кредитования, ориентированной в первую очередь на использование эффективных стандартных финансовых механизмов, необходимо применять схемы жилищного финансирования, направленные на использование местных ресурсов и учитывающие специфику отдельных регионов. В условиях формирования системы ипотечного жилищного кредитования такие схемы способны частично решить жилищную проблему определенной части населения, хотя в силу ограниченности местных ресурсов, ориентации на местные региональные особенности масштабы их реализации ограничена.

Решение жилищной проблемы в Азербайджане должно осуществляться за счет трех разных, но взаимосвязанных систем финансирования жилья:

системы ипотечного жилищного кредитования, основанной на рыночных принципах финансирования;

системы общереспубликанских, региональных и муниципальных программ субсидирования приобретения жилья семьями со средними и низкими доходами;

системы социального жилья для малоимущих, включая детские дома, общежития, дома престарелых, дома низкой комфортности и т.п.

Модели ипотечного жилищного кредитования с субсидированием семей со средними и низкими доходами имеют социальную направленность, где основными целями являются улучшение жилищных условий граждан и увеличение объемов жилищного строительства в муниципальных образованиях.

Модели с субсидированием семей со средними и низкими доходами нами предлагается разделить на несколько видов в зависимости от источников:

1) предоставление ипотечных кредитов без рефинансирования. При этом субсидирование выражается в виде снижения процентной ставки по кредиту и (или) субсидирования первоначального взноса;

2) рефинансирование ипотечных кредитов за счет средств федерального, региональ-

ного или местных бюджетов. При этом субсидирование выражается в виде процентной ставки по кредиту и (или) субсидирования первоначального взноса;

3) применение рыночной системы ипотечного жилищного кредитования с полным или частичным государственным страхованием ипотечных кредитов.

Ипотечное жилищное кредитование в условиях переходного периода экономики Азербайджана необходимо ориентировать в первую очередь на те категории населения, которые нуждаются в небольшом ипотечном кредите. Это позволит при ограниченных ресурсах обеспечить кредитами максимальное количество заемщиков. Доля населения, нуждающегося в небольших ипотечных кредитах, составляет около половины желающих улучшить свои жилищные условия. Условия ипотечного кредитования должны выражаться в манатах, выдаваться сроком на 20 лет, иметь низкую процентную ставку (5–7% годовых).

Как показывает зарубежный опыт, такие условия даже при весьма малой доле кредита (10–20%) становятся сильным стимулом для принятия населением решения о покупке жилья, обеспечивая мобилизацию собственных средств.

Для повышения заинтересованности региональных и местных властей в решении жилищной проблемы нами предлагается модель системы ипотечного жилищного кредитования с субсидированием граждан с низкими доходами, в основе которой лежит финансирование строительства и создание вторичного рынка ипотечных кредитов за счет привлечения средств государственного и региональных бюджетов. При этом выделение средств из бюджета осуществляется путем представления субвенций на целевое строительство жилья с использованием ипотечного кредитования.

Особенностью ипотечных жилищных кредитов в рамках предлагаемой модели является то, что местные власти сами определяют размер кредита, проценты и срок погашения в зависимости от внутренних (территориальных) условий и доходов населения в соответствии с принимаемыми программами ипотечного кредитования. Возврат денежных средств по ипотечным кредитам должен оставаться в бюджете муниципалитета, что будет являться одним из источников его дохода и использоваться на дальнейшее предоставление населению ипотечных кредитов.

Список литературы

1. *Алиева А. А.* Проблемы развития ипотечной кредитной системы в Азербайджанской Республике и пути совершенствования в контексте мирового опыта: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Гянджа, 2013.
2. Основы ипотечного кредитования / под ред. Н. Б. Косарева. М.: Инфра-М, 2007.
3. Сайт Центрального Банка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbar.az>.
4. *Шакаралиев А. Ш., Асаул А. Н., Денисова И. В.* и др. Экономика недвижимости. Баку: İqtisad Universiteti, 2004.
5. *Щербакова Н. А.* Экономика недвижимости: учебное пособие. Ростов-н/Д.: Феникс, 2002.

ИСЛАМСКАЯ БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

З. Ф. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и финансовые институты», заведующий отделом науки, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), Баку, Азербайджанская Республика

Исламский банкинг в странах СНГ не получил большого развития, что связано как с исторически сложившимися предпочтениями экономических агентов, так и с невысокой степенью информированности клиентов, банкиров и органов государственной власти об исламской финансовой системе. Одной из причин, препятствующей развитию исламских банков в СНГ, является несоответствие принципов исламского банкинга национальному законодательству. В то же время многие страны СНГ являются членами Исламского банка развития: Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Необходимо создание соответствующей законодательной базы и подготовка кадров, формирование системы образования в этой сфере.

Ключевые слова: исламский банкинг, экономические агенты, информированности, национальное законодательство, подготовка кадров.

Введение. Развитие отрасли исламских финансов является одним из направлений развития банковской системы в целом, так как способствует появлению новых финансовых инструментов, увеличению конкуренции и, как следствие, более эффективному распределению капитала в экономике. Поэтому неудивительно, что за последние 10 лет в той или иной степени эта отрасль развивалась во многих странах. На сегодняшний день в мире насчитывается более 480 исламских финансовых учреждений в 58 странах, причем они расположены не только в мусульманских государствах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Согласно законодательству Пакистана, Судана и Ирана деятельность конвенционных банков запрещена. Сегодня 40% исламских банковских активов приходится на исламские банки Ирана, 16% – Королевства Саудовская Аравия, 8% – Малайзии, 5% – Объединенных Арабских Эмиратов и 2% – Турции [2].

В настоящее время либерализация рынка исламских финансов в различной степени (начиная от внедрения исламских индексов ценных бумаг и заканчивая поправками в законодательство и изданием соответствующих законодательных актов по регулированию этой отрасли) произошла в США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Австралии и других странах. С

точки зрения развития альтернативных финансовых систем ведущей страной на постсоветском пространстве является Казахстан.

Особенности исламского и традиционного банкинга. Само понятие «исламский банк» означает приоритет исламских этических норм в создании такой кредитной организации и во внутрибанковских процессах. Фундаментальное отличие исламского банка от неисламского состоит в полном отказе от банковских процентов, которые приравнены к ростовщичество. Классический банкинг зачастую оторван от реальных бизнес-процессов заемщика и уходит в торговлю абстрактными рисками, превращаясь в оторванную от реальной экономики рулетку. Исламский банкинг в целом более ориентирован на сотрудничество с конкретными проектами, участие в прибыли, партнерстве. Помимо этого, не допускается инвестирование в социально вредные бизнес проекты — производство алкоголя, оружия, детского труда, порнографии и т.п. Согласно Шариату запрещено преднамеренно рисковать капиталом, принимать участие в азартных играх, заниматься ростовщичеством и спекуляцией, что отличают исламский банкинг от традиционного.

Генезис исламского банкинга. История развития исламских финансов представлена главным образом становлением исламских

банков¹. Первые попытки создания исламских банков были предприняты в середине 1940-х гг. в Малайзии и в конце 1950-х гг. в Пакистане, однако первым банком, функционирующим на основе законов шариата, стал основанный в 1963 г. в Египте банк *Mit Ghamr Savings Bank*, впоследствии переименованный в *Nasser Social Bank* [1].

Египетская инициатива стала постепенно внедряться в экономику других мусульманских стран, которые увидели в ней возможность подчеркнуть свою идентичность. На первых порах они носили характер разрозненных образований, но к середине 1970-х гг. начали консолидироваться в довольно крупные институты, которые к настоящему времени сложились в целую индустрию со своими правилами, продуктами и рестрикциями. Кульминацией про-

цесса было создание тогда же Дубайского исламского банка и Исламского банка развития в Джиdde по решению Организации «Исламская конференция» (*Organisation de la conference islamique*; создана в 1970 г.) [3, с. 86]. В 1975 г. на ее заседании было принято решение о создании Исламского банка развития (*Banque islamique de developement — BID*) по аналогии с Всемирным банком. Исламский банк развития положил начало официальному развитию исламского банкинга.

В 2015 г. в мире насчитывалось 363 исламских кредитных учреждения, из которых приблизительно 69% были полностью исламскими «автономными» банками, в то время как остальные 31% – традиционными банками, предлагающими исламские услуги через «исламские окна» (табл. 1).

Таблица 1

Объемы активов исламских банков, млрд долл. США [5]

Страны	2015
Саудовская Аравия	446
Иран	434
Малайзия	414
ОАЭ	187
Катар	101
Кувейт	100
Бахрейн	81
Турция	51
Индонезия	47

В международной экономике действует 21 исламский банк с капиталом свыше 1 млрд долл. США и по меньшей мере один исламский банк с капиталом свыше 10 млрд долл. США. В настоящее время капитал 21 исламского банка

составляет не менее 1 млрд долл. США по сравнению с 19 такими банками в 2012 г. Из указанного 21 банка 19 находятся в Катаре, Индонезии, Саудовской Аравии, Малайзии, ОАЭ и в Турции (табл. 2).

Таблица 2

Доля исламских финансов в совокупной доле активов банковской системы страны, % [4]

Страны	%
Саудовская Аравия	43
ОАЭ	15
Малайзия	22
Катар	9

¹ Исламский банкинг – это самостоятельный финансовый институт, удовлетворяющий запросам клиентов и обеспечивающий рост доходов акционеров, при этом отвечающий на такие запреты Шариата, как: Запрет рыбы (от араб. – ростовщичество, прирост, приращение) – означает запрет любого ссудного процента; Запрет гарара (от араб. – риск, опасность) – означает запрет на спекулятивные действия и излишнюю неопределенность, что наблюдается у таких финансовых инструментов, как традиционное страхование, фьючерсы, форварды и свопы; Запрет майсира (от араб. – азартные игры), т.е. дохода, образовавшегося в результате некой случайности; Харам (от араб. – грех), к которому относятся финансовые операции, связанные с запрещенными по Шариату деяниями, например, торговля оружием, алкоголем, табаком, коррупция, деньги под проценты и др.

Турция	5
Индонезия	4

Итак, отрасль исламских финансов – одна из самых быстрорастущих в мире: за последние 10 лет годовым темпом роста активов составил 15–20%. В силу своей молодости этот сектор остается относительно небольшим. По оценкам мировых консалтинговых компаний, объем исламских финансовых активов в 2016 г. составил около 2 трлн долл.²

В наши дни исламский финансовый сектор стремительно растет, его средние темпы роста оцениваются в 10–15% в год. По прогнозам, к 2020 г. вся исламская финансовая индустрия должна оцениваться в 3,4 трлн долл. [3, с. 86].

Исламский банк развития как главная финансовая организация исламского мира. В настоящее время участниками ИБР являются 56 государств. Группа ИБР³ вовлечена в широкий спектр деятельности: проектное финансирование (на принципах государственно-частного партнерства); содействие снижению уровня бедности в странах – членах; развитие торгово-экономического сотрудничества стран – членов; поддержка малого и среднего предпринимательства (в том числе услуги микрофинансирования); мобилизация ресурсов стран – членов; участие в капитале исламских финансовых институтов; страхование и перестрахование инвестиций и экспортного кредитования; организация исследований и образовательных программ для трудоспособного населения стран – членов; оказание помощи странам-членам в чрезвычайных ситуациях; другие аспекты деятельности.

ИБР вышел в своей деятельности далеко за рамки этих государств. Можно перечислить целый ряд факторов привлекательности финансовой модели, которой он придерживается. Это те преимущества инвестиционных решений, которых нет в привычной для западного мира финансовой системе. Исламским банкам запрещено иметь дело с наиболее рискованными

группами инструментов, в результате они оказываются защищенными от фондовых «мыльных пузырей»⁴. Стоит отметить и определенную этичность инвестиций: средства не могут быть вложены в такие отрасли, как азартные игры, производство табака, оружия, алкоголя, свинины и др.

Привлекательными для банковских секторов выглядят средства нефтяных магнатов – представителей стран исламского мира. Чтобы привлечь эти средства, европейским банкам приходится открывать так называемые исламские окна.

Еще одним фактором является увеличение мусульманского населения в мире в целом⁵.

Стамбул как важный центр исламского банкинга. Особый интерес представляет опыт функционирования исламских финансовых учреждений в Турции. В настоящее время в Турции работает около 52 банков, из них пять являются исламскими банками: Albaraka Turk (работает с 1985 г.), Kuveyt Turk (с 1988 г.), Turkiye Finans (с 2005 г.), Ziraatkatilim (с 2015 г.) Vakifkatilim (с 2016 г.). Контрольный пакет акций Ziraatkatilim и Vakifkatilim принадлежат государству. В структуре владения других исламских банков на текущий момент более половины акций принадлежит иностранцам: Albaraka Türk – Бахрейн, Kuveyt Türk – Кувейт, Turkiye Finans – Саудовская Аравия. В 2015 г. Ziraat Bank открыл в Стамбуле первый филиал, который работает по принципам исламского банкинга. Президент Турции Р. Т. Эрдоган призвал и другие госбанки — Vakifbank и Halk Bank — последовать примеру Ziraat Bank. Он подчеркнул, что госбанки должны увеличить долю исламского банковского сектора в стране и превратить Стамбул в его важный центр в регионе и мире [2].

В 2016 г. на долю банков совместного участия приходилось 5% банковского сектора ТР,

² Для сравнения: суммарные активы 20 крупнейших банков мира в 2013 г. составили около 44 трлн долл.

³ В Группу Исламского банка развития входят следующие организации: Исламский банк развития (1975 г.); Исламский исследовательский и учебный институт (1981 г.); Исламская корпорация по страхованию инвестиций и экспортного кредитования (1994 г.); Исламская корпорация по развитию частного сектора (1999 г.); Международная исламская торгово-финансовую корпорация (2008 г.).

⁴ Примечательно то, что во время кризиса 2008–2009 гг. исламские банки практически не пострадали, что, как легко догадаться, привлекло к ним повышенное внимание со стороны инвесторов.

⁵ Согласно прогнозам Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life, до 2030 г. мусульманское население в мире увеличится примерно на 35%.

и общий объем финансовых средств, используемых по исламскому банкингу, составлял 133 млрд турецких лир.

Турция стремится к тому, чтобы к 2023 г. на исламский банкинг приходилось 15% рынка банковских услуг, что предполагает рост отрасли до 180 млрд долл. США⁶.

Развитие исламских финансовых институтов в странах СНГ. В целом исламский банкинг в странах СНГ не получил большого развития, что связано как с исторически сложившимися предпочтениями экономических агентов, так и с невысокой степенью информированности клиентов, банкиров и органов государственной власти об исламской финансовой системе. Одной из причин, препятствующей развитию исламских банков в СНГ, является несоответствие принципов исламского банкинга национальному законодательству. В то же время многие страны СНГ являются членами Исламского банка развития: Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

С 2005 г. Российская Федерация является независимым наблюдателем Организации исламского сотрудничества, что дополнительно способствует экономической интеграции мусульманских стран с Россией, а также налаживанию российскими инвесторами партнерских отношений в азиатском регионе.

Несмотря на явное повышение интереса к рассматриваемой проблеме, мы считаем, что вопрос внедрения исламского банкинга нужно тщательно и всесторонне изучить. Прежде всего необходимо решить два вопроса – создание соответствующей законодательной базы и подготовка кадров, формирование системы образования в этой сфере. Вторым моментом не менее важен, иначе может сложиться ненормальная ситуация, когда в исламском банкинге будут задействованы непрофессионалы, что недопустимо.

Список литературы

1. *Абед А. Ф.* Модель и концепция исламского банкинга // Экономика и управление. 2011. № 10 (72). С. 72-75.
2. *Мамедов З. Ф.* Модели исламского банкинга: новые тенденции и вызовы для страны СНГ // Экономика и управление: проблемы и решения. 2017. № 4. Т. 1. С. 125–133.
3. *Филоник А.* Исламские банки: задачи на ближайшее будущее // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 85–93.
4. Islamic Banking. Report 2015. P. 28.
5. Katilim Bankalari (TKBB) 2016. Report 2015. P. 36.

⁶ См.: Отчет о конкурентоспособности исламских банков в международной банковской системе 2014–2015 гг. Исламский банкинг Ernst&Young. World Islamic Banking Competitiveness Report, 2014–2015.

УДК 332.8

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Т. С. СУРВИЛО,

доктор экономических наук, профессор, факультет инженерной экономики и управления, кафедра строительного предпринимательства и экономики недвижимого имущества, Рижский технический университет, Рига, Латвия
E-mail: tatjana.survilov@rtu.lv

У. КАМОЛС,

доцент, факультет инженерной экономики и управления, кафедра строительного предпринимательства и экономики недвижимого имущества, Рижский технический университет, Рига, Латвия
E-mail: uldis.kamols@rtu.lv

Г. ГАЙЛИТЕ,

студентка, факультет инженерной экономики и управления, кафедра строительного предпринимательства и экономики недвижимого имущества, Рижский технический университет, Рига, Латвия

В Латвии отсутствует законодательная база, регулирующая взаимоотношения между собственником жилья и обслуживающими компаниями, позволяющая устранять всех других лиц от хозяйственного господства над принадлежащей ему собственностью. Фирмы, обслуживающие многоквартирные дома, не желают открывать затраты по обслуживанию зданий, и широкой публике эта информация практически не доступна. В случае концентрации больших объемов финансовых средств, как это имеет место с предприятием самоуправления, такая схема представляет определенную угрозу разной степени коррупции.

Ключевые слова: законодательная база, собственник жилья, обслуживающая компания, хозяйственное управление, собственность, затраты по обслуживанию.

Введение. В 18 ноября 2018 г. Латвия как независимое государство справляет свое 100-летие. Известные процессы конца XX в. увенчались повторным провозглашением Латвийской Республики 4 мая 1990 г. И эта дата трактуется не как создание новой, а как восстановление первой Республики.

Поэтому законодательная деятельность стала базироваться на законодательных актах первой Республики. Начиная с 1918 по 1940 г. принимаемые законы должны были соответствовать следующим государственным целям:

- 1) укреплению социальной справедливости;
- 2) укреплению национальной справедливости;
- 3) укреплению хозяйственной независимости;
- 4) сохранению жизнеспособности народа;

5) стимулированию образования, культуры, науки и духовности.

Сельское хозяйство – первая отрасль, подвергшаяся реформированию с широким преследованием этих целей: ликвидировали политическую и хозяйственную власть немецких (и других национальностей) помещиков над латышами-крестьянами. Аграрную реформу поддерживали почти все политические партии. Были приняты законы, пресекающие возможность приобретения земли для создания больших хозяйств или спекуляцию землей [7, с. 16].

В жилищном хозяйстве в годы первой Республики не была проведена реформа, соответствующая аграрной. Но, так как в 1920-е гг. в городах наблюдался кризис (дефицит) квартир, Саем (парламент) принял закон о сдаче в наем помещений, в котором была определена макси-

мально разрешенная арендная плата. Нормы закона об аренде в малых городах были в силе до 1936 г., в Риге же закон был в силе до вхождения Республики в состав Советского Союза [7, с. 14, 15, 17, 33].

Начало реформы собственности Латвийской Республики второго периода началось в 1988 г. с принятия решения Советом Министров «О необоснованной административной высылке граждан Латвийской ССР в 1949 году». Этот документ стал основой денационализации собственности и возврата земли и домовладений старым владельцам или их наследникам. В период с 1992 по 2002 г. было денационализировано 11 706 зданий, из них 10321 жилых зданий, или 3 636 500 кв. м [9].

С Законом «Об основных принципах конверсии государственной собственности» связан следующий этап реформы, которую необходимо было проводить по четырем направлениям: земельная реформа в городе и на селе; конверсия государственной собственности; приватизация предприятий сельского хозяйства; приватизация жилых зданий. И по состоянию на 2006 г. в Латвии было приватизировано 423 576 квартир [3].

Проблемы, возникшие во время реформы собственности. Реформы собственности, проводимые после восстановления независимой Латвии, породили тяжелые проблемы, которые вызвали широкую критику со стороны общества. Эту критику был вынужден признать и один из авторов нормативных актов Андрис Грутупс [5]. Две основные проблемы, связанные с реформой собственности, актуальны и в настоящий момент. Это, во-первых, столкновение, доходящее даже до физических схваток, между собственниками или наследниками денационализированной собственности и фактически проживающими жителями, использующими эту собственность на момент принятия законов; во-вторых, физически единый объект собственности, разделенный между множеством собственников.

Как известно, споры, связанные с денационализированной собственностью, которые не могут быть решены переговорным путем, рассматриваются в суде в течение долгого времени, что, в свою очередь, усложняет работу обслуживающим организациям. Но не все проблемы может решить суд. Одна из таких тяжелых проблем – это принудительная аренда земли для жителей многоквартирных жилых домов, выстроженных в советское время на ко-

гда-то частных землях. В этих случаях собственники денационализированной земли диктуют арендную плату.

Автор проекта закона по земельной реформе признал, что не нужно было возвращать собственность тем, кто покинул Латвию добровольно после 1970-х гг. и практически прервал все связи с Латвийской Республикой. Для них денационализированная собственность служит только источником прибыли [5, с. 54].

Еще один аспект дискуссии связан с условиями приватизации. Высказывается критика о том, что нужно было не раздавать собственность, а продавать [10, с. 108]. Однако бывший премьер-министр Иварс Годманис, при котором началась приватизация, заявил, что «Наша цель – это не заработать деньги, а создать собственника» [5, с. 8].

Модели управления многоквартирными жилыми зданиями. В результате реализации реформы жилищно-коммунального хозяйства в Латвии сформировались четыре модели, когда управляют жилыми многоквартирными домами с приватизированными квартирами:

- 1) предприятия самоуправления;
- 2) непосредственно собственник такого дома;
- 3) товарищество собственников квартир;
- 4) кооперативное общество собственников квартир.

Самое большое предприятие по обслуживанию многоквартирных жилых домов – это предприятие самоуправления города Риги (SIA Rīgas namu pārvaldnieks), которое в результате реформы объединило бывшие 15 муниципальных домоуправлений. Предприятие обслуживает 167 тыс. клиентов, проживающих в 4200 домах с более 8 млн кв. м [12].

Меньшее количество обслуживаемых жилых домов находится в компетенции частных предприятий, с которыми заключают договора товарищества собственников квартир. Наиболее известные – это SIA «Latvijas Namsaimnieks» и SIA «Latio Namsaimnieks». Первое предприятие обслуживает 300 объектов с более 363 тыс. кв. м [14], а второе – 600 объектов с более 363 тыс. кв. м [13].

Кооперативное общество собственников квартир по Закону «О кооперативных обществах» могут управлять одним или большим количеством зданий.

Четвертая модель, при которой собственники сами управляют своей собственностью, касается объектов с площадью менее 1500 кв. м.

Дальнейшее исследование авторы сконцентрировали на трех группах предприятий, характеризующих разные модели управления, и абстрагировались от модели, при которой собственники сами управляют своей собственностью. В данном исследовании нас по определению интересуют только предприятия-посредники, обслуживающие жилые здания с приватизированными квартирами.

Исследуя предприятия самоуправления (две частные фирмы и два кооператива), были отобраны и обработаны предоставленные собственниками счета за период с мая 2015 до апреля 2016 г. Были определены среднемесячные затраты по трем отдельным группам затрат в расчете на 1 кв. м.

Первая составная часть общих затрат – это плата за обслуживание собственности, которая в течение года являлась постоянной величиной во всех формах обслуживающих фирм. Если ранжировать этот показатель, то можно убедиться, что самое дорогое обслуживание предоставляет предприятие самоуправления [4, с. 72]:

SIA «Rīgas namu pārvaldnieks» – 0,48 евро;
SIA «Latvijas Namsaimnieks» – 0,44 евро;
DzīKS «Bāka2» – 0,42 евро;
SIA «Latio Namsaimnieks» – 0,40 евро;
DzīKS «Pavadonis» – 0,33 евро.

Если сравнить затраты собственников на коммунальные услуги, по отношению к которым обслуживающие фирмы выступают в качестве посредников (это поставка электроэнергии для помещений общего пользования, поставка теплоэнергии, услуги водоснабжения и канализации, техническое обслуживание различных систем, вывоз мусора и другие услуги), то так же убеждаемся, что самая дорогая услуга у предприятия самоуправления [4, с. 79]:

SIA «Rīgas namu pārvaldnieks» – 1,72 евро;
DzīKS «Pavadonis» – 1,26 евро;
SIA «Latvijas Namsaimnieks» – 1,16 евро;
DzīKS «Bāka 2» – 1,09 евро;
SIA «Latio Namsaimnieks» – 1,07 евро.

Суммарно эти два вида затрат у предприятия самоуправления выше, чем у предприятия с самым оптимальным (или экономным) соотношением этих затрат на 50%.

И последняя группа затрат – это ремонтные работы и реновация, идущие на поддержание нормального состояния или модернизацию жилья. В данном случае политику обслуживающих фирм можно понять, ранжируя данные затраты на 1 кв. м [4, с. 77]:

SIA «Latio Namsaimnieks» – 0,610 евро;
SIA «Latvijas Namsaimnieks» – 0,318 евро;
DzīKS «Bāka 2» – 0,290 евро;
DzīKS «Pavadonis» – 0,142 евро;
SIA «Rīgas namu pārvaldnieks» – 0,129 евро.

Две среднего масштаба частные фирмы активно вкладывают финансовые средства в модернизацию, очевидно, из-за доступности средств европейских финансовых фондов и с целью сдачи внаем свободного, выкупаемого и прочего жилья. Администрация предприятия самоуправления не активизирует свою деятельность в этом направлении при нежелании жителей-собственников проводить реновацию, за что постоянно критиковалась на уровне государственного управления.

Итак, все предприятия, обслуживающие жилые многоквартирные дома с приватизированными квартирами, из трех групп затрат, предъявляемых клиентам-собственникам к оплате, наибольший удельный вес составляют финансовые ресурсы, которые просто используют расчетный счет фирмы-посредника для последующего перечисления их на счет поставщика услуги. По данным настоящего исследования, эта группа затрат составляет от 51% (в SIA «Latio Namsaimnieks») до 74% (в SIA «Rīgas namu pārvaldnieks»).

С точки зрения этики бизнеса ситуация нормальная. Во-первых, фирма обслуживает чужую частную собственность и зарабатывает на этом по определенной ставке за эту услугу (схема 1). По маркетингу это прямой канал.

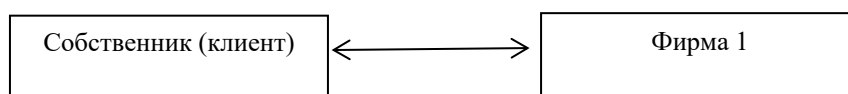


Схема 1

С другой стороны, эта же фирма обслуживает и другие фирмы, которые также обслуживают ту же самую чужую частную собствен-

ность. Между собой у них договор, который они могут, используя теорию маркетинга, аргументировать оптимизацией своих затрат (схема 2).



Схема 2

При такой схеме отношений клиент-собственник находится вне договорного поля и поэтому не имеет силу хозяйственного субъекта, влияющего на договорный процесс. Схема для собственника недвижимого имущества не прозрачна: «...фирмы, обслуживающие многоквартирные дома, не желают открывать затраты по обслуживанию зданий, и широкой публике эта информация практически не доступна» [11, с. 38]. А в случае концентрации больших объемов финансовых средств, как это имеет место с предприятием самоуправления, такая схема представляет определенную угрозу разной степени коррупции.

Возникает проблема: есть ли у собственника, заказывающего и оплачивающего услуги, право отказа от них при неудовлетворительном их качестве или других нарушениях договора? Или же, как в фактической ситуации, право собственника поправно сильными хозяйственными игроками, частично допускающими собственников на договорное поле только с фирмой дистрибьютором и фактически навязывая комплект услуг и их стоимость, лишая законного собственника права выбора.

Заключение. Еще 100 лет тому назад государственное законодательство пыталось преследовать принцип справедливости (на латинском языке это *justitia*, а *jus* это право). Право же собственности – это абсолютное право, а правомочия собственника определяются законом и **волей собственника, оформленной договором**. Источником же права собственности является система законодательных актов государства. К сожалению, в Латвии до сих пор «отсутствует четкая законодательная база, регулирующая взаимоотношения между собственником жилья и обслуживающими компаниями» [6, с. 23], позволяющая устранять всех других лиц от хозяйственного господства над принадлежащей ему собственностью.

Список литературы

1. Dzīvojamo māju pārvaldīšanas likums: LR likums [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.likumi.lv>.
2. Dzīvokļa īpašuma likums: LR likums [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.likumi.lv>.
3. Dzīvokļu privatizācija statistiskajos reģionos, republikas pilsētās un rajonos gada beigās [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.data.csb.gov.lv>.
4. Gailīte G. Valsts politikas ietekme uz nekustamā īpašuma pārvaldīšanas uzņēmuma attīstību, maģistra darbs, Rīga, RTU, 2016.
5. Grūtups A., Krastiņš E. Īpašuma reforma Latvijā. Rīga, Mans īpašums, 1995.
6. Kirsanov S., Safonov E., Kamola L., et al. Mājokļu kapitālais remonts reformas gaitā. Maskava «Elit», 2015.
7. Krastiņš O. Latvijas saimniecības vēsturiskā pieredze 1918-1940– Rīga, Latvijas valsts agrārās ekonomikas institūts, 2001.
8. Latvijas Republikas Satversme: LR likums [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.likumi.lv>.
9. Namīpašumu denacionalizācija [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.data.csb.gov.lv>.
10. Nekustamais īpašums Latvijā 1991–2012. Rīga, Latio, 2012.
11. Rupkus J., Zode L., Taube D., et al. Dzīvokļa īpašuma pārvaldīšana un apsaimniekošana. Rīga, Zvaigzne ABC.
12. SIA Latio Namsaimnieks [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.lationamsaimnieks.lv>.
13. SIA Latvijas Namsaimnieks [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.latvijasnamsaimnieks.lv>.
14. SIA Rīgas namu pārvaldnieks [Elektroniskais resurss]. URL: <http://www.rnparvaldnieks.lv>.

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ

Д. ТОДОРОВА,
доктор инж.-экон. наук, профессор,
Высшее транспортное училище имени Тодора Каблешкова,
София, Республика Болгария

П. КОЛЕВ,
доктор т.н. инж.-мат. наук, профессор,
Высшее транспортное училище имени Тодора Каблешкова,
София, Республика Болгария

Транспорт представляет собой основной приоритет в развитии страны и связан с решением проблем с дорожным трафиком, уменьшением числа заторов, обеспечением надежности, безопасности и экологичности перевозок. Основную возможность принятия решений, которые способствуют преодолению этих проблем, предоставляют ИТС. Все виды транспорта и прилегающей инфраструктуры дают возможность применения информационных и коммуникационных технологий в качестве элементов интеллектуальных систем, которые в значительной степени способствуют улучшению эффективности транспорта. Определение и формирование транспортных потоков, в том числе посредством логических схем, могут быть выполнены на 100% путем применения ИТС, которые направлены на оказание более эффективных транспортных услуг, а также на удовлетворение потребностей и желаний потребителей.

Ключевые слова: транспорт, безопасность перевозок, информационные и коммуникационные технологии, формирование транспортных потоков.

Введение. Устойчивое развитие транспорта непосредственно связано с разработкой и внедрением интеллектуальных транспортных систем (ИТС), так как они оказывают существенное влияние на улучшение

качества предоставляемых транспортных услуг, повышение безопасности перевозок, улучшение эффективности перевозочной деятельности и обеспечение непрерывности транспортного процесса в целом (рис. 1).

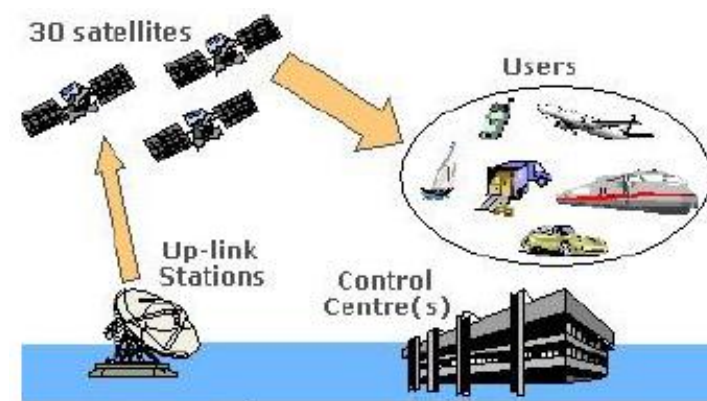


Рис. 1.

Внедрение ИТС в транспортный процесс приносит выгоды в разных направлениях. Эффект от этого является объектом рассмотрения в данной работе.

На оценку эффективности применения ИТС в транспортном процессе оказывает влияние проводимая инвестиционная политика.

Развитие транспортного сектора и особенно модернизация инфраструктуры – основной приоритет инвестиционной политики. Транспорт – это сектор, который нуждается в инвестиционной политике, поощряющей инвестиционную деятельность и улучшающей инвестиционные условия. Инвестиционные транспортные проекты оказывают прямое или косвенное влияние на общество в целом и на экономику страны.

Важнейшей предпосылкой для применения ИТС и их превращения в практическую инвестицию, способную привлечь финансирование, выступает необходимость доказать их экономические и социальные выгоды.

Чтобы оценить экономическую эффективность транспортных проектов, требуется провести оценку воздействия этих проектов и определить общественные выгоды от их выполнения.

Существенное значение для реализации проектов, связанных с внедрением ИТС, имеют результаты оценки выгоды для потребителей, безопасности и экономии затрачиваемого на поездки времени. Важнейший компонент этой оценки, подвергаемый анализу, – это выгода для потребителей, выражающаяся в уменьшении времени в пути вследствие улучшения поставляемых транспортных услуг. Учитываются расходы и время, затраченное потребителями на поездки.

Основные виды интеллектуальных транспортных систем. ИТС предоставляют ряд возможностей, используемых для интегрированного управления тарифами на перевозки городским транспортом, информационного обеспечения потребителей, прогнозирования и управления дорожным трафиком, взимания дорожных сборов и других.

Одним из существенных преимуществ ИТС является возможность идентификации основных автомобильных потоков (особенно в час пик), обеспечения измерения загрузки дороги движением, предоставления информации о загруженных участках дорог, где чаще всего образуются пробки и соответственно случаются дорожно-транспортные происшествия и др.

В городах применение находят следующие ИТС (рис. 2) [1]:

1) системы управления трафиком:

- для взимания дорожных сборов,
- для контроля доступа,
- для изучения, моделирования, симуляции и анализа движения (автомобильного и пешеходного),
- для организации движения – адаптивная система регулирования дорожного движения,
- табло с меняющейся информацией;

2) системы управления общественным транспортом:

- для управления подвижным составом,
- для обеспечения приоритетного проезда общественного транспорта на регулируемых светофорами перекрестках,
- для подачи информации пассажирам общественного транспорта внутри и вне транспортных средств о передвижении последних,
- для электронной оплаты проезда (специализированные устройства, мобильные телефоны),
- для анализа потребления услуг (подсчет пассажиров);

3) система управления парковкой:

- для подачи информации водителям о ближайших парковках и наличии свободных парковочных мест – табло с меняющейся информацией, интернет и мобильные приложения (Android),

- для оплаты парковки через SMS;

4) системы подачи информации потребителям транспортных услуг:

- табло с меняющейся информацией,
- интернет-порталы,
- приложения для мобильных телефонов;

5) системы управления при дорожно-транспортных происшествиях и в аварийных ситуациях:

- для обеспечения приоритетного проезда автомобилей специального назначения (полицейских, пожарных, скорой помощи),
- для набора номера 112,
- для повышения безопасности и управления ею;

6) системы контроля трафика и потребителей общественных услуг – установка видеокамер:

- на улицах и перекрестках,
- на остановках автобусов и на станциях метрополитена,
- на транспортных средствах;

7) системы автоматизации управления моторными транспортными средствами (МТС):

- для содействия водителю в управлении МТС,
- для связи и коммуникации с глобальными системными центрами посредством оборудования МТС соответствующими устройствами,
- для управления без участия водителя (автопилот);

8) системы мониторинга воздействия на окружающую среду:

- для мониторинга атмосферного воздуха,
- для мониторинга шума.

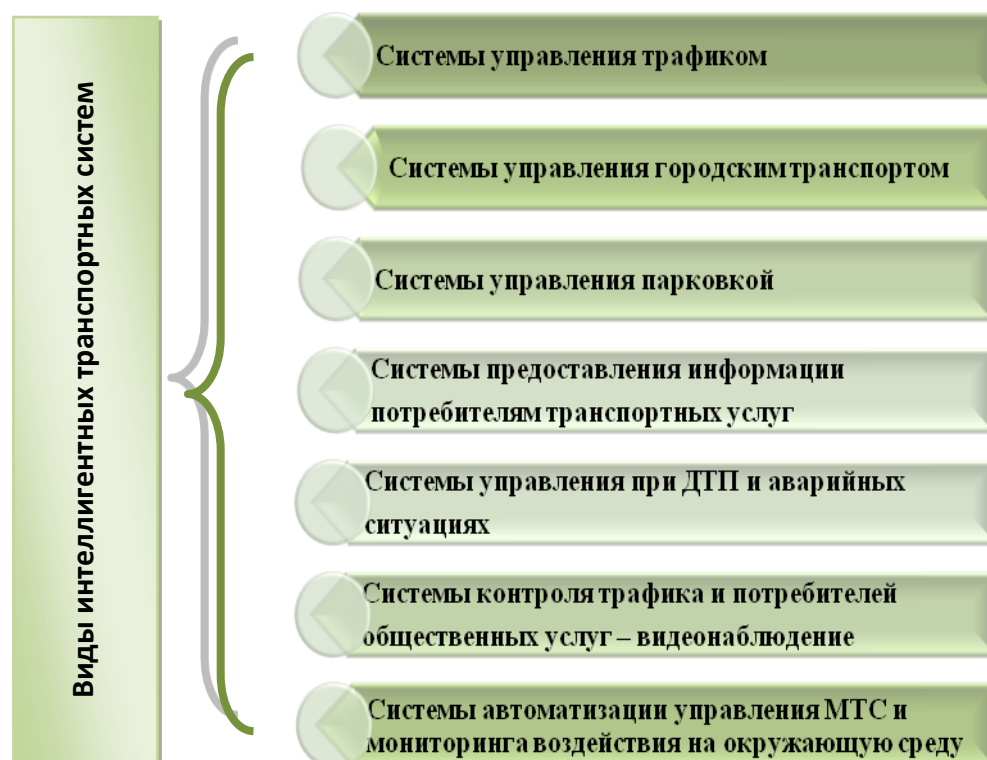


Рис. 2. Виды ИТС

Внедрение и использование интеллектуальных транспортных систем связано с некоторыми техническими решениями, например [5]:

1) *V2V-решения*. V2V-solutions – это базовое интеллектуальное решение для осуществления коммуникации во время поездки, имеющее своей целью обеспечение мобильности и безопасности. Эти приложения предоставляют водителям информацию о состоянии пути, выбранном маршруте, возможных опасностях на пути в режиме реального времени. Они базируются на беспроводных коммуникационных технологиях.

В условиях интенсивного трафика с образовавшимися заторами участники движения могут подавать информацию остальным пользователям приложения с тем, чтобы у них в случае необходимости была возможность выбора альтернативного маршрута.

Все это стимулирует производителей автомобилей встраивать в автомобили специальное устройство для интеграции с системой, благодаря которому водители могут получать полезную предварительную информацию не только о трафике, но и о свободных парковочных местах, ближайших бензозаправочных станциях или автосервисах, вокзалах, аэропортах и др.;

2) *система многорядного свободного потока движения MLFF*. Эта система отличается высокой эффективностью и приносит большую пользу в городских зонах с интенсивным движением. Она выдает комбинированную информацию о городской транспортной инфраструктуре с возможностью управлять движением в динамической среде на дорогах с большой интенсивностью. Систему регулируют в режиме реального времени в зависимости от условий движения и наличия заторов, при ее помощи определяют оптимальные альтернативные маршруты, а также рекомендуют пользователям при определенных обстоятельствах использование городского транспорта вместо личных автомобилей;

3) *e-call*. Это система, обеспечивающая автоматический вызов экстренных оперативных служб набором номера 112 в случае ДТП; базируется на датчиках удара и GPS-модулях для определения местоположения автомобиля и для передачи информации.

Устройства подают информацию в центр не только о местоположении транспортного средства, его классе, количестве мест, но и о наличии на его борту опасных грузов. Все это обеспечивает быструю и адекватную реакцию экстренных оперативных служб;

4) *электронные системы взимания дорожных сборов (тол системы)*. Тол системы (Electronic toll collection systems) – это системы взимания дорожных сборов. Имеются различные виды, находящиеся в эксплуатации. Внедрение City Toll System в британской столице в 2003 г. привело к значительному сокращению числа движущихся в городе моторных транспортных средств. Тра-

фик уменьшился на 25%, а заторы – примерно на 30%.

В городе Сиэтл введена в эксплуатацию первая спутниковая тол система в мире, которая вычисляет как точные координаты транспортного средства в режиме реального времени, так и размер подлежащего оплате дорожного сбора в зависимости от времени и расстояния (рис. 3);



Рис. 3.

5) *дорожные датчики*. Дорожные датчики измеряют различные параметры автомобильного движения и передают информацию о подвергаемых наблюдению дорожных артериях. Информация передается в контрольный центр в режиме реального времени через определенные интервалы времени. При проведении целевого исследования трафика записи сохраняются в датчиках, которые можно установить в грунте, в дорожном полотне или сбоку от него, на высоте над полотном или на его уровне.

Выгоды от внедрения интеллектуальных транспортных систем. От внедрения ИТС реализуются выгоды, связанные с надежностью и безопасностью транспортного процесса. Они заключаются в снижении числа прогнозируемых ДТП и расходов на устранение последствий от них.

Инвестиции в разработку и внедрение ИТС в транспортный процесс генерируют значительные выгоды по отношению к охране окружающей среды. Существенное значение имеет оценка внешних эффектов транспорта, связанных с загрязнением воздуха, шумом и изменением климата. Применение ИТС имеет благоприятное воздействие, выражающееся в

снижении эмиссий загрязняющих веществ в тоннах, уменьшении шума, снижении эмиссий диоксида углерода (CO₂) и др.

Все более широкое внедрение и использование ИТС у нас и в Европе осуществляется в контексте политики устойчивого развития транспортного сектора.

Социально-экономическая оценка инвестиционных проектов, связанных с внедрением ИТС, имеет существенное значение для разработки и проведения эффективной транспортной политики.

Выгоды от внедрения ИТС можно измерить на основе количественной оценки конкретных показателей и индикаторов, важнейшими из которых являются:

- число пассажиров, перевезенных различными видами транспорта;
- объем грузов, перевезенных различными видами транспорта;
- создание рабочих мест;
- улучшение и модернизация инфраструктуры с включением информационных систем управления трафиком;
- сбережение времени, затрачиваемого на поездки;

- увеличение средней скорости движения;
- уменьшение числа заторов;
- оптимизация работы транспорта;
- инновации – поиск новых решений и внедрение информационных технологий для развития транспортного сектора;
- обеспечение всем людям равного доступа к транспорту и транспортным сооружениям и системам;
- улучшение качества транспортных услуг путем повышения надежности и безопасности перевозок;

- снижение отрицательного влияния транспорта на окружающую среду;
- экономия расходов;
- прочие.

Использование ИТС благоприятствует решению ряда проблем с управлением трафиком, заторами, парковкой, ДТП и авариями.

Путем установки видеокамер осуществляется контроль трафика. ИТС оказывают благотворное влияние на охрану природы и улучшение окружающей среды.

Итак, основные выгоды от применения ИТС представлены на рис. 4.



Рис. 4.

Выделение инвестиций направлено на реконструкцию и модернизацию транспортной инфраструктуры, на обновление парка транспортных средств, на внедрение в перевозочный процесс современных технологий, таких как ИТС.

В результате инвестиционный процесс оказывает огромное влияние на качество и конкурентоспособность транспортных услуг.

В этих целях необходимо обеспечить значительные финансовые средства для широкого внедрения и использования ИТС, оказывающих положительное воздействие на устойчивое развитие транспорта.

Влияние интеллигентных транспортных систем на устойчивое развитие транспорта. В условиях экономического и финансового кризиса требуется предпринять активные действия, создающие предпосылки для устойчивого развития путем стимулирования занятости, социальной активности населения, проведения эффективной инвестиционной политики, использования всех доступных источников финансирования и др. Перечисленные меры представляют как раз основные элементы политики устойчивого развития, повышения эффективности всех секторов экономики, обеспечения уровня жизни людей в целом.

Устойчивого транспорта можно добиться путем решения нескольких важных задач для достижения эффективности транспортного процесса, а именно – снижения необходимости в личном транспорте, перехода к более устойчивым транспортным средствам и повышения эффективности общественных транспортных средств в транспортном потоке.

В целом они связаны с повышением эффективности транспорта, включают принятие мер и инвестиционных решений в отношении технологий, используемых на транспортных средствах, а также систем интеллигентного управления трафиком. Необходимость в ИТС для поставки качественных транспортных услуг полностью соответствует идее достижения устойчивого развития транспортного сектора и созвучна новым положениям Европейской транспортной политики, Стратегии устойчивого развития и Стратегии 2020 ЕС. По собственному опыту всем нам известно, что одна из самых серьезных проблем городов, особенно больших, связана с образованием дорожных заторов, которые имеют негативные экономические, социальные и экологические последствия и наносят вред здоровью людей.

В целях их преодоления все чаще используются возможности ИТС, что позволяет:

- уменьшить число заторов и облегчить передвижение внутри городов;
- улучшить организацию работы общественного транспорта;
- уменьшить загрязнение окружающей среды;
- обеспечить интегрированные транспортные услуги и инфраструктуру, которые предоставляют различным группам населения равные возможности доступа к ним;
- повысить надежность и безопасность общественного транспорта.

Возможным решением, способствующим сокращению числа заторов, повышению качества транспортных услуг, обеспечению комфорта и удобств поездок и не на последнем месте – повышению надежности и безопасности перевозок, является внедрение ИТС.

ИТС требуют выделения значительных инвестиций в развитие, модернизацию и содержание транспортной инфраструктуры, сооружений и парка транспортных средств.

Инвестиционные решения приводят в разной степени к повышению надежности перевозок и сокращению числа аварий путем внедрения современных систем и технологий, которые, в свою очередь, будут способствовать развитию современной и надежной транспортной системы.

На основании внедрения технологий и технических нововведений в области перевозок пассажиров и грузов посредством применения ИТС транспортный сектор определяется как устойчивый и развивающийся сектор экономики.

Выводы. Возможности ИТС и их реальное применение в транспортном секторе дают основание прийти к следующим выводам.

Во-первых, развитие городов и строительство больших экономических центров приводит естественным путем к увеличению городской мобильности. Это, в свою очередь, создает ряд проблем экономического и социального характера вследствие возрастающего трафика и проблем, создаваемых транспортом. Именно поэтому транспорт представляет собой основной приоритет в развитии страны и связан с решением проблем с дорожным трафиком, уменьшением числа заторов, обеспечением надежности, безопасности и экологичности перевозок. Основную возможность принятия решений, которые способствуют преодолению этих проблем, предоставляют ИТС.

Во-вторых, для всех видов транспорта и прилегающей инфраструктуры характерно то, что они дают возможность применения ряда информационных и коммуникационных технологий в качестве элементов интеллигентных систем, которые в значительной степени способствуют улучшению эффективности транспорта.

В-третьих, определение и формирование транспортных потоков, в том числе посредством логических схем, могут быть выполнены на 100% путем применения ИТС, которые направлены на оказание более эффективных транспортных услуг, а также на удовлетворение потребностей и желаний потребителей.

В-четвертых, интеллигентные системы имеют большое значение для перевозок и могут их упростить, а также уменьшить расходы на них.

В-пятых, ИТС предоставляют большие возможности для улучшения качества оказываемых транспортных услуг и жизни населения, особенно внутри городов.

В-шестых, ИТС приносят значительные выгоды потребителям транспортных услуг, государству и обществу в целом. Они оказывают положительное воздействие на улучшение окружающей среды и на изменение климата посредством более эффективной эксплуатации инфраструктуры, более рационального использования вместимости транспортных средств, выбора наиболее эффективного вида транспорта на данном маршруте, а также и на улучшение энергетической эффективности при помощи оптимизации трафика в режиме реального времени.

В-седьмых, применение ИТС дает возможность эффективного развития транспортного сектора, а также способствует его устойчивому развитию.

Конкурентоспособность, мобильность, экономический рост и процветание зависят от состояния и эффективности транспортной инфраструктуры и организации транспортных процессов в режиме реального времени.

Решающим фактором достижения вышеизложенного являются именно ИТС, которые сочетают в себе качество, жесткий контроль и комплексный характер поставляемых услуг.

Список литературы

1. Анастасов Т. Интеллигентни транспортни системи в градовете. Институт за транспортни изследвания [Электронный ре-

- сурс]. URL: <http://gradat.bg/infrastructure/2013/04/01/2033027>.
2. България прие допълнителни европейски правила за «интелигентен транспорт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.investor.bg/ikonomika-i-politika/332/a/bylgariia-prie-dopylnitelni-evropeiski-pravila-za-inteligenten-transport,146069/>.
 3. Интелигентен транспорт – 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <http://ladyzone.bg/article/bulgaria/inteligenten-transport-shche-ni-vozi-sled-2020-g.html>.
 4. Интелигентен транспорт и енергийна ефективност – икономични автомобили [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sportal.bg/news.php?news=499911>.
 5. Интелигентни транспортни системи в градовете [Электронный ресурс]. URL: <http://stroiteli.elmedia.net/sti/bg/2015.html>.
 6. Колев П. Интелигентни транспортни системи – фактор за устойчивото развитие на транспорта. Дипломна работа.
 7. Ламбовска М. Размитите бюджети – инструмент за управление на устойчивото развитие на организацията // Управление и устойчиво развитие. 2004. № 3–4. Vol. 11. С. 205–209 [Электронный ресурс]. URL: http://oldweb.ltu.bg/jmsd/files/volumes/msd_11.pdf#page=209.
 8. НАРЕДБА за условията и реда за внедряване на интелигентните транспортни системи в областта на автомобилния транспорт и за интерфейси с останалите видове транспорт.
 9. Национален статистически институт. 209 [Электронный ресурс]. URL: www.nsi.bg.
 10. Пътна карта за постигането на Единно европейско транспортно пространство — към конкурентоспособна транспортна система с ефективно използване на ресурсите.
 11. Ръководство за анализ на разходите и ползите на инвестиционни проекти 209 [Электронный ресурс]. URL: www.eufunds.bg/docs/Guide_CBA.pdf.
 12. Стратегия за развитие на транспортната система на Р. България до 2020 г. 209 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mtitc.government.bg/page.php?category=451&id=3756>.
 13. Тодорова Д. Индикатори за измерване на устойчивото развитие на наземния транспорт, СТУДИЯ, Списание «Бизнес посоки», бр. 1, 2011. С. 99–123.
 14. Тодорова Д. Интелигентните транспортни системи – възможност за устойчиво развитие на общественя транспорт. Международна научна конференция «Технологии и наука за устойчиво морско развитие (13–14 май, Варна). Варна, 2015. С. 170–175.
 15. Тодорова Д., Кирова А. и др. Проект «Създаване на изследователски център «Интелигентни транспортни системи», ВТУ «Тодор Каблешков», 2014.
 16. Тодорова Д., Колев П. Новаторство в технологиите на транспортните потоци. Международна научна конференция «Технологии и наука за устойчиво морско развитие (13–14 май, Варна). Варна, 2015. С. 176–180.
 17. Todorova D., Kolev P. Интеллектуальные транспортные системы. Моделирование динамических транспортных потоков при критическом переходе: ускорение – замедление. Medzinárodná vedecká konferencia Crises situations solution in specific environment». Zilina, 2015. С. 677–684.
 18. Todorova D., Kirova A. Intelligent Transport Systems – Requirement and Opportunities». Medzinárodná vedecká konferencia Crises situations solution in specific environment». Zilina, 2015. С. 671–676.
 19. Todorova D., Kolev P. Intelligent Transport Systems – Tools for Achieving Sustainable Development of Transport Sector, Bratislava.

DIAGNOSTICS OF THE CURRENT STATE OF THE RUSSIAN VENTURE MARKET

ДИАГНОСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ВЕНЧУРНОГО РЫНКА

З. П. ЧЕКЕРЕВАЦ,

*доктор наук, профессор, факультет бизнеса и права,
Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия*

E-mail: zoran@cekerevac.eu

А. В. ПРИГОДА,

*доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

E-mail: lv_prigoda@mail.ru

В. А. КИСЕЛЕВА

*кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация*

E-mail: vera208@mail.ru

Introduction. Formation of a venture ecosystem (a national system of venture financing) «... is an objective necessity for our country, since, taking into account the experience of the developed countries of the world, the use of such venture financing forms helps to achieve the maximum rapid development of high-tech industries» [4, p. 33]. According to experts, «...the effect (income) created by a venture system with properly organized work, based on the experience of the developed countries (the USA, Japan, etc.), can significantly (10–100 times) exceed the profitability of the capital invested in productive investments and securities, at a higher degree of predictable certainty of obtaining a positive effective final result ...» [5, p. 49].

Venture financing is primarily focused on the implementation of all stages of the life cycle of high-tech projects, therefore, it is necessary to have special investment mechanisms that can involve large amounts of financial resources and optimize the structure of risks, this is the mechanism that venture financing (venture market) has become.

Many experts agree that the venture business has already been formed in the world mar-

ket, while in Russia it is in the formation stage, the essence of which is an uninterrupted provision of specific high-tech projects (startup), mainly of small innovative economic entities. The task of venture business is to maximize the profitability of investments at high investment risks. In the most developed countries the venture market has proved its effectiveness and is considered to be one of the priority tools for implementing the innovative economy model. «Many successful high-tech companies such as Apple, Google, Cisco System were created using venture investments» [16, p. 169].

The body. Formation of the system of domestic venture financing is associated with the creation of Russian Venture Company (OAO RVC) in 2006, which was part of the RAVI structure with 100% state capital.

The concept of RVC activities consists in ranking venture management companies and selecting favorites on a competitive basis with a view to further acquiring shares of venture funds that have been created by these companies. A simplified scheme for the formation of venture funds with the RVC participation is presented in Fig. 1.

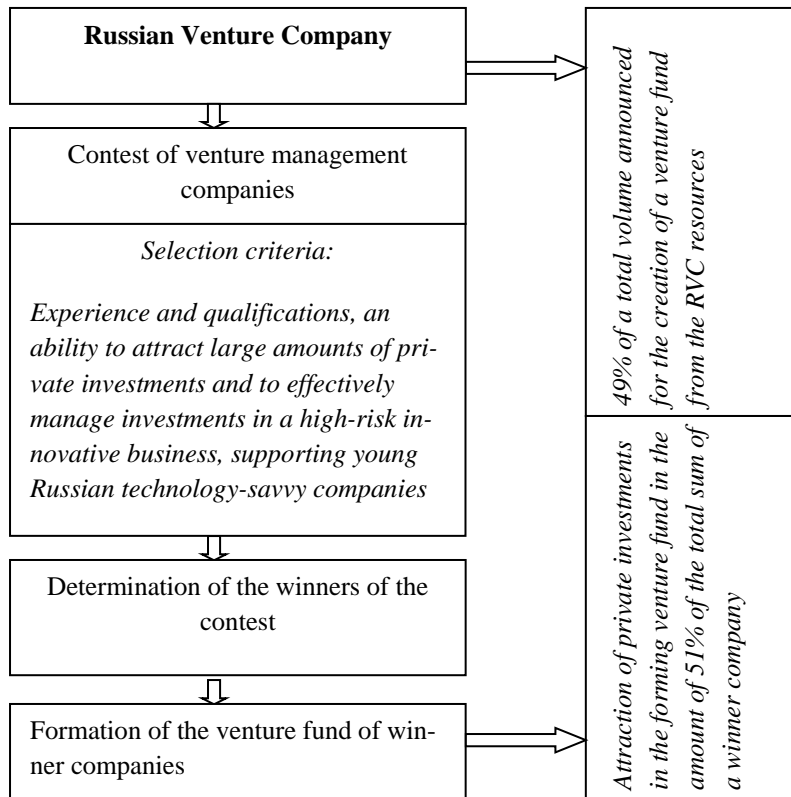


Fig. 1. The scheme of a venture fund formation with the RVC participation

This mechanism allows activating the work of companies – winners of the competition for the search for private investments in a high-risk innovation business.

The distribution of investment funds with the RVC capital participation for economic sectors for 2007–2016-s is shown in Fig. 2.



Fig. 2. Distribution of investments of funds with participation of the RVC capital for sectors of economy for 2007–2016-s¹

¹ RVC data [Electronic resource]. URL: www.rusventure.ru (Fund portfolio).

The number of venture funds in Russia is growing steadily. So, at the end of 2016 22 venture funds were registered with the participation of OAO RVC capital within the framework of a public-private partnership. The total amount of funds was 33 billion rubles, 253 projects were approved for investment for the entire period of existence of RVC (by the end of 2016), and 34 new portfolio companies in 2016. In the same year 8 investments in innovative infrastructure were made to the amount of \$37,7 million, which also contributed to the development of the venture industry.

Volumes of venture investments (in millions of dollars) that fall at different stages of the life cycle of small innovative enterprises – «sowing», «startup», «of early growth», «of sustainable growth» and «of expansion» – are shown in Fig. 3.

The current stage of development of the venture investment market into innovations can be

characterized as a period of primary maturity – the period of spontaneous investment activity of non-professional participants is over, and the focus of attention of surviving and entrenched players shifts towards investing projects implemented at later stages. The tendency for market maturity, i.e. the willingness of major players to implement long-term large-scale investments in high-risk innovative projects is confirmed by the civilized investors' exit procedures.

12 such deals were signed with a total volume of \$372 million, including three large deals of more than \$100 million. The trend of appearing serial successful entrepreneurs and an increase in the number of successful innovation companies should be noted, which is reflected in an average transaction value, which increased from \$2,8 million to \$5,1 million.

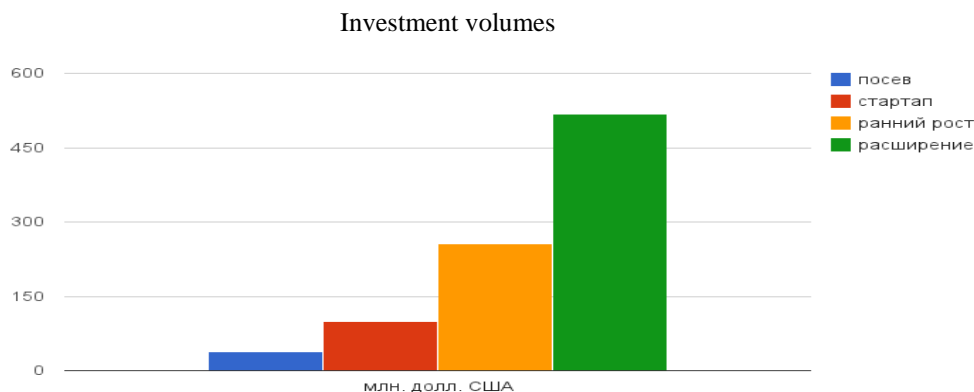


Fig. 3. Volumes of venture investments (in millions of dollars), falling at different stages of the life cycle of small innovative enterprises²

This is due to the trend of reorientation of investors to more mature projects, which are at later stages, which in turn intensifies competition at earlier stages. And, as practice shows, the time has nearly gone when a large number of low-skilled investors invested significant financial resources into any projects in the hope of easy profits.

Currently, more developed projects with well-built financial models and procedures are in the focus, and there are requirements to innovative companies where investments are directed for independent achievement of the first results. We should note the growing competition for quality projects among investors, which requires venture capitalists to be more active in promoting their own funds and stories of their success, which is reflected in an increased active-

ity of venture industry in media. However, most of the market does not fall in the field of view of official statistics due to the opacity and non-publicity of transactions. A positive trend of total volumes of venture transactions performed at all stages of the life cycle of small innovative enterprises testifies in support of the hypothesis on increasing the maturity of the market. The year of 2016 which showed a negative dynamics of investment volumes was the exception.

With the transition to more mature stages of the life cycle of small innovative enterprises, a number of venture transactions concluded is intensively decreasing, while the volume of venture investments in transactions concluded at later stages of the life cycle is intensively increasing. This trend indicates that there is still a shortage of professional investors (both private

² Venture market review data: VentureDatabase, PWC, RusBase.

and institutional) in the country specializing exclusively in the «pre-sowing» and «seeding» stages and ready to invest the stages of development associated with an increased risk of profit and return on investments.

Table 1 shows the dynamics of the number and volume of venture transactions made in 2014–2016 at various stages of the life cycle of small innovative enterprises.

Table 1

Dynamics of venture transactions made at various stages of the life cycle of small innovative enterprises³

Stages of the life cycle of small innovative enterprises	Number of transactions, ps.			Volume, mill. doll.		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Sowing and start-up	172	112	123	43	23	16
Early growth	39	49	52	77	36	30
Expansion	42	29	37	647	720	633
Restructuring	0	2	0	0	64	0
Late	2	3	1	107	182	132
Unknown	1	8	4	4	18	4
Total	256	203	217	878	1043	816

This table illustrates the low quantitative (piece) of the Russian venture industry. The Russian venture market in 2016 was characterized by a growing caution of investors, preservation of investment priorities (in terms of volumes) at later stages, diversification of investment portfolios in favor of an increase in the number of transactions with a decrease in the average volume of investments. Throughout 2016 and early 2017 participants of the Russian venture market maintained conservative estimates of the situation in the Russian economy, adhering to cautious investment strategies, which, along with other macroeconomic and foreign policy factors, had led to a certain restriction of the venture investment market growth.

According to the Russian Association of Venture Investment (RAVI) in the first half of 2017, positive dynamics of the total capitalization of PE and VC funds was noted (an increase of about \$1,2 billion). At the same time, over 90% provided funds created with state support. There was also a noticeable inflow of new players: 7 new venture funds (3 – with the participation of state capital)

emerged. The state continues to be an active player in the venture market: it accounts for 30% of the total number of operating funds. Moreover, state-owned funds are still the dominant source of investment for «non-IT» companies: over 90% of acting venture capital funds with government capital are focused on investing in the real economy or have mixed industry preferences. It should be noted that the main investment focus of private funds lies in the field of Information and Communication Technologies (ICT). The situation with investment preferences of private VC funds is reciprocated in relation to the segment of funds involving state capital: the majority of private VC funds are focused exclusively on the ICT sector, the volume of which is 78% (Fig. 4).

The diagram shows that the share of the industrial and technological sector accounts for 16% of investments, while only 1,0% of investments have been directed to the sector of biotechnologies. These data testify to the dominant «mono-profile» character of the domestic innovation industry. Accordingly, the need to minimize the existing «mono-profile» trend is obvious.

³ Official site of the Russian Association of Venture Investments (RAVI) [Electronic resource]. URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook>.

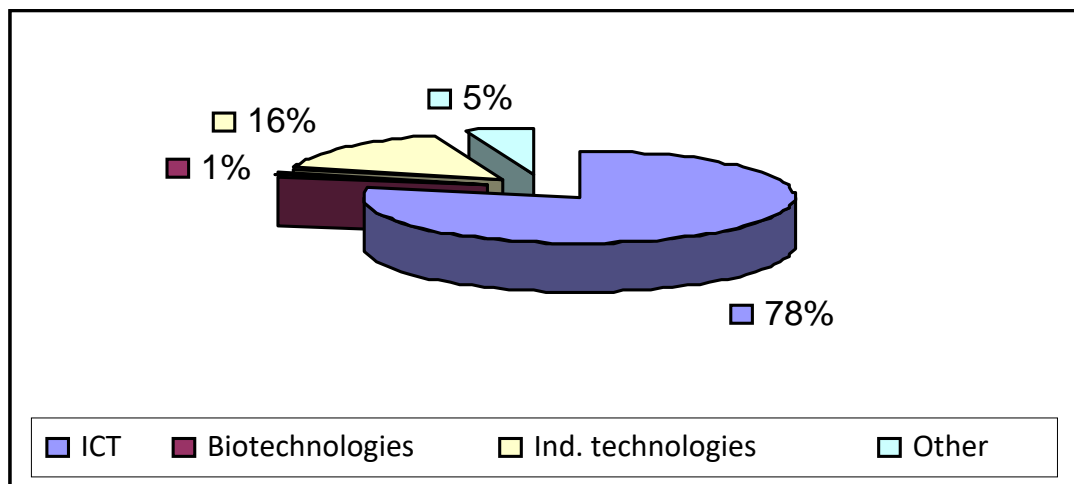


Fig. 4. Distribution of VC-investment volume of private funds by sectors of the economy in the first half of 2017

To solve this problem state institutions for the development of the Russian venture market, such as Skolkovo, RUSNANO, FREI, etc., were created, and experts do not have a common opinion on the evaluation of their activities, noting both weak and strong points of the implementation of projects by these institutions. In most cases, weak points include excessive government interference in project financing, which significantly hampers normal functioning of venture companies, and too many reports on spending that significantly complicate work on core activities and increase the effort required to implement projects. However, high activity of the state is seen as a positive trend, as private investors are not ready to implement capital-intensive innovative projects of the real sector of the economy. Moreover, many experts agree that the activities of Russian development institutions contribute to the formation and normal functioning of the national venture market (venture ecosystem), and the culture of entrepreneurship and start-ups (innovative culture) is increasing.

A feature of the Russian venture market is low activity of startup «output», its sale or access to the IPO. According to the Russian Association of Venture Investment (RAVI), 12 outputs were recorded for the nine months of 2017, while in 2016 there was 49. The main reason for activity decline is low competitiveness of the venture market in all areas and monopolization of individual segments, that decreases demand of large companies for innovations, which are often pseudo – state corporations and do not support interest in the competition development.

Activities of such companies are highly profitable even without the use of innovations, so, understanding the need to introduce innovations in

order to minimize costs and improve production process will significantly support domestic innovations of the national economy, which will increase the demand for innovative products (services) created directly for the needs of a particular company and, in the end, will partially solve the problem of outputs from financed companies.

Despite the active position of the state regarding the development of venture financing and understanding of the need for the creation and development of a venture ecosystem in the Russian Federation, there is a lack of a state planning document and identification of the most relevant industry trends – the Russian Venture Market Development Strategy. Formation of the main provisions of the document is entrusted to the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and the RVC, the strategy should be submitted to the government of the Russian Federation by the end of 2018. The goals, objectives and directions for the implementation of the Strategy for the development of the venture market in the Russian Federation were identified by participants in the «Ecosystem of Innovations» forum, held in Sochi on 30.11.2017–01.12.2017.

The goal of the strategy, the business community believes, should be to ensure the availability of venture financing and the development of venture support tools. At the same time, participants identified the main directions of the Strategy implementation: the formation of sustainable institutions of the venture market; expansion of the venture capital offer; development of technological entrepreneurship.

It should be noted that within the framework of the expansion of the venture capital supply, it is proposed to remove the restriction on venture in-

vestment for institutional investors, which is certainly an expected and timely decision.

Since in accordance with the legislation of the Russian Federation pension and insurance funds can invest in a limited list of risk-free instruments, i.e., lack of an appropriate regulatory framework creates «barriers» for the participation in the capital of venture funds of significant potential investors, and then elimination of the «barriers» will cause the emergence of an additional source of financial resources in the venture market, and will provide additional profitability for new market players and maintain an acceptable level of risk, as a result, an increase in competitiveness at all levels of the venture ecosystem is expected. At the same time, it should be noted that in this case only non-state institutions (NPFs) are considered as new participants, it is assumed that as a result of implementing the directions of the Strategy, the share of NPFs in the capital structure of the venture market will be about 20 percent, which corresponds to the venture capital structure in many countries.

Within the framework of formation and development of an effective infrastructure of the national venture ecosystem, a decision was taken to establish a Venture Market Council under the RVC, which received the status of an advisory board, and ten leaders of venture funds, Russian companies and investor associations are included in the Market Council main presidium. The main direction of the Council's activities is to ensure the interaction of the RVC with existing and potential venture investors and to improve the quality of training programs and initiatives of the development institute.

Thus, the national system of venture financing demonstrates positive tendencies to renew the system of state support of innovations, stimulation of technological entrepreneurship and optimization of measures, support of developing companies. Moreover, venture investment is not only a promising tool for innovative entrepreneurship, capable of minimizing the lack of financial resources of technology companies that have not reached break-even point for financing innovations, but it can also serve as an indicator of an effective selection system for high-quality projects that can take the leading positions in the domestic and external high-tech market.

Conclusion. The results of 2016–2017 have shown that macroeconomic and foreign policy situations remain the main factors influencing the dynamics of venture capital. At the same time, the continued activity of investors in the Russian venture market, as well as the forecasts for the restoration of investment activity in 2017 allow us to

assess further prospects of development with a restrained optimism. A number of analysts consider that in 2017 there emerged trends in the recovery of the Russian economy and, in particular, the investment market after the crisis of 2014–2015. However, it should be noted that the development of modern society, technology and technology is impossible without integration into the world market. Isolation, restriction of access to the technology market, which is global by definition, cause irreparable damage to our companies, including start-ups. With the removal of restrictions from Russia, it is possible to hope for an increase in the volume of financing (venture transactions), as well as the reorientation of investors to the innovation sectors related to medicine, biotechnologies, ecology, industrial innovations, «green economy», and, as a consequence of the progressive development of investment objects, to observe the beginning of the process of entry of the invested innovative companies into the stock markets.

References

1. Boguslavskij I. V., Ugnich E. A. (2014) Razvitie venchurnoj jekosistemy: rol' organizacionnoj kul'tury. Naukovedenie. Vypusk 2, mart – april' [Electronic resource]. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/75EVN214.pdf>.
2. Volodin S. N., Volkova V. S. Rossijskij rynek venchurnyh investicij: aktual'nye problemy i puti ih reshenija [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskij-rynek-venchurnyh-investitsiy-aktualnye-problemy-i-puti-ih-resheniya>.
3. Vorob'ev M. M. (2016) Venchurnoe investirovanie v Rossii: pravovye osnovy, sovremennoe sostojanie, perspektivy. Nauka i obshhestvo, no. 1 (24), p. 48.
4. Gricunova S. V., Kosolapova A. V. (2015) Formirovanie venchurnyh innovacionnyh sistem v Rossii. Mir nauki, no. 2, p. 33.
5. Denisov G. A. (2015) Innovacionnyj proryv cherez venchurnuju sistemu. Stroitel'nye materialy, oborudovanie, tehnologii XXI veka, no. 2 (193), p. 49.
6. Dudin M. N., Ivashhenko N. P. (2016) Razvitie institutov «vyrashhivaniya» innovacionnyh proektov v kontekste stanovlenija venchurnoj jekosistemy. MIR (Modernizacija. Innovacii). Razvitie, part 7, no. 3, pp. 70–75.
7. Ivanchenko A. D. (2017) Analiz razvitija venchurnogo rynka v Rossii. Molodoy uchenyj, no. 30, pp. 37–39 [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/164/45239>.

8. Kabanova N. I., Kiseleva V. A. (2013) Banki kak uchastniki investicionnogo rynka. *Novye tehnologii*, no. 1, pp. 100–105.
9. Kasymov A. Sh. (2016) Institucional'nye osnovy funkcionirovanija rynka venchurnogo kapitala. *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*, no. 4, p. 175.
10. Kuznecova T., Rud' V. (2013) Konkurencija, innovacii i strategii razvitija rossijskih predpriyatij. *Voprosy jekonomiki*, no. 12, p. 87.
11. Prigoda L. V. (2017) Gosudarstvennoe regulirovanie venchurnogo finansirovanija innovacionnoj dejatel'nosti. *Novye tehnologii*, no. 1, pp. 88–92.
12. Prigoda L. V., Brezhneva E. S. (2014) Razrabotka organizacionnogo mehanizma finansirovanija innovacionnyh proektov. *Novye tehnologii*, no. 2, pp. 102–107.
13. Prigoda L. V., Paladova T. A. (2013) Kreditovanie malogo innovacionnogo biznesa, kak perspektivnaja forma finansirovanija innovacionnoj rossijskoj jekonomiki. *Psihologija. Jekonomika. Pravo. Nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal*, no. 1, pp. 72–76.
14. Rasporjazhenie pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 08.12.2011 No. 2227-r ob utverzhdenii strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_Law_123444.
15. Strategija razvitija otrasli venchurnogo investirovanija v Rossijskoj Federacii (Otkrytyj proekt dlja obsuzhdenija i dorabotki pri uchastii professional'nyh uchastnikov rynka venchurnogo investirovanija). M., 2015 [Electronic resource]. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/11d/RVC_vc_strat_draft.pdf.
16. Ugnich E. A. (2016) Razvitie sfery vysokih tehnologij: rol' venchurnoj jekosistemy. *Gosudarstvennoe upravlenie*, no. 54, p. 169.
17. Ugnich E. A., Makarov S. E. (2013) Problemy razvitija venchurnoj jekosistemy v uslovijah stanovlenija innovacionnoj jekonomiki. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, no. 6 [Electronic resource]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11518>.
18. Federal'nyj zakon ot 29.11.2001 No. 156-Fz (red. ot 30.12.2015) ob investicionnyh fondah [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_Law_34237.
19. Hutyz Z. A., Kiseleva V. A. (2016) Importozameshhenie, kak faktor rosta territorial'no-lokal'noj sistemy. *Novye tehnologii*, no. 1, pp. 81–86.

UNDEVELOPED FINANCIAL MARKET AS A RESULT OF THE BACKWARD ECONOMY

R. ŠALIĆ,

*PhD, Associate Professor and Dean of the Faculty of Management,
University Metropolitan, Belgrade, Serbia*

E-mail: radomir.salic@metropolitan.ac.rs

Introduction. This research was created as the result of observing shareholding and financial markets and economy with the aim of finding new business models for the stock market and the economy and of establishing their mutual connection and correlation degree that influences the total growth and development of the financial sector in Serbia. The research structure consists of describing and defining the problem of the Belgrade Stock Exchange, determining the ascertainment about the existing state in this field, determining research boundaries, determining research goals and models of studying the problem, and finally, proposing several possible solutions to the problem of reviving the Belgrade Stock Exchange, i.e. the financial market and the financial sector in general.

Description of the problem. The market economy is unimaginable without a stock market and the free flow of capital, which present the foundation of all developed countries in the West. The situation in Serbia, is not like that nowadays, i.e. the liquidity has nearly dried up, and the trade in securities has been reduced to a miserable level for which just several brokerages would be enough. Smaller brokerages stopped operating long ago due to lack of work, and the remaining ones have been experiencing possibly the worst crisis since the creation of the stock market in Serbia. The share price indices have been noting infamous records by achieving their historical lows. However, it is generally known that a stock market crash in a country usually means the economic crash of the country as well. Therefore, the situation nowadays is ten times worse compared to 2006 and 2007. There are numerous facts confirming the previous statement, but we will here briefly address some of them:

1) the daily turnover of the Belgrade Stock Exchange is between two hundred and three hundred thousand euros at best, and for 2007 it amounted to two billion euros in total;

2) the stock market in Serbia is very shallow, with a small number of high-quality long-term securities and a generally small number of quoted shares;

3) the Belgrade Stock Exchange has been developing based on pre-2000 laws, and the very pro-

cess of privatisation has helped in removing a large number of «blue chips» from the stock market to this day;

4) the companies listed on the Belgrade Stock Exchange are registering the most drastic drop of profitability since the global economic crisis;

5) furthermore, a strong resistance to reforms is dominant in Serbia, and the state is aware of the problems dominating the financial market;

6) in the previous period, there were no new quality ownership securities included on the Stock Exchange market, no processes of initial public offerings, or other market recovery measures initiated by the state or other participants in the market, which has resulted in the lack of the expected development of stock market activities in our country;

7) financial reports of public companies show that operating income has been reducing year after year, and debts have been increasing, which points to the fact that they should have been privatised a long time ago;

8) the stock market has 4.8 million small shareholders, owing to the division of free shares, however, their rights are not protected, which is absurd and it results in weakening the integrity of the Securities Commission.

Excluding the aforementioned, the Belgrade Stock Exchange, just like other capital markets in the region of South Eastern Europe, did not record any significant changes in the previous period, both with regard to turnover and the movement of market capitalisation. Based on an analysis of current macroeconomic trends and their possible influence on the connection between the capital market development and boosting the economy, it has been determined that this connection has not yet been established in Serbia, just like other capital market tools have not been used to a sufficient degree. Therefore, it is about poverty not resulting from greedy financiers taking advantage of the poor, but from the lack of financial institutions, i.e. efficient credit institutions that can transfer excess funds from idlers to the enterprising [3, p. 23].

Definition of the problem. In the situation described above, it is clear that the problem does

nor lie exclusively with the capital market and the Belgrade Stock Exchange, but that it is structural in nature. We primarily mean the structure of a country's economy, i.e. the lack of quality companies in general and their quotation on the stock market, i.e. the establishment of a connection between the economy and the financial market. In fact, the problem lies in the backward economy and a narrow range of business activities performed by the existing companies. Therefore, the definition of the Belgrade Stock Exchange's problem lies in the lack of a firmer bond between the companies and the financial market, as well as in the influence of the economy on the state of the financial market. The cause of such a state is the financial crisis that began with the occurrence of second-rate loans in the US and that has been lasting for years, i.e. since 2007, equalling a natural disaster whose consequences have been felt by all, leaving scars that have never healed [22, p. 175].

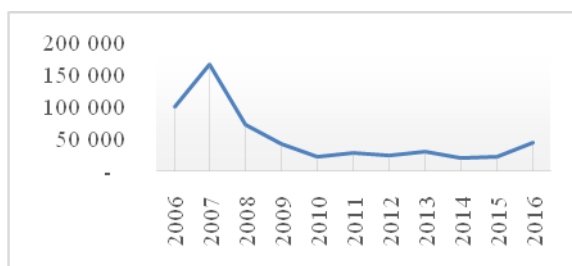
Ascertaining the state. Low liquidity, along with the disputable quality of investment alternatives, has essentially left the Serbian market out of global investors' reach, and the domestic particularities have not had a stimulating effect on the status of stock market activities in Serbia. The Belgrade Stock Exchange has had the tendency of falling with regard to: achieved turnover, achieved stock market index, and the price of shares in the market.

Achieved turnover at the Belgrade Stock Exchange from 2006 to 2017. The achieved turnover at the Belgrade Stock Exchange has been lower and lower each year, i.e. the tendency is that the turnover is constantly dropping. In 2007, the annual turnover at the Belgrade Stock Exchange reached its peak, having realised the sum of two billion euros, only to be reduced in 2009 by five times, and in 2014 to drop nearly twelve times (Table 1, Graphs 1, 2).

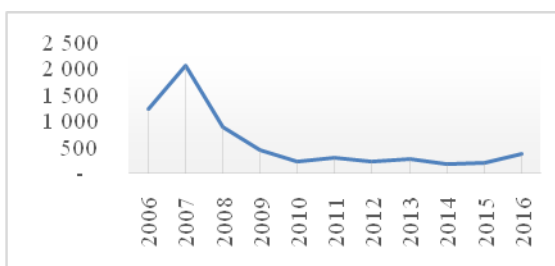
Table 1

Achieved turnover at the Belgrade Stock Exchange in the period from 2006 to 2016 [4]

Turnover at the Belgrade Stock Exchange											
Description	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Bn RSD	100,584	164,990	71,854	41,778	23,017	28,584	24,988	30,164	20,258	22,429	44,574
Bn EUR	1,210	2,059	882	442	222	280	220	267	173	186	362



Graph 1. Turnover of BSE in million RSD



Graph 2. Turnover of BSE in million EUR

Achieved stock market index in the period from 2006 to 2017. Owing to the fact that the Belgrade Stock Exchange turnover has been dropping constantly, that the number of participants (both brokers and investors) has been reducing, the value of the stock market index, Belex 15, has also been dropping.

If we wished to determine the previously noticed rule of the Serbian financial market, we would agree only in the part saying that the treasury or state records have not made losses, but mod-

est and stable gains each year, and that corporate shares completely crashed in 2008, having failed to recover since (Table 1).

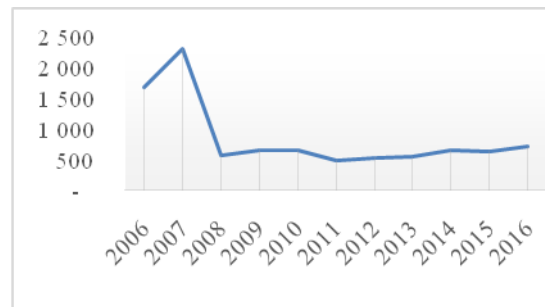
Value of shares at the Belgrade Stock Exchange. The value of shares at the Belgrade Stock Exchange (BSE) in 2016 is several times lower than the value in 2006, particularly compared to 2007, when the value culminated (Graphs 1, 2, and 3), with slim chances of significant recovery in the foreseeable future.

¹ AIKB – Agroindustrijska banka a.d. Nis, KMBN – Komercijalna banka a.d. Belgrade, UNBN – Univerzal banka a.d. Belgrade, Jubmes banka a.d. Belgrade, TGAS – Messer Tehnogas a.d. Belgrade, ENHL – Energoprojekt holding a.d. Belgrade, IMLK – Imlek a.d. Belgrade.

Table 2

Value of the Belex 15 index [4]

Belex 15 index trend by years											
Description	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
RSD	1,675	2,318	565	664	652	499	524	558	667	644	717



Graph 3. Value of the Belex 15 in RSD

Nowadays, the situation in Serbia, with regard to the capital market, is such that nearly all shareholders would gladly accept their initial investments from 2006 and 2007, thus ending up in a much more favourable situation than the present. In fact, there is almost always a group of permanent gainers, but not even they can guarantee constant gains in the future; however, it is worth noting that there is always a group of permanent losers, but they are inconspicuous since no one boasts about bad results [19]. Many investors are constantly losing; however, if larger income would en-

sue in the following period, it would be the result of expense risk at the time of huge losses within the crisis period, which began in the US, transferred to Europe, and did not bypass Serbia and all other former SFRY republics.

The previous graphs show that the sample shares in the observed period have realised yield in the period from 2006 to 2007, and that after this period (2007–2016) there was no yield, i.e. there was a negative yield, and a certain significant level of uncertainty or risk still exists, but we do not know its range and duration.

Table 3

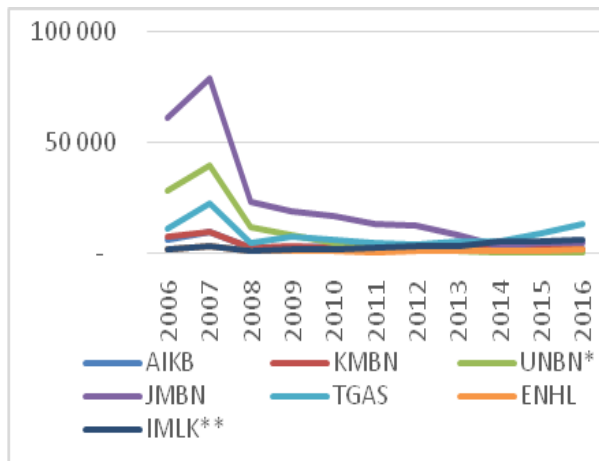
The chosen shares at the Belgrade Stock Exchange in the period from 2006 to 2016²

Share symbol	Price of shares at the end of the year (in RSD)										
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
AIKB	5,681	9,803	2,550	2,472	3,323	1,648	1,566	1,533	1,845	1,838	1,750
KMBN	7,430	9,790	2,600	2,875	2,605	1,700	1,399	1,507	2,201	1,624	1,738
UNBN*	27,800	39,238	11,270	7,802	4,200	2,300	1,020	550	-	-	-
JMBN	60,951	78,751	22,733	18,939	16,495	12,999	12,331	8,000	3,000	4,582	4,398
TGAS	10,600	22,000	4,400	7,196	5,860	4,300	3,550	5,040	5,451	8,700	13,006
ENHL	1,301	2,900	554	761	900	392	605	720	910	1,037	1,431
IMLK**	1,300	2,698	1,099	1,490	1,900	2,353	3,181	2,919	4,808	5,176	5,700

² Shares at the Belgrade Stock Exchange in the period from 2006 to 2016.

* Decision on the exclusion of shares from the Open Market – market segment Open – Market-shares No. 01/1 No. 961/14.

** Decision on the exclusion of shares from the Open Market – market segment Open – Market-shares No. 01/1 No. 7176/16.

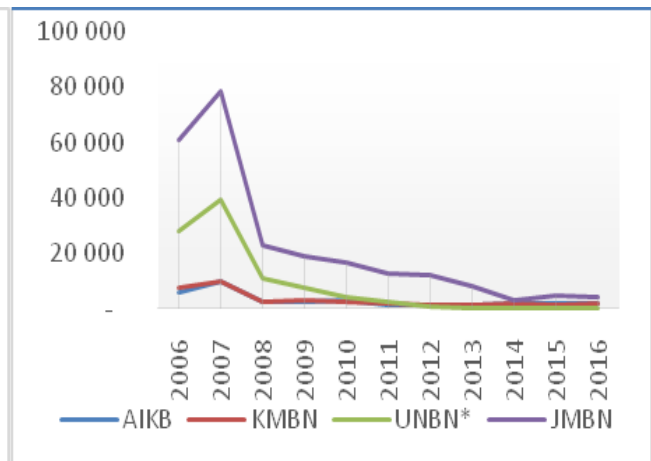


Graph 4. The most liquid shares at the BSE

In order to quantify this relation, it is necessary to know the tools and the required series of past data; otherwise, it would not be possible, which we will show in the following chapter. A large number of broker dealer companies has been closed in the previous period³, so that de-registering pursuant to the old laws amounts to 65 broker dealer companies, and de-registering pursuant to the Law on the Market of Securities amounts to 49 broker dealer companies. Likewise, de-registering pursuant to the Law on the Capital Market amounts to 21 broker dealer companies, so that the state, i.e. the number of broker dealer companies still actively operating at the Belgrade Stock Exchange is 22, or 14,5% of 158 registered companies in total. Aside from simple broker dealer companies, there are twelve business banks with the licence for trading on financial markets, making it a total of 34 active broker dealer companies.

Purpose of research. The purpose of this research is not to show the causes of the Belgrade Stock Exchange fall, but to try and devise certain possible solutions necessary for its future operations, i.e. to determine the dependency level of the economy and the financial market and to devise possible solutions for increasing the number of quality companies listed on the capital market, which would enable the state of the economy to present the condition of the country's financial market.

Studying the problem at the BSE. It is hard to expect that the stock market would develop on its own in a non-market environment, so a large



Graph 5. The most shares of banks at the BSE

part of the responsibility lies with the state, which has done nothing to promote shareholding and stock exchange operations. The companies have been withdrawing from the Belgrade Stock Exchange more and more, primarily due to the fact that they reached this market by means of legal obligation and that they did not manage in using the capital market's advantages, such as acquiring capital, improving the management efficiency, strengthening their image. Issues that are of interest to every investor: What is the expected total yield rate and what is the stability or uncertainty of an investment? The response of a rational investor would be achieving his goal with the highest possible yield and with the lowest uncertainty or risk [21, p. 97].

Expected yield rate and standard deviation shown in the example of BSE. The first parameter, determining the central tendency of the set, is the expected value, which shows us where the centre of probability distribution of the observed accidental variable is located, so that the algebraic expression of the expected total yield rate (Op). The second parameter, which determines the nature of the probability distribution or its numerical presentation or the joint measure of risk and probability distribution, is presented by the variance (Var) or standard deviation, SDr [2]. Therefore, the variance presents the sum of products of probability and the square deviation of the yield rate from its expected value, or, it is the square deviation, so that the standard deviation is the square root of the variance, i.e.

³ <http://www.sec.gov.rs/index.php/st/>

Table 4

Yield per share in dinars at the BSE

Share symbol	Yield per share based on the difference in price per share at the end of each year (in RSD)										
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
AIKB	5,681	4,122	-7,253	-78	851	-1,675	-82	-33	312	-7	-88
KMBN	7,430	2,360	-7,190	275	-270	-905	-301	108	694	-577	114
UNBN*	27,800	11,438	-27,968	-3,468	-3,602	-1,900	-1,280	-470	-	0	0
JMBN	60,951	17,800	-56,018	-3,794	-2,444	-3,496	-668	-4,331	-5,000	1,582	-184
TGAS	10,600	11,400	-17,600	2,796	-1,336	-1,560	-750	1,490	411	3,249	4,306
ENHL	1,301	1,599	-2,346	207	139	-508	213	115	190	127	394
IMLK**	1,300	1,398	-1,599	391	410	453	828	-262	1,889	368	524

However, it is necessary to know that if shares are held after the date of the first dividend, the calculation of the yield must be determined for the dividends obtained in the meantime. In our example, or the chosen portfolio of shares from the BSE (Tables 3, 4), we have taken only the capital gain

of each share as the yield (difference between the price of shares at the end of each business year), without paid dividends for the given period.

The ENHL share that realised the highest variability, variance calculation, and the standard deviation looks like this:

Table 6

Yield deviation and square deviation of the ENHL share

ENHL				
Year	Yield rate	Yield deviation %	Variance Var	St deviation SDr
2006	basic			
2007	122,91	103,62	10,73731	
2008	-80,90	-100,19	10,03784	
2009	37,36	18,07	326,56	
2010	18,27	-1,02	1,04	
2011	-56,44	-75,73	5,73488	
2012	54,34	35,05	1,22857	
2013	19,01	-0,28	0,08	
2014	26,39	7,10	50,42	
2015	13,96	-5,33	28,40	
2016	37,99	18,70	349,73	
Total	192,89	-	28,49483	SDr
Average	19,29	-	2,84948	53,38%

The yield deviation has been determined by offsetting the average yield with the realised yield rate by years, i.e.: Average yield = $192,89 / 10 =$

$19,29\%$, and the variance as the average square deviation, i.e.: $\text{Var} = 28,49483 / 10 = 2,84948$, and the standard deviation as the variance root.

It is apparent that the estimated standard deviation (with the previous conditions) of this share varies significantly compared to market prices; however, if we tried to determine the deviations for the remaining shares from the chosen sample, they would be even higher, and it is uncertain whether there is sense in determining the deviations of shares for such a short period. It is much easier to calculate the deviations for the entire portfolio of shares or securities, it is only necessary to possess reliable data for the period in question. Still, the majority of shares varies significantly from the market portfolio, which results in the question: if the market portfolio consists of separate shares, why isn't its variability equal to their average variability? The answer lies in diversification, whose increase reduces the variability of the total portfolio of shares. However, when the investor has a portfolio of shares, he is interested in the influence of each particular share on the risk of the total portfolio of shares. And the contribution of a share to the total risk of the portfolio depends on the level of its variability compared to other shares.

Systematic risk shown in the example of shares at the BSE. When investors estimate the risk of their investments, they worry and think about the systematic risk, which cannot be eliminated by a new diversification of investments, so as compensation, they intend to realise the highest possible yield, which can be determined only after measurement. The first step in measuring systematic risk lies in finding the portfolio of shares containing solely systematic risk, where the change of price within the portfolio corresponds to the systematic shocks in the economy. Such a portfolio is a so-called efficient portfolio, i.e. a portfolio that cannot be diversified, but the risk cannot be reduced without reducing its expected yield. As a matter of fact, the key matter in modern finance nowadays is identifying such a portfolio. An efficient portfolio should be a large portfolio with many various shares, and it is naturally a market portfolio, i.e. a portfolio of all shares and securities traded on the capital market [1]. Every investor owning a diversified portfolio is highly interested in the effect of each share on the risk of his entire portfolio, which is why measuring the risk of separate regular shares depends on their exposure to macroeconomic events, and it can be presented (measured) as a rate of yield's sensitivity to investing into a certain share, to the fluctuations of the yield on the total market portfolio. This sensitivity is called the beta coefficient of shares, which is often presented by the Greek symbol β . The beta coefficient is also called the index for measuring the

systematic (market) risk, i.e. the rate of yield change for one share compared to the change of the market yield rate. It is determined on the financial market based on a suitable portfolio of shares, such as Standard & Poor's, Dow Jones, Nikkei, and others. In terms of algebra, the beta coefficient is determined as the ratio of the products of: standard deviation of yield on shares and the coefficient of linear correlation of market and share yield compared to the standard deviation of the market index-yield [18, p. 294]:

$$\beta = \frac{\delta_j \cdot x \cdot r_{j,m}}{\delta_m} \quad (1)$$

The beta coefficient is usually between 0,5 and 2, and the higher it is, the larger the systematic risk. In addition, corporations operating in fields that are more sensitive to cyclic movements within the national economy will have a higher beta coefficient, i.e. they will be exposed to a larger systematic risk than those less influenced by the cyclic movements [17, p. 288]. Since we have established the algebraic expressions for the expected yield, variance, and standard deviation in the above section of the paper, we are only left with an expression for the numerator of this quotient for calculating the beta coefficient: the coefficient of linear correlation (r), which reads [23, p. 306]:

$$r = \frac{n \sum xy - \sum x \sum y}{\sqrt{n \sum x^2 - (\sum x)^2} \sqrt{n \sum y^2 - (\sum y)^2}} \quad (2)$$

If the linear correlation coefficient between the yield on shares and the yield market rate is positive, it indicates a very high degree of correlativity between these two rates. In the next part, the standard deviation must be determined both for the yield market rate and for the corporate shares yield rate.

The standard deviation for corporate shares yield rate is also determined by using the same logic, where one can see whether the standard deviation of corporate shares yield rate in our examples is higher or lower than the standard deviation of yield market rate. In the end, one can conclude how much a corporation is sensitive to changes of yield market rate, indicated by the resulting beta coefficient. For the users of information on the standard deviation, correlation, and the beta coefficient, fully understanding how they are determined based on the aforementioned formulas, as well as for those with the need to often re-calculate the obtained data, individually and quickly, it is advisable to use Excel as an electronic programme with built-in functions for determining their value. The aforementioned indicators for certain more representative shares from the Belgrade Stock Ex-

change, in the period from 2007 to 2016, are determined here, i.e. the yield of shares from the sample (Tables 3 and 4) are compared with the data of the Belex 15 index from the Belgrade Stock Exchange, with the assumption that we have determined individual yields per share solely as the difference in prices (year after year), therefore, without calculated and paid dividends. However, regardless of the fact, the results obtained by determining the standard deviation, correlation degree between the

yield of particular shares and the market yield, and the beta coefficient show, or rather precisely present the state on the mentioned market. The above-mentioned indicators have been determined by using the ENHL shares from the Belgrade Stock Exchange and an electronic table, where it is clear that, when the share yield realises a high degree of correlation with the market yield, the beta coefficient is also high, i.e. above 1, and the shares are offensive (Table 6).

Table 7

Indicators for AIKB shares

Year	Yield in percentage	
	Belex 15	AIKB
2007	38,39	72,60
2008	-75,62	-74,00
2009	17,44	-3,10
2010	-1,81	34,40
2011	-23,43	-50,40
2012	4,98	-5,00
2013	6,51	-2,11
2014	19,54	20,35
2015	-3,44	-0,38
2016	11,38	-4,79
SDr	29,39	38,64
β		1,13
Correlation		0,86

Table 8

Indicators for KMBN shares

Year	Yield in percentage	
	Belex 15	KMBN
2007	38,39	31,76
2008	-75,62	-73,44
2009	17,44	10,58
2010	-1,81	-9,39
2011	-23,43	-34,74
2012	4,98	-17,71
2013	6,51	7,72
2014	19,54	46,05
2015	-3,44	-26,22
2016	11,38	7,02
SDr	29,39	32,71
β		1,02
Correlation		0,91

However, as we can see in our sample, i.e. the Belgrade Stock Exchange and the Belex 15 index, there are also shares with a lower beta coefficient, i.e. some shares have achieved the beta coefficient below average, that is to say, they are defensive shares that should not be in the portfolio of shares when the market index drops.

In the end, we present a review of the results determined by the indications of shares from the sample compared with the indicators of the Belex 15 index used for trade in the observed period. The results are as follows (Table 9):

– the yields of nearly all presented shares are largely dependent on the market yield, i.e.

the linear correlation coefficients between the yield on shares and the yield market rate are positive (from 0,76 to 0,91);

– the non-banking corporations (ENHL, TGAS, IMLK) realise higher beta coefficients (from 1,19 to 1,48) than banks (KMBN, JMBN, UNBN), i.e. they are more sensitive to changes than banks and they can realise yield based on the beta coefficient as well (from 0,58 to 1,13);

– the shares of non-banking corporations are offensive ($a > 1$), and the shares of banks are defensive ($a < 1$), etc.

Table 9

Indicators for shares from the sample

Company – Bank	SDr	Correlation	β
AIKB	38,64	0,86	1,13
KMBN	32,71	0,91	1,02
UNBN	32,66	0,71	0,79
JMBN	35,61	0,48	0,58
TGAS	52,60	0,83	1,48
ENHL	53,38	0,90	1,64
IMLK	41,64	0,84	1,19

Possible solutions to the problem. Considering the apparent trend of concentrating ownership in a string of companies on the Belgrade Stock Exchange, present in the previous years, along with the generally chronic problems of insolvency, investors' lethargy, and the reducing amount of quality securities on the domestic stock market, we can say that the perspective of developing this part of the financial market is not exactly bright. However, the solutions in this regard, i.e. the problem of quality securities and their correlation with the growth and rise of the financial market, can be presented currently in Serbia in:

a) the need of the state to sell all public companies and for those public companies to appear on the stock market, because the advantage of selling public companies would be their quotation on the market and ability to collect new funds from the market, necessary for development and further operation;

b) that the Belgrade Stock Exchange realises public offerings, e.g. of shares, of some quality companies that are not yet quoted on the stock market. The right example could have been the initial public offering to sell the shares of the company «Telekom Srbija» when it bought the telecommunications company in the Republic of Srpska. It was then that the state could have accumulated the capital for the purchase from numerous new shareholders, instead of taking significant credits from the bank consortium, and instead of directing part of the profit into further growth and development, the state is now obligated to pay annuities, i.e. interest on these annuities, thus making the company less competitive compared to other companies in the same field;

c) that the existing shareholders (owners) of various forms of companies (most often LLCs) and the new founders are suggested with establishing joint stock companies as the most suitable form of companies for acquiring capital. Why? Because every new, but also old company in any legal form, always needs new and fresh capital if it wishes to grow and develop with the aim of staying on the market. The easiest and most economical way of acquiring new capital and new developmental projects is acquiring capital by issuing shares in which a large number of smaller shareholders would appear, who would not be able to influence the management of the company significantly, but who would greatly aid with their new shares in realising new project tasks of the company. Such company would certainly have to have a high-quality and prospective scope of work;

d) the suggestions from the Government and the Parliament, presented in future laws and regu-

lations, which would prevent the companies that have acquired ownership through the privatisation of public companies from abandoning shareholding, or make them abandon such intentions. Why? Because many companies, which had thousands of shareholders in 2007, today only have the one that has no interest in performing business as a joint stock company and who cannot wait to abandon this operating form, because he is alone and makes all the decisions on his own, and the other shareholders are an excess, he does not need them. He has the desire to be the sole owner, he entraps huge capital, has no possibility of gathering funds through issuing shares, has no co-owners who would increase the management efficiency, nor is he quoted on the market, so such a company grows at a rate different from that of a joint stock company with several members, and finally, it does not establish a connection between developing the capital market and boosting the economy.

Conclusion. The market economy is unimaginable without a stock market and without the free flow of capital, which present the foundation of all developed countries in the West. The situation in Serbia, i.e. the Belgrade Stock Exchange, is not like that nowadays, i.e. the liquidity has nearly dried up, and the trade in securities (shares) has been reduced to a miserable level for which just several brokerages would be enough. Smaller brokerages stopped operating long ago due to lack of work, and the remaining ones have been experiencing possibly the worst crisis since the creation of the stock market in Serbia. The share price indices have been noting infamous records by achieving their historical lows. However, it is well known that a stock market crash in a country usually means the economic crash of the country as well. It is about the lack of quality companies in all fields of work, especially the companies in the manufacturing field, although the companies in the service field are increasingly interesting (information technologies sector), whose final products would possess such quality and whose business results would be so positive as to arouse interest or intrigue in some new investors.

It is hard to expect that the stock market would develop on its own in a non-market environment, so the large part of the responsibility lies with the state, which has done nothing to promote shareholding and stock exchange operations. The companies have been withdrawing from the Belgrade Stock Exchange more and more, primarily due to the fact that they reached this market by means of legal obligation and that they did not manage in using the capital market's advantages,

such as acquiring capital, improving the management efficiency, strengthening their image. The research results show that the yield of almost all shares is highly dependent on the market yield, i.e. that the linear correlation coefficients between the share yield and market yield rate are positive, that non-banking corporations have achieved higher beta coefficients compared to banks, i.e. that they are more sensitive to changes than banks, and that they can realise yield based on the beta coefficients as well, and finally that the non-banking corporations' shares are offensive, while the banking ones are defensive.

The solutions could be: the need of the state to sell all public companies and for those public companies to appear on the stock market, that the Belgrade Stock Exchange realises public offerings, e.g. of shares, of some quality companies that are not yet quoted on the stock market, that the existing shareholders (owners) of various forms of companies (most often LLCs) and the new founders are suggested with establishing joint stock companies as the most suitable form of companies for acquiring capital, and lastly, the suggestions from the Government and the Parliament, presented in future laws and regulations, which would prevent the companies that have acquired ownership through the privatisation of public companies from abandoning shareholding, or make them abandon such intentions. Why? Because many companies, which had thousands of shareholders in 2007, today only have the one that has no interest in performing business as a joint stock company.

References

1. Berk J. P. D. (2011) *Corporate Finance*, Harlow: Pearson Education Limited. Pp. 316–320.
2. Brealey R. A., Mayers S. K., Marcus A. J. (2010) *Osnovi korporativnih finansija*, Beograd: Mate, Zagreb. Pp. 295, 296.
3. Ferguson N. (2010) *Uspon novca, finansijska istorija sveta*, Beograd: Plato books Beograd.
4. <http://www.belex.rs/trgovanje/izvestaj/godisnji>.
5. http://www.belex.rs/trgovanje/izvestaj_xml/aktivnost_godisnji/514.
6. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/1368.
7. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/1953.
8. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/2537.
9. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/3118.
10. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/3699.
11. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/4279.
12. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/4861.
13. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/516.
14. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/518.
15. http://www.belex.rs/trgovanje/pregled_/godisnji/787.
16. <http://www.sec.gov.rs/index.php/sr/>.
17. Ivanišević M. (2008) *Poslovne finansije*, Beograd: Centar za izdavačku delatnost Ekonomskog fakulteta u Beogradu.
18. Kaen F. R. (2010) *Corporate Finance*, Cambridge: Wiley-Balckwell.
19. Mishkin F. S. (2010) *Ekonomija novca, bankarstva i finansijskih tržišta*, Zagreb: MATE D.O.O. Zagreb.
20. Šalić R. (2013) *Osnove korporativnih finansija*, Beograd: Draslar Partner.
21. Šoškić D. (2010) *Hartije od vrednosti: Upravljanje portfoliom i investicioni fondovi*, Beograd: Centar za izdavačku delatnost Ekonomskog fakulteta U Beogradu.
22. Zandi M. (2010) *Financijski šok*, Zagreb: Mate.
23. Žižić M., Lovrić M. P. D. (2006) *Metodi statističke analize*, Beograd: Centar za izdavačku delatnost Ekonomskog fakulteta u Beogradu.

КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Н. ГЕРГОВА,

*доктор наук, Высшее транспортное училище
имени Тодора Каблешкова, София, Республика Болгария
E-mail: ninagergova@vtu.bg*

Применение комплексной модели конкурентоспособности высших учебных заведений позволяет оценить рынок высшего образования и выявить основные критерии и показатели для измерения качества образования и управления им, предложить механизмы для мотивации преподавателей и стимулирования профессиональной реализации студентов в соответствии с национальными интересами.

На сегодняшний день требуется постоянное повышение квалификации людей, приобретение новых знаний и умений в целях улучшения их адаптации к потребностям рынка труда и пригодности для занятости. Главная задача высшего образования заключается в налаживании эффективных отношений в системе «образование – наука – бизнес» в целях обеспечения хорошей подготовки выпускников университетов к практической деятельности.

Ключевые слова: конкурентоспособность высших учебных заведений, критерии качества, мотивация преподавателей, стимулирование студентов, повышение квалификации, рынок труда.

Введение. Сегодня высшие учебные заведения сталкиваются с рядом проблем, связанных с глобализацией высшего образования и усилением конкуренции на образовательном рынке. Внесенные изменения в национальные политики систем образования, переход к массовой системе образования являются частью диверсификации высшего образования. В такой изменившейся среде поиск ресурсов для постоянного повышения качества является ключевым фактором успеха вузов и соответственно их конкурентоспособности.

Окружающая экономическая среда и ситуация на рынке труда требуют постоянного повышения и совершенствования квалификации людей, а также приобретения новых знаний и умений. Высококачественная образовательная среда может предложить такое качество образования, которое позволяет студентам приобретать знания, умения и компетенции, востребованные на рынке труда. Это также оказывает сильное влияние на конкурентоспособность высших учебных заведений.

Инвестиции в знания приносят самые высокие дивиденды, поэтому усилия должны быть направлены на стимулирование современной гибкой системы образования. Это серьезная проблема для системы образования каждой страны, поскольку необходимо создать и предложить эффективную систему обучения в течение всей жизни.

Конкурентоспособность высших учебных заведений. Мы рассматриваем конкурентоспособность высших учебных заведений как сложную модель, которая, на наш взгляд, должна учитывать несколько ключевых факторов (рис. 1):

- потребность в образовательных услугах;
- профиль потребителей услуг высшего образования;
- предпочтения потребителей услуг высших учебных заведений;
- реализацию образовательных услуг;
- оценку показателей, характеризующих конкурентоспособность высших учебных заведений.

Демографическая ситуация, социально-экономическая и технологическая среда, в которой работают образовательные учреждения высшего образования, оказывают сильное влияние на все перечисленные факторы. По регионам существенное значение имеет также число университетов и места, которые они занимают в рейтинге. При определении конкурентных преимуществ каждого высшего учебного заведения основные показатели связаны с качеством обучения, профессиональной подготовкой преподавательского состава, материально-технической базой и качеством ресурсного обеспечения, развитием научно-исследовательской деятельности, международным авторитетом и др.



Рис. 1. Факторы, влияющие на конкурентоспособность высших учебных заведений

В настоящее время быстро развивающиеся технологии и социальные тенденции в обществе являются источником новых проблем в сфере высшего образования. Работая в рыночной среде, университеты должны добиваться высоких результатов в условиях постоянно растущей конкуренции.

Деятельность вузов связана с двумя рынками: рынком предлагаемых качественных и

современных образовательных услуг, адаптированных к потребностям рынка, и рынком труда. Студенты являются потребителями на рынке образовательных услуг, а работодатели выступают в роли потребителей на рынке труда. Высшее образование играет важную роль в формировании человеческого капитала (рис. 2).



Рис. 2. Формирование человеческого капитала в рамках образовательного процесса

Другим источником, демонстрирующим важность высшего образования для формирования человеческого капитала, является Европейская квалификационная рамка для обучения в течение всей жизни (ЕКР) [2].

Для того чтобы отвечать требованиям глобального рынка труда, каждый человек должен обладать широким спектром компетенций – профессиональных, ключевых и социальных. Согласно ЕКР компетентность – это доказанная способность использовать знания, умения и качества в разных ситуациях, в личностно-профессиональном развитии как результат пройденных уровней образования.

Высшие учебные заведения должны предоставлять качественные и современные образовательные услуги. Предлагаемые специальности должны соответствовать новым технологиям и социальным тенденциям в обществе, а учебные планы и учебные программы – обеспечивать приобретение студентами современных знаний и умений, востребованных на рынке труда.

Основной задачей образовательного процесса является развитие у обучаемых набора знаний и умений, необходимых для их успешной реализации. Развитие во время обучения компетентности, специфических умений и творческого мышления позволяют выпускникам быть конкурентоспособными, эффективными и быстро адаптироваться к постоянно меняющимся условиям профессиональной деятельности.

Повышение качества обучения в значительной степени зависит от высокой конкуренции между высшими учебными заведениями.

Забота о молодых людях – серьезная проблема, так как создание благоприятных условий для образования и успешной профессиональной реализации благоприятствует улучшению демографической ситуации и повышению качества жизни.

Стимулирование инноваций и предпринимательства лежит в основе Лиссабонской стратегии. Достижение устойчивого экономического роста и создание хороших рабочих мест в условиях конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях, определяют возможности для развития высшего образования и решения стоящих перед ним вызовов.

Самой характерной чертой современных молодых людей является стремление к независимости и самореализации – стремление к принятию самостоятельных решений и индивидуальный подход к жизни.

Большинство молодых специалистов ищет работу на рынке труда, что требует целе-

направленных и постоянных усилий по самосовершенствованию, приобретению знаний, умений и компетенций, которые отвечают требованиям работодателей.

В связи с этим образование, полученное в высших учебных заведениях, должно соответствовать политике в области обеспечения занятости молодежи на основе среднесрочного (до 5 лет) и долгосрочного (15–20 лет) планирования потребностей экономики в кадрах, обладающих определенными умениями и квалификацией.

Окружающая экономическая среда и состояние рынка труда требуют постоянного повышения и совершенствования квалификации людей, а также приобретения новых знаний и умений. Национальная стратегия в области обучения в течение всей жизни ставит своей основной целью «более успешную социальную и трудовую деятельность путем обеспечения равного доступа к образованию и обучению, а также развития системы непрерывного обучения».

Основная цель университетов – не только давать новые знания, но и превратиться в современные образовательные учреждения, в которых обучение отвечает требованиям глобализации и уровню технологического развития. Достижения в области информационных и коммуникационных технологий открывают новые возможности для обучения и усвоения новых знаний и умений, повышающих пригодность для занятости каждого человека.

Образовательный рынок характеризуется сильной конкурентной борьбой между университетами в целях привлечения большего числа студентов. Гарантией успеха является хорошее качество предоставляемой образовательной услуги, цели самого университета и его политика в области образования. По этой причине основными приоритетами в его деятельности, обеспечивающими прочные позиции на образовательном рынке, должны стать расширение областей подготовки и модернизация технологий и содержания обучения. Существенное значение имеет также соответствие обучения потребностям бизнеса и требованиям рынка труда.

Другой важный вызов – создание в высших учебных заведениях условий для обучения в течение всей жизни и для повышения квалификации.

Конкурентоспособность высших учебных заведений зависит от нескольких основных критериев, которые можно классифицировать как конкурентную среду, конкурентные преимущества, конкурентоспособность образовательных услуг и конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

При анализе конкурентоспособности высшего учебного заведения важно понять его ценность как субъекта рынка и ценность предлагаемых им продуктов и услуг. Конкурентные преимущества соответствующего высшего учебного заведения на образовательном рынке также являются важным фактором для определения его ценности. Стоимость образовательных услуг в высших учебных заведениях зависит как от оценки потребителей, так и от самого процесса обучения и его результатов. Оценка этих элементов определяет конкурентоспособность образовательных услуг.

Заключение. Применение комплексной модели конкурентоспособности высших учебных заведений позволяет оценить рынок высшего образования и выявить основные критерии и показатели для измерения качества образования и управления им, предложить механизмы для мотивации преподавателей и стимулирования профессиональной реализации студентов в соответствии с национальными интересами.

На сегодняшний день требуется постоянное повышение квалификации людей, приобретение новых знаний и умений в целях улучшения их адаптации к потребностям рынка труда и пригодности для занятости. Главная задача высшего образования заключается в налаживании эффективных отношений в системе «образование – наука – бизнес» в целях обеспечения хорошей подготовки выпускников университетов к практической деятельности.

Список литературы

1. *Гергова Н.* Бенчмаркинг модел за оценка и анализ на качеството на висшето образование в Р. България. Диссертация. 2017.
2. Европейская квалификационная рамка. Люксембург, 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/ploteus/sites/eac-eqf/files/broch_bg.pdf.
3. *Ламбовска М.* Концепция за контрол на екипи в организацията. сп. «Икономика 21», бр. 1, С. А. «Д. А. Ценов», Свищов, 2014. С. 3–32.
4. *Рибов М. В.* търсене на решение за реформата във висшето образование», Девета Международна научна конференция «Предизвикателства пред съвременната икономика». 2012.
5. Стратегия за развитие на висшето образование в Република България за периода 2014–2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mon.bg/>.
6. *Тодорова Д.* Бъдеще, базирано върху знанието. Научно-методическо списание «Професионално образование». София: Изд. «Аз Буки», МОН, 2012. Кн. 5. С. 411, 412.
7. *Kolev P., Todorova D., Gergova N.* Electronic Forms Of Training – Opportunities And Prospects For Todor Kableshkov University Of Transport, (Електронни форми на обучение – възможности и перспективи пред университета по транспорт «Тодор Каблешков»). Международна научна конференция «Мениджмънт 2012». Белград, 2012. С. 343–369.
8. *Manatos M., Sarrico C., Rosa M.* The Integration of Quality Management in Universities, An Analysis Based on Quality Policy Statements, Higher Education Research in the 21st Century Series. 2015. Pp. 143–158.